

Вестник НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ Московского Основан в ноябре 1946 г. университета

Серия 25 **МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА**

ТОМ 11 • № 3 • 2019 • ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

История международных отношений и внешней политики

- Носенко Т.В. Позиция СССР во время Октябрьской войны 1973 г.: неизвестные страницы и историографические интерпретации 3
- Небольсина М.А. Из истории становления корпоративного наемничества: секретная операция Великобритании в Северном Йемене в 1960-е годы 40

Теория международных отношений

- Скороспелова Т.В. Гендерная проблематика в исследованиях феномена войны 77
- Катков А.Д. Понятие суверенитета в международно-политических исследованиях в США на рубеже XX–XXI вв. 92

Международные организации и международная интеграция

- Ефременко Д.В. Шанхайская организация сотрудничества после расширения: новые вызовы и перспективы 128

Международная безопасность

- Евтодьева М.Г., Ознобищев С.К. Боевые беспилотные системы: современный этап развития, перспективы ограничения и контроля 160

Научные обзоры и рецензии

- Хахалкина Е.В. «Мир регионов» или регионы мира? *Рецензия на коллективную монографию «Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века»* 198

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2019

Moscow University

Bulletin of World Politics

ISSN 2076-7404

Vol. 11 • No. 3 • SUMMER • 2019

CONTENTS

History of International Relations and Foreign Policy

- Nosenko T.V. The Soviet Policy in the October 1973 War: Unknown
Pages and Historiographic Interpretations 3
- Nebolsina M.A. From the History of Corporate Mercenarism:
British Clandestine Operation in the North Yemen in 1960s 40

Theory of International Relations

- Skorospelova T.V. Gender Perspective in the Studies of War 77
- Katkov A.D. The Concept of Sovereignty in the US International
Studies at the Turn of the 21st Century 92

International Organizations and International Integration

- Efremenko D.V. The Shanghai Cooperation Organization after
Enlargement: New Challenges and Prospects 128

International Security

- Yevtodyeva M.G., Oznobishchev S.K. Military Unmanned
Systems: Current State, Prospects for Limitation and Control 160

Review Essays and Book Reviews

- Khakhal'kina E.V. The World of Regions or Regions of the World.
*Book review of 'Asymmetries of Regional Integration Projects in the
21st Century'* 198

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Т.В. Носенко*

ПОЗИЦИЯ СССР ВО ВРЕМЯ ОКТЯБРЬСКОЙ ВОЙНЫ 1973 Г.: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт востоковедения Российской академии наук»
107031, Москва, ул. Рождественка, 12*

Сюжеты, связанные с арабо-израильской войной 1973 г., неоднократно становились объектом изучения как отечественных, так и зарубежных специалистов. В последние годы интерес к этой теме снова возрос, причем в западных и особенно израильских исследованиях распространение получили достаточно предвзятые и однобокие оценки роли СССР в этой войне. Данная статья, основанная на широком массиве документальных и мемуарных источников, в том числе введенных в научный оборот совсем недавно, призвана уточнить или опровергнуть выводы, содержащиеся в историографии, относительно характера советской политики на Ближнем Востоке в рассматриваемый период. В этой связи автором предпринята попытка вписать события, связанные с войной Судного дня, в более широкий контекст региональных и глобальных внешнеполитических интересов Советского Союза, в частности взглянуть на них через призму начавшейся разрядки в советско-американских отношениях. С точки зрения изучения регионального контекста особое внимание уделено вопросу о возможностях советского руководства оказывать влияние на своих ближневосточных партнеров, прежде всего на А. Садата. Наконец, автор отдельно останавливается на роли идеологического фактора в формировании позиции Москвы в отношении новой арабо-израильской войны. Автор приходит к выводу, что в действительности влияние СССР на арабские страны было весьма ограниченным, и на практике то же египетское правительство в ходе рассматриваемых событий скорее ориентировалось на США. Такая политика Каира лишала Советский Союз важной опоры в регионе

* Носенко Татьяна Всеволодовна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН (e-mail: nosenkotat@gmail.com).

и прямо отразилась на ходе последующих переговоров, призванных урегулировать конфликт, от которых СССР был фактически отстранен. Война Судного дня высветила также негативное влияние чрезмерной идеологизированности советской внешней политики, которая мешала руководству СССР гибко реагировать на быстро меняющуюся региональную ситуацию. В то же время рассматриваемые события позволяют пролить свет на истинное отношение Москвы к разрядке в советско-американских отношениях. С одной стороны, советское руководство не хотело допустить, чтобы региональный конфликт негативно отразился на достигнутом уровне взаимодействия с США. С другой стороны, события Октябрьской войны недвусмысленно показали, что в ситуации кризиса стремление защитить собственные стратегические интересы оказывалось неизменно сильнее приверженности духу разрядки.

Ключевые слова: Октябрьская война 1973 г., война Судного дня, СССР, арабо-израильский конфликт, США, Египет, А. Садат, Ближний Восток, разрядка.

В корпусе современной отечественной историографии по Ближнему Востоку заметен дефицит специальных работ, посвященных советской политике. В частности, как представляется, недостаточно изучена роль СССР в четвертой арабо-израильской войне 1973 г.¹ Этот пробел был характерен для отечественной историографии с советских времен. Даже такой авторитетный исследователь ближневосточной проблематики, как академик Е.М. Примаков, в своей книге «История одного сговора», посвященной развитию арабо-израильского конфликта в 1970-е годы, избегал анализировать советскую политику. В этой работе, например, нет упоминания о том, как советское военное давление на последнем этапе войны, интерпретированное в США как намерение осуществить военную интервенцию, создало угрозу глобального столкновения двух сверхдержав [Примаков, 1985: 42–60]. В более позднем труде, относящемся уже к постсоветскому времени, Е.М. Примаков, правда, раскрывает подоплеку обострения советско-американского противостояния, но, как представляется, делает слишком оптимистичный вывод: «После того как обе сверхдержавы попугали друг друга, были объединены их усилия по подготовке и проведению Женевской конференции» [Примаков, 2006: 162–163].

¹ В исторической литературе — война Судного дня, или Октябрьская война 1973 г.

Академик А.М. Васильев, крупнейший отечественный специалист по Арабскому Востоку, пожалуй, впервые в советской и российской историографии дал подробный анализ политики СССР на Ближнем Востоке в работе 1993 г. [Васильев, 1993]². В кратком разделе о войне Судного дня, основанном главным образом на свидетельствах советских дипломатов и военных, участвовавших в тех событиях, ряд проблем, в частности характер советско-американского взаимодействия, были обозначены лишь пунктирно [Васильев, 1993: 109–118].

Известный отечественный специалист по истории международных отношений М.М. Наринский в статье, посвященной политике СССР в войне 1973 г., делает довольно спорный вывод о том, что «для советского руководства разрядка между СССР и США была более важна, чем сохранение влияния на Ближнем Востоке» [Наринский, 2006: 61].

В оценках политики СССР в отношении военных событий 1973 г. на Ближнем Востоке по-прежнему лидирующая роль принадлежит зарубежным исследователям. Характерно, что в сборнике «Октябрьская война 1973 г.: политика, дипломатия, наследие», вышедшем в Великобритании в год 40-летия четвертой арабо-израильской войны [Golan, 2013], статья на эту тему была подготовлена ведущим израильским советологом Галией Голан, автором большой монографии о политике СССР на Ближнем Востоке, написанной еще в советский период [Golan, 1990]. Ее исследование отличается очень высоким уровнем аналитики, но оно строилось в основном на материалах советской и зарубежной периодической печати и лишь в малой степени затрагивало советско-американский аспект военного кризиса 1973 г.

Появляются и весьма тенденциозные работы, толкующие доступный документально-мемуарный материал исключительно в негативном для СССР свете. Так, в объемной монографии «Советско-израильская война 1967–1973 гг.» израильские журналисты И. Гинор и Г. Ремез утверждают, что Москва не только не оказывала сдерживающего влияния на арабов, но и видела в военном реванше против Израиля самозначимую цель. При этом дипломатическая активность, как они считают, служила лишь прикрытием для военной стратегии [Ginor, Remez, 2017: xvi]. Такой подход обеспечивает аргументацию для бытующих

² В 2018 г. вышло второе, дополненное издание этой монографии: Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018.

до сих пор представлений о том, что Советский Союз поддерживал и возглавлял «идеологическое наступление против права на существование еврейского государства»³.

Выработка собственного взгляда на события недавнего прошлого, который обеспечивал бы в том числе аргументированную основу в полемике с различными версиями, пересматривающими и искажающими историю, требует более подробного изучения советской ближневосточной политики в период войны 1973 г. В этой статье автор, не претендуя на всестороннее освещение данного вопроса, анализирует особенности советской политики в отношении арабо-израильского конфликта на различных этапах военного кризиса 1973 г. Особое внимание уделено таким аспектам, как возможности СССР сдерживать арабов в их военных устремлениях, причины, заставлявшие Москву даже в условиях видимой переориентации египетского руководства на США продолжать оказывать массированную военную помощь Египту и обеспечивать его политическую поддержку.

Обращают на себя внимание различные трактовки влияния политики разрядки в отношениях СССР и США на их действия в Ближневосточном регионе. Так, Г. Голан полагала, что советское руководство не желало ставить под угрозу политику разрядки, поэтому не поддерживало военный авантюризм своих арабских клиентов [Golan, 1990: 82–83], а Е.М. Примаков приуменьшал роль СССР и США, считая, что они не обладали решающей возможностью направлять события и оказались в зависимости от обострившегося кризиса на Ближнем Востоке [Примаков, 2006: 160]. В современной американской историографии представлен и весьма нетрадиционный взгляд, согласно которому именно разрядка способствовала поддержанию региональной нестабильности. Американский исследователь К. Дейгл, опираясь на рассекреченные в недавние годы в США архивные материалы, приходит к выводу, что Москва и Вашингтон, замораживая политическое решение конфликта в интересах разрядки, подрывали перспективы достижения мирного соглашения между арабами и израильтянами [Daigle, 2012: 8]. Такая негативная оценка влияния политики разрядки на ситуацию на Ближнем Востоке намеренно или невольно ставит под вопрос ценность советско-американского сотрудничества вообще.

³ Durns S. Marc Lamont Hill and the Soviet Union's war against Israel // The Jerusalem Post. 09.12.2018. Available at: <https://www.jpost.com/printarticle.aspx?id==573897> (accessed: 10.12.2018).

В настоящей статье автор стремится показать, что Ближний Восток оставался вне зоны политики разрядки: обе стороны использовали конфликтную ситуацию для закрепления собственных позиций в регионе. Именно это, как полагает автор, не позволило избежать эскалации военной напряженности между державами на последнем этапе войны, несмотря на высокий уровень советско-американского политического взаимодействия в ходе ближневосточного кризиса.

В работе также затронут вопрос о том, в какой степени на ближневосточном курсе отражалась идеологическая индоктринированность советской внешней политики, имел ли идеологизированный дискурс всего лишь пропагандистский характер или описание происходивших в мире процессов языком марксистско-ленинской теории становилось инструментом реализации глобальных и региональных задач Советского Союза в противостоянии с соперником? Идеологическая скованность была отличительной чертой советской внешнеполитической практики. Как подчеркивал академик А.М. Васильев, «противоречивое единство идеологии и практики, мессианской идеи, заложенной в основу Советского государства, и реальных интересов огромной страны определяло и объясняло характер поведения СССР на международной арене, в том числе на Ближнем и Среднем Востоке...» [Васильев, 1993: 19]. Проявлению этого противоречия в советской политике в конкретной ситуации военного кризиса 1973 г. уделялось мало внимания и в отечественной, и в зарубежной литературе.

Закрытость архивных материалов советских ведомств, принимавших непосредственное участие в выработке внешнеполитических решений в период войны 1973 г., до сих пор серьезно сужает возможности проведения исторических исследований в этой области. Однако уже опубликованный довольно обширный свод документов по ближневосточному конфликту из архива Министерства иностранных дел РФ за период до 1967 г. позволяет составить представление о принципиальных советских позициях по ряду региональных вопросов и о подходах к ближневосточному урегулированию⁴. К 1973 г. они не претерпели значительных изменений. Подборка официальных документов и материалов по ближневосточному урегулированию, изданная Министерством иностранных дел СССР еще в 1989 г., очень на-

⁴Ближневосточный конфликт 1947–1967. Из документов Архива внешней политики РФ: В 2 т. Т. 2. 1957–1967 / Отв. ред. В.В. Наумкин. М.: МФД, 2003.

глядно демонстрирует идеологический окрас советского внешнеполитического дискурса⁵.

В настоящей работе были использованы также документы по войне 1973 г., представленные в электронных архивных сборниках Государственного департамента⁶ США и ЦРУ⁷. Ряд интересных документов по советско-американскому взаимодействию содержатся в сборнике статей «Президент Никсон и роль разведки в арабо-израильской войне 1973 г.», выпущенном Президентской библиотекой Р. Никсона в 2013 г.⁸ Американские дипломаты и спецслужбы очень внимательно отслеживали состояние советско-арабских отношений, в частности характер и уровень советского военного присутствия в регионе и объем военной помощи, оказывавшейся Египту и Сирии. Важные документальные свидетельства раскрывают содержание советско-американских и американо-египетских переговоров, проводившихся по секретным каналам накануне и в ходе войны. Это дает возможность проследить расхождения, а порой несовместимость советского и американского подходов к проблемам урегулирования конфликта. Кроме того, рассекреченные материалы позволяют преодолеть заблуждение, что только советская сторона несла ответственность за безрезультатность разрядки в том, что касается региональных конфликтов⁹. Американская политика, как свидетельствуют документы, была направлена на вытеснение Советского Союза из региона, и в этих целях применялись различные средства манипулирования конфликтом.

К исследованию был привлечен довольно значительный мемуарный материал. Автор отдает себе отчет, что воспоминания современников не могут компенсировать отсутствие документальных источников. Но авторы мемуаров — советский посол в

⁵ СССР и ближневосточное урегулирование, 1967–1988: Документы и материалы / Отв. ред. Ю.М. Воронцов. М.: Политиздат, 1989.

⁶ Foreign relations of the United States, 1969–1976 (далее — FRUS). Vol. 25: Arab-Israeli crisis and war, 1973. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/> (accessed: 10.12.2018).

⁷ CIA library electronic reading room. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/home> (accessed: 10.12.2018).

⁸ President Nixon and the role of intelligence in the 1973 Arab-Israeli war. Yorba Linda, CA: Richard Nixon Presidential Library and Museum, 2013. Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/international-relations/arab-israeli-war/nixon-arab-israeli-war.pdf> (accessed: 25.11.2018).

⁹ Такую точку зрения высказывал, например, А.М. Васильев [Васильев, 1993: 125].

Вашингтоне А.Ф. Добрынин¹⁰, советский посол в Каире В.М. Виноградов¹¹, высокопоставленный советский дипломат В.Л. Израэлян¹² — основывали свои воспоминания на документах, к которым они имели доступ. Их свидетельства являются важным достоверным источником для воссоздания реальности прошлого. Особняком в этом ряду стоят воспоминания А.А. Громыко¹³, бессменного министра иностранных дел СССР на протяжении почти 30 лет. Они скорее отражают тот образ мышления, который был присущ высокопоставленным советским руководителям, чем позволяют судить о позициях Советского Союза в конкретных исторических ситуациях.

Ряд важных оценок концептуальных основ советской ближневосточной политики представлены в мемуарах К.Н. Брутенца, являвшегося на протяжении нескольких десятилетий ответственным сотрудником Международного отдела ЦК КПСС¹⁴. О некоторых военных аспектах советского участия в конфликте на Ближнем Востоке в 1973 г. можно судить по воспоминаниям советских военных специалистов, находившихся в Египте и Сирии¹⁵.

Именно использование широкого массива документальных и мемуарных источников, ставших доступными в последние годы, позволяет уточнить или опровергнуть выводы, содержащиеся в предыдущей историографии, относительно характера советской политики в войне 1973 г.

Предпосылки Октябрьской войны 1973 г.

Арабо-израильская война в октябре 1973 г. была прямым следствием и фактически продолжением июньской, или Шестидневной войны 1967 г. Продемонстрировав свое военное пре-

¹⁰ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1996.

¹¹ Виноградов В.М. Египет: от Насера к Октябрьской войне. Из архива посла. М.: Институт востоковедения РАН, 2012; Виноградов В.М. Египет: смутная пора. Записки посла СССР // Знамя. 1988. № 12. С. 86–93.

¹² Israelyan V. Inside the Kremlin during the Yom Kippur war. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1995.

¹³ Громыко А.А. Памятное. Т. 1–2. М.: Политиздат, 1990.

¹⁴ Брутенц К.Н. Тридцать лет на Старой площади. М.: Международные отношения, 1998.

¹⁵ Командировка на войну. Советские военные в Египте. М.: Институт востоковедения РАН, ИСАА МГУ, 2009; Сирийский плацдарм. Воспоминания советских военных советников в Сирии / Авт.-сост. А.Н. Почтарев. М.: Кучково поле, 2016.

имущество над арабскими армиями и захватив большие арабские территории в 1967 г., Израиль рассчитывал не только укрепиться на них, но и добиться от арабов признания его в качестве полноправного регионального партнера и заставить их пойти на заключение мира, соответствовавшего интересам обеспечения его безопасности. Потерпевшая поражение арабская сторона рассматривала завоевания Израиля исключительно как результат его агрессии. Арабские лидеры не видели никаких оснований выполнять требование о прекращении состояния войны до тех пор, пока израильские войска находятся на территориях арабских государств и не решена проблема палестинского народа. С июня 1967 г. на протяжении шести лет на Ближнем Востоке велись военные действия малой интенсивности, в которых обе стороны несли большие потери. Попытки урегулировать конфликт предпринимались через ООН, СССР и США выступали со своими мирными инициативами. Но они не имели успеха не только потому, что не принимались сторонами. Военное противостояние подпитывалось большими вливаниями современных вооружений. Американская военная помощь еврейскому государству в 1971–1973 гг. возросла в десять раз по сравнению с предыдущим трехлетним периодом [Quandt, 1977: 163]. СССР в ходе «войны на истощение» разместил в Египте 18 батарей зенитно-ракетных комплексов SA2¹⁶, 80 истребителей МиГ-21 и МиГ-23 [Васильев, 1993: 97]. Советские военные поставки в Сирию в первом полугодии 1973 г. более чем в пять раз превышали объем помощи этой стране в предыдущем году¹⁷.

Советская военная поддержка арабов со времен Г. Меир¹⁸ и М. Даяна¹⁹ рассматривалась в Израиле как главный источник напряженности на Ближнем Востоке. До сих пор там есть немало сторонников версии, что именно советское вмешательство, обеспечившее как египетским, так и сирийским силам технические и стратегические преимущества на первых этапах новой войны, стало чуть ли не главным фактором успешного наступления арабских армий. Так, израильские авторы И. Гинор и Г. Ремез утверждают, что Москва в сговоре с А. Садатом²⁰ якобы распро-

¹⁶ SA2 — классификация Министерства обороны США, соответствует советскому зенитному ракетному комплексу С75.

¹⁷ Сирийский плацдарм... С. 35.

¹⁸ Голда Меир — премьер-министр Израиля во время войны 1973 г.

¹⁹ Моше Даян — министр обороны Израиля во время войны 1973 г.

²⁰ Анвар Садат — президент Египта во время войны 1973 г.

странила ложную версию об «изгнании советских советников»²¹, хотя на самом деле так называемые советники из СССР и были той силой, которая обеспечила высокую боеспособность египетской армии во время форсирования Суэцкого канала и штурма линии Барлева²² [Ginor, Remez, 2017: 271].

Действительно, после вывода из Египта советского контингента²³ там оставалось некоторое количество военных специалистов для обслуживания боевой техники, которая не была освоена египтянами. По данным западных источников, к началу военных действий в октябре 1973 г. в Египте находились от 80 до 200 советских военных, и 1600 человек были размещены в Сирии и Ираке²⁴. Израильская исследовательница Г. Голан утверждает, что в начале 1973 г. Москва дала согласие на возвращение в Египет 1500–2000 военных советников [Golan, 1990: 83]. Российские военные — участники тех событий свидетельствуют, однако, что «во время войны и египтяне, и сирийцы в принципе не нуждались в помощи советских инструкторов» благодаря полученной в Советском Союзе подготовке²⁵. В первые дни войны высшее советское командование было удивлено тем, что Египту и Сирии удалось достичь таких успехов в операциях на Синае и Голанских высотах без участия советников из СССР в их планировании и осуществлении²⁶.

Что же касается сговора с Москвой, то А. Садат в своих мемуарах, которые отличает довольно недружественный тон в отношении Советского Союза, подчеркивал: одна из причин, заставивших его отказаться от помощи советских военных экспертов, состояла в том, что их присутствие становилось сдерживающим фактором в реализации его военных целей в отношении Израиля. Пока советские эксперты работали в Египте, ни о какой войне не

²¹ В июле 1972 г. президент А. Садат потребовал вывести с территории Египта советский военный контингент, введенный туда в начале 1970 г. по просьбе президента Г. Насера.

²² Линия израильских военных укреплений на восточном берегу Суэцкого канала, возведенных после войны 1967 г.

²³ По разным сведениям, советский контингент в Египте составлял 15–17 тыс. человек.

²⁴ Soviet troops in the Middle East. Cable for Secretary Kissinger from Brant Scowcroft. 06.11.1973 // President Nixon and the role of intelligence in the 1973 Arab-Israeli war. P. 49; The Cost to the USSR of the Arab-Israeli Wars. 30.10.1973. P. 4. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/1973-10-30E.pdf> (accessed: 25.11.2018).

²⁵ Командировка на войну. Советские военные в Египте. С. 33.

²⁶ Israelyan V. Op. cit. P. 53.

могло быть и речи²⁷. Снижение доверия советского руководства к египетскому режиму после смерти президента Г.А. Насера в сентябре 1970 г., неприязненное отношение к личности самого А. Садата, о чем достаточно ярко свидетельствуют мемуары и А.А. Громыко²⁸, и посла В.М. Виноградова²⁹, не дают оснований полагать, что Москва могла пойти на заключение какого-то тайного сговора с египетским лидером. В документах и мемуарной литературе содержится достаточно свидетельств о том, что с 1971 г. А. Садат координировал с американцами свои планы в отношении Израиля, а его полная переориентация на взаимодействие с США после войны доказывает, что разрыв с Москвой был органической частью его политики. Это, правда, не мешало ему как в предвоенный период, так и в ходе боевых действий постоянно требовать от СССР увеличения поставок оружия.

Предлагаемая израильскими авторами трактовка советской политики как торжества милитаристских устремлений СССР на Ближнем Востоке не вписывается в реальный контекст региональной ситуации и глобальных интересов Советского Союза в тот период. В Кремле к вероятности военных побед арабов относились очень скептически³⁰. В случае же их поражения вину за это могли возложить на СССР, как в 1967 г. Кроме того, это грозило бы большими репутационными потерями для советского оружия, поставки которого были важным элементом конкуренции с Западом за влияние в Ближневосточном регионе. Сдержанная оценка Москвой перспектив новой войны на Ближнем Востоке объяснялась опасениями, что военный авантюризм арабов поставит под угрозу наметившуюся положительную динамику в советско-американских отношениях. Американские аналитики из Совета национальной безопасности США в октябре 1973 г. пришли к заключению, что Советский Союз не подталкивал арабов к войне: «Не вызывает сомнений, что Советы были осведомлены о предполагавшихся военных действиях, — писали они. — Но сомнительно, чтобы арабов активно подталкивали к войне, хотя они и могли получить предварительно заверения в том, что им будет оказана помощь»³¹.

²⁷ Sadat A. In search of identity. An autobiography. London: Fontana/Collins, 1978. P. 276.

²⁸ Громыко А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 273–280.

²⁹ Виноградов В.М. Египет: от Насера к Октябрьской войне... С. 187.

³⁰ Israelyan V. Op. cit. P. 53–56, 58.

³¹ Memorandum from Helmut Sonnenfeldt of the National Security Council staff to Secretary of State Kissinger. 10.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d142> (accessed: 20.11.2018).

Военное столкновение между арабами и Израилем скорее отвечало американским интересам. Есть свидетельства того, что Г. Киссинджер в переговорах с египтянами не настаивал на исключительно мирных способах преодоления тупика в арабо-израильском конфликте [Примаков, 2006: 150–154]. Стратегия его «разогревания» вплоть до военной фазы, воплощавшаяся американским госсекретарем, была направлена на то, чтобы дать возможность арабам, прежде всего Египту, преодолеть комплекс побежденной и униженной стороны, сложившийся после 1967 г. Вместе с тем нужно было подтолкнуть и Израиль к осознанию того, что неуступчивость и нежелание идти на компромиссы приводит к войне, в которой совсем не обязательно Тель-Авив оказывается триумфатором. Последовавшие в период войны маневры американской дипломатии состояли в том, чтобы, с одной стороны, в критические моменты оказывать помощь Израилю, а с другой, как писал посол А.Ф. Добрынин, «убедить арабов, что только США смогли приостановить победное наступление Израиля, а значит, только США могут стать естественным единственным спонсором необходимых арабо-израильских переговоров. Влияние же Советского Союза на Ближнем Востоке при этом серьезно подрывалось»³².

Советская политика во время Октябрьской войны 1973 г.: глобальное и региональное измерения

Особенностью военного кризиса на Ближнем Востоке в октябре 1973 г. было то, что он разворачивался в условиях довольно интенсивно развивавшегося диалога между СССР и США по основным международным проблемам, в том числе по урегулированию арабо-израильского конфликта. По утверждению посла А.Ф. Добрынина, «вопросы ближневосточного урегулирования довольно активно стояли в повестке дня советско-американских отношений» в начале 1970-х годов³³. Тем не менее эти усилия оказались безрезультатными: державам не удалось предотвратить войну. Важная причина этого, как представляется, состояла в том, что разрядка, снижавшая напряженность между СССР и Западом на глобальном уровне, не затрагивала периферийные сферы международных отношений, не распространялась на зону арабо-израильского конфликта. Не разрядка как таковая усиливала арабо-израильскую напряженность, как полагают

³² Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 272.

³³ Там же. С. 194.

некоторые современные американские исследователи [Daigle, 2012: 10], а сохранявшийся на Ближнем Востоке высокий уровень советско-американской конфронтационности, который был обусловлен системой клиентских отношений со странами региона. Президент Р. Никсон указывал в выступлении перед конгрессом США в феврале 1972 г., что стремление Советского Союза закрепить и расширить свое военное присутствие в Египте вызывает беспокойство у Соединенных Штатов и может нанести урон стабильности баланса сил в районе Восточного Средиземноморья и в глобальном плане [Quandt, 1977: 148]. В свою очередь советские руководители видели в поддержке США «израильской агрессии» один из главных источников трений в советско-американских отношениях и считали необходимым добиваться ослабления роли Вашингтона в таком стратегически важном регионе, как Ближний Восток³⁴.

В 1950–1960-е годы СССР приобрел на Ближнем Востоке небывало прочные позиции по сравнению с предыдущими историческими периодами. Комплекс военно-стратегических, политических, экономических интересов требовал сохранения и упрочения этих завоеваний. Американские аналитики, оценивая со своих позиций советскую ближневосточную политику, указывали, что «интересы Москвы на Ближнем Востоке являются главным образом традиционными геополитическими интересами великой державы в отношении близлежащих меньших государств и важных морских путей»³⁵. СССР всегда будет учитывать последствия своей ближневосточной политики для взаимоотношений с США, но «ничто не заставит его отказаться от своих интересов на Ближнем Востоке» — подчеркивалось в записке, подготовленной ЦРУ в мае 1973 г.³⁶

Интерес к Ближнему Востоку не ограничивался чисто прагматическими соображениями. В марксистско-ленинской трактовке международных отношений регион представлял собой зону национально-освободительной борьбы. В директивных партийных документах указывалось, что главным препятствием в решении общенациональных задач освободившихся от колониальной за-

³⁴ Записка о состоянии советско-американских отношений, представленная в Политбюро в начале 1971 г. А.А. Громыко и Ю.В. Андроповым // Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 201.

³⁵ Intelligence memorandum 'Soviet policy in the Middle East'. 08.05.1973 // CIA Document Service Branch 1647/73. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/1973-05-08.pdf> (accessed: 05.05.2019).

³⁶ Ibidem.

висимости государств является политика империализма и Соединенных Штатов Америки как главного оплота современного колониализма³⁷. Таким образом, взятый курс на мирное сосуществование с Западом, практическим воплощением которого стала политика разрядки, не отменял крайне враждебных идеологических характеристик роли противника в международных отношениях. Академик Е.М. Примаков, анализируя советскую ближневосточную политику, подчеркивал первоочередное значение в ней военно-политического измерения. В то же время он отмечал, что идеология до поры до времени продолжала освящать советский ближневосточный курс, теперь уже в целях его теоретических обоснований [Примаков, 2012: 24]. В реальной политике, в частности в ближневосточном конфликте, идеологические установки предполагали поддержку тех сил, которые «противостояли империализму» и потенциально могли стать опорой в продвижении советского влияния и советского видения мирового развития.

Для творцов советского внешнеполитического курса это не были пустые слова. Конкретные внешнеполитические решения в октябре 1973 г. принимались Политбюро ЦК КПСС, которое в ежедневном режиме обсуждало ход военных действий на своих заседаниях. Основными участниками этих заседаний во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым были А.Н. Косыгин, А.А. Громыко, А.А. Гречко, Н.В. Подгорный, Ю.В. Андропов, М.А. Суслов, а также секретари ЦК КПСС К. Катушев и Б. Пономарёв, которые не являлись членами Политбюро, но возглавляли два международных отдела ЦК³⁸. Это были люди, сформировавшиеся в лоне советского партийно-государственного аппарата, прошедшие испытания войной и глубоко убежденные в правильности и непреложности «ленинских принципов внешней политики», на которых строились все программные партийные документы. Так, А.А. Громыко в своих мемуарах, давая характеристику ближневосточному конфликту, писал, что главными причинами сохранявшейся взрывоопасной

³⁷ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Раздел VI: Национально-освободительное движение // Материалы XXII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1961.

³⁸ А.Н. Косыгин — председатель Совета министров СССР (1964–1980); А.А. Громыко — министр иностранных дел СССР (1957–1985); А.А. Гречко — министр обороны СССР (1967–1976); Н.В. Подгорный — Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1965–1977); Ю.В. Андропов — председатель КГБ СССР (1967–1982); М.А. Суслов — секретарь ЦК КПСС (1947–1982).

обстановки были империалистическое вмешательство во внутренние дела народов этого региона и поощряемые американцами экспансионистские устремления Тель-Авива³⁹.

Трактовка арабо-израильского конфликта как противостояния между арабским национализмом, арабским народом, борющимся за свою национальную независимость, и международным империализмом, с задачами которого отождествлялся внешнеполитический курс Израиля, пронизывала все официальные заявления советского правительства и публичные выступления советских руководителей. В симпатиях к арабам помимо чисто прагматических мотивов был и психологический момент. В них видели обиженную, пострадавшую сторону, чьи земли находились под оккупацией. Напрасно аналитики из ЦРУ полагали, что у Москвы не было особой заинтересованности в том, вернет ли себе Египет Синай, а Сирия — Голанские высоты, что поддержка этих требований была важна только для сохранения хороших отношений с арабскими столицами⁴⁰. Применение силы с их стороны рассматривалось в советских партийно-государственных кругах как законный ответ на жесткую позицию Израиля в отношении захваченных им территорий, как справедливая реакция на притязания агрессора⁴¹.

Следование арабскому дискурсу, в котором вся ответственность за сохранение напряженности на Ближнем Востоке неизменно возлагалась на Израиль, нередко приводило к сознательному искажению реальных фактов. В Заявлении правительства СССР о положении на Ближнем Востоке от 8 октября 1973 г. вообще не упоминалось о том, что войну начали арабы⁴². А.А. Громыко проинструктировал его составителей, чтобы вся вина за начало военных действий была возложена на Израиль, хотя в Кремле прекрасно знали о реальном положении дел⁴³.

Правда, в закрытых советских документах резкость в отношении Тель-Авива сменялась на вполне прагматичный подход. 16 октября, когда в войне наметился явный перевес в пользу Израиля, Л.И. Брежнев направил президенту Р. Никсону посла-

³⁹ Громыко А.А. Указ соч. Т. 2. С. 281.

⁴⁰ Intelligence memorandum 'Soviet policy in the Middle East'. 08.05.1973 // CIA Document Service Branch 1647/73. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/1973-05-08.pdf> (accessed: 05.05.2019).

⁴¹ Брутенц К.Н. Указ. соч. С. 102.

⁴² Заявление правительства СССР о положении на Ближнем Востоке. 08.10.1973 // СССР и ближневосточное урегулирование... С. 172.

⁴³ Israelyan V. Op. cit. P. 41.

ние с подробным разъяснением советской позиции по вопросам урегулирования конфликта. В нем, в частности, упоминалось, что Советский Союз спас миллионы евреев от уничтожения гитлеровскими палачами, никогда не поддерживал и не поддерживает намерения ликвидировать Израиль как государство и считает, что все важные для него вопросы могут быть решены после вывода израильских войск с арабских территорий, оккупированных в 1967 г.⁴⁴

Советское руководство в разных формах предпринимало шаги по сдерживанию арабского негативизма в отношении Израиля. Как свидетельствует высокопоставленный сотрудник ЦК КПСС К.Н. Брутенц, на всех уровнях — от таких советских общественных организаций, как Комитет защиты мира, до генерального секретаря — арабов настойчиво побуждали примириться с существованием Израиля, признать его реальностью, с которой надо считаться, и искать политические пути решения противоречий⁴⁵. Правда, интенсивная антисионистская пропаганда, процветавшая на всем пространстве советского информационного поля, видимо, рикошетом била и по умонастроениям ее творцов. Известный советский дипломат О.А. Гриневский, возглавлявший отдел стран Ближнего Востока в МИД СССР в 1970-е годы, писал, например, что все предложения, исходившие от дипломатов или сотрудников ЦК, о восстановлении дипломатических отношений с Израилем⁴⁶ в интересах улучшения советских позиций в процессе арабо-израильского урегулирования отвергались А.А. Громыко под тем предлогом, что «народ нас не поймет»⁴⁷.

Первое советское заявление с угрозами непосредственно в адрес Израиля последовало после инцидентов в Сирии 9 и 12 октября, когда во время израильских бомбардировок Дамаска погибли граждане СССР, находившиеся в советском культурном центре, и было потоплено советское торговое судно «Илья Мечников»⁴⁸. Как писал присутствовавший на заседаниях Политбюро советский дипломат В.Л. Израэлян, «Подгорный, Кириленко и Суслов склонялись к тому, чтобы предпринять меры возмездия против Израиля». Однако Л.И. Брежнев и А.Н. Косыгин

⁴⁴ Ibid. P. 118.

⁴⁵ Брутенц К.Н. Указ. соч. С.104.

⁴⁶ СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем в июне 1967 г.

⁴⁷ Гриневский О.А. Сценарий для третьей мировой войны. Как Израиль чуть не стал ее причиной. М.: Олма-пресс Образование, 2002. С. 120.

⁴⁸ Заявление ТАСС в связи с агрессивными действиями Израиля против Сирии 13 октября 1973 г. // СССР и ближневосточное урегулирование... С. 174.

были против военного реагирования. По решению Политбюро было направлено послание президенту Р. Никсону с требованием оказать влияние на Израиль, чтобы «положить конец этим преступным действиям». Израиль предупреждали, что Советский Союз будет принимать соответствующие меры для защиты своих морских судов и других транспортных средств⁴⁹. Именно с этим инцидентом, как отмечал В.Л. Израэлян, была связана передача исключительно под контроль советских военных некоторых ракетных комплексов противовоздушной обороны, размещенных в Сирии⁵⁰. По воспоминаниям советских военных, был отдан приказ министра обороны А.А. Гречко о приведении в повышенную боевую готовность кораблей 5-й Средиземноморской эскадры⁵¹. Израильяне получили сведения о готовности трех советских воздушно-десантных дивизий выдвинуться на помощь арабам [Bar-Siman-Tov, 1987: 202]. Фактически с первых дней войны Министерство обороны СССР активизировало военные меры, которые были обусловлены повышенным уровнем международной напряженности в непосредственной близости от советских границ, необходимостью обеспечивать безопасность воздушных и морских грузоперевозок. Однако прямого вмешательства в войну Москва довольно последовательно избегала.

Приоритетным направлением в ближневосточной политике СССР со времен президента Г.А. Насера были советско-египетские отношения. Это определялось не только положением Египта как наиболее влиятельной страны в арабском мире. Разрабатывавшаяся партийными теоретиками теория «социалистической ориентации» предполагала, что антиимпериалистический национализм, составлявший основу насеровской панарабской идеологии, приведет арабских вождей к установке на социализм [Брутенц, 1968: 22], т.е. сделает их естественными союзниками социалистического лагеря. На этом же основании советским покровительством с конца 1960-х годов пользовался и баасистский⁵² режим в Сирии, проводивший антиколониальные преобразования в стране. Правда, как считал Е.М. Примаков, по мере развития событий в арабском мире в подходах СССР к той или иной арабской стране определяющим стала ее внешне-политическая ориентация [Примаков, 2012: 24].

⁴⁹ Israelyan V. Op. cit. P. 68.

⁵⁰ Ibid. P. 71.

⁵¹ Чернавин Л.Д. Место службы — Средиземное море // Командировка на войну. Советские военные в Египте. С. 244.

⁵² Партия Баас — Партия арабского социалистического возрождения.

Кремлевские лидеры недооценивали перемены во внутри- и внешнеполитическом курсе Египта с приходом к власти А. Садата. Его считали фигурой временной, во всяком случае управляемой⁵³. Сказывалась недостаточная компетентность высшего руководства СССР в отношении ситуации на Ближнем Востоке⁵⁴, при том что экспертные аналитические материалы, предупреждавшие о неблагоприятных для Советского Союза сдвигах в Египте еще в 1971 г., воспринимались с пренебрежением [Примаков, 2006: 142–144]. В Кремле имели лишь поверхностную информацию о начавшихся в феврале 1973 г. секретных встречах ближайшего советника А. Садата Х. Исмаила с бывшим тогда советником по национальной безопасности Г. Киссинджером⁵⁵. Смена курса во внешней и внутренней политике А. Садата проявлялась все более очевидно, и Москве необходимо было вновь и вновь доказывать арабским союзникам свою готовность выполнять обязательства по советско-египетскому договору, заключенному в мае 1971 г.⁵⁶ Л.И. Брежнев в своем послании от 4 октября, отвечая на вопрос А. Садата об отношении Советского Союза к его намерениям начать войну против Израиля, указывал, что решение по такому важному вопросу полностью зависит от египетского руководства, хотя в советской позиции по Ближнему Востоку главный упор делался на поисках политических средств урегулирования конфликта. По свидетельству В.Л. Исраэляна, «Брежнев не пытался разубедить арабов, потому что твердая негативная позиция в отношении арабских планов, как считали в Кремле, только разрушит и так уже зыбкие “братские” отношения с ними»⁵⁷.

Советско-арабские отношения накануне войны не отличались высоким уровнем доверия. Арабы не ставили Москву в известность, например, о точном времени начала военных действий. Есть предположения, что А. Садат мог информировать Л.И. Брежнева о готовившейся арабской атаке во время секретной

⁵³ Брутенц К.Н. Указ. соч. С. 108.

⁵⁴ Israelyan V. Op. cit. P. 92.

⁵⁵ Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon. 08.03.1973 // FRUS. Vol. 25. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d38> (accessed: 20.11.2018).

⁵⁶ В статье 8 договора предусматривалось укрепление военного сотрудничества с Объединенной Арабской Республикой (наименование Египта до сентября 1971 г.) в целях усиления ее возможностей по ликвидации последствий агрессии, а также способности противостоять агрессии вообще.

⁵⁷ Israelyan V. Op. cit. P. 11.

встречи в Болгарии в сентябре⁵⁸. Распространена точка зрения о том, что сведения о дате нападения на Израиль были переданы в Москву сирийцами не позже 4 октября, но не через официальные советские представительства, а по каким-то секретным каналам спецслужб [Golán, 1990: 85]. В результате советское руководство 4 октября приняло решение об эвакуации семей советских служащих из Египта и Сирии, несмотря на то, что это могло повредить внезапности арабского удара. В воспоминаниях советских военных советников в Сирии подтверждается, что приказ об эвакуации был отдан министром обороны А.А. Гречко в ответ на полученную в конце сентября информацию⁵⁹. Проведенная в короткие сроки эвакуация⁶⁰ большого количества людей (по оценкам, из Египта были вывезены около 3700 человек⁶¹, из Сирии, вероятно, еще больше) вновь вызывает подозрения пересматривающих историю авторов. Для них это означает, что Москва была оповещена о дате начала военных действий заблаговременно, поэтому все было подготовлено заранее [Ginor, Remez, 2017: 329–333]. Посол В.М. Виноградов, однако, утверждал, что и 6 октября во время встречи с ним А. Садат весьма туманно говорил о том, что в ближайшие часы можно ожидать событий⁶².

Как представляется, вопрос о степени осведомленности советского руководства о времени начала войны, которому в литературе, написанной за несколько прошедших после 1973 г. десятилетий, уделялось повышенное внимание, не имеет столь большого значения. Москва не могла предотвратить войну. Недаром Л.И. Брежнев во время своего визита в США в июне 1973 г., имея поручение Политбюро, настойчиво стремился привлечь внимание американского президента к тому, что на Ближнем Востоке возрастает угроза новой арабо-израильской войны и что СССР становится непросто сдерживать своих арабских союзников⁶³.

Планы А. Садата о проведении сугубо ограниченных военных действий не были известны в Москве. Сделанные им задолго до октября 1973 г. заявления о том, что война должна восстановить внимание всего мира к ближневосточной проблеме и для этого

⁵⁸ Ibid. P. 6–7.

⁵⁹ Сирийский плацдарм... С. 28–29.

⁶⁰ Для эвакуации советских граждан из СССР присылались самолеты и были задействованы корабли Средиземноморской эскадры.

⁶¹ Israelyan V. Op. cit. P. 4.

⁶² Виноградов В.М. Египет: от Насера к Октябрьской войне. С. 52.

⁶³ Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 261.

«ему достаточно будет завоевать десять сантиметров земли на восточном берегу Суэца и закончить войну на условиях, приемлемых для Египта», не воспринимались всерьез⁶⁴. Призывы советского руководства к арабским лидерам выработать общую позицию мало что значили для А. Садата, который не слишком заботился о координации своих действий с Сирией [Примаков, 2006: 154–156]. Когда уже в первые дни войны сирийцы понесли тяжелые потери и отступали к Дамаску, египетские войска взяли «оперативную паузу», несмотря на то что советское военное командование настоятельно рекомендовало развивать наступление на южном фронте в поддержку союзников.

Уже 8 октября Сирия, добившись значительных успехов на Голанских высотах, обратилась к СССР с настоятельным требованием выступить с инициативой о прекращении огня. Однако советское руководство отдало приоритет отношениям с Египтом, в тот момент тормозившим любые подобные инициативы. Вскоре перешедшая в наступление израильская армия лишила сирийцев всех завоеваний первых дней. Президент Х. Асад впоследствии обвинял Москву в предательстве сирийских интересов, несмотря на большую военную помощь, оказанную СССР Сирии⁶⁵.

Во многих работах справедливо отмечается, что с самого начала конфликта советское руководство стояло на позициях скорейшего прекращения огня [Васильев, 1993: 111; Golan, 1990: 86; Bar-Siman-Tov, 1987: 196–197], но на первом этапе войны Политбюро затормозило продвижение этой идеи после того, как ее категорически отверг египетский президент. В ответ на послание Р. Никсона, поступившее уже вечером 6 октября и содержавшее предложение о совместных действиях в Совете Безопасности ООН для принятия резолюции о прекращении огня, Л.И. Брежнев писал: «...в настоящей ситуации Советский Союз не может голосовать в Совете Безопасности за резолюцию о прекращении огня»⁶⁶. Пока военная инициатива была на стороне арабов, Кремль был против обсуждения вопросов об отводе войск на позиции до начала военных действий и против создания каких-либо комиссий расследования в рамках ООН⁶⁷. Более того, советскому представителю в Совете Безопасности поступили инструкции

⁶⁴ Israelyan V. Op. cit. P. 72.

⁶⁵ Ibid. P. 73.

⁶⁶ Message from Soviet General Secretary Brezhnev to President Nixon. 10.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Doc. 149. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d189> (accessed: 15.02.2019).

⁶⁷ Ibidem.

из Москвы наложить вето на любой проект такой резолюции, если об этом попросят представители Египта и Сирии. При этом приоритет отдавался мнению египетской стороны⁶⁸.

Заняв выжидательную позицию, Л.И. Брежнев и его коллеги по Политбюро фактически пошли на поводу у А. Садата, воодушевленного военными победами своей армии в первые дни войны и рассчитывавшего продолжить военное давление на Израиль. В Кремле считали, что без формального одобрения арабов совместные советско-американские действия в Совете Безопасности ООН в целях прекращения войны будут нарушать принцип «пролетарского интернационализма», подрывая позиции Советского Союза как лидера антиимпериалистической борьбы. По воспоминаниям В.Л. Исраэляна, заместитель министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецов так разъяснял ему ситуацию: «Можешь представить себе, что случится, если кто-то из арабов выступит против наших совместных шагов с американцами, а китайцы затем наложат вето на резолюцию? Ты что, хочешь, чтобы китайцы стали лидерами национально-освободительных, антиимпериалистических сил?»⁶⁹ Так в период ближневосточной войны проявился «китайский синдром» — идейно-политическая конфронтация с маоистским руководством КНР, которое считало советский курс на сближение с Западом несовместимым с марксистско-ленинским учением и использовало любые его проявления для дискредитации советских позиций в странах «третьего мира» и в коммунистических партиях. «Повысившаяся на Ближнем Востоке активность китайцев» крайне негативно расценивалась советским руководством еще в 1960-е годы⁷⁰. В.Л. Исраэлян отмечал, что во время войны «китайский фактор» присутствовал почти во всех обсуждениях по Ближнему Востоку в Кремле. Угроза потенциального влияния Китая в регионе, как он полагал, иногда заслоняла в глазах советских лидеров другие ближневосточные проблемы⁷¹.

Плохо укладывалось в логику борьбы за скорейшее прекращение огня советское решение о массированных поставках оружия Египту и Сирии для восстановления их потерь, когда, по свидетельствам очевидцев, 9–10 октября на арабские аэродромы

⁶⁸ Israelyan V. Op. cit. P. 47.

⁶⁹ Ibid. P. 38.

⁷⁰ Записка министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в ЦК КПСС. Ноябрь 1966 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1967. Из документов Архива внешней политики РФ. Т. 2. С. 529.

⁷¹ Israelyan V. Op. cit. P. 97.

приземлялось до 90 советских бортов в сутки. Израильская исследовательница Г. Голан высказывала недоумение, как советское руководство могло не просчитать, что это «повлечет за собой такие же американские действия, поставит под угрозу разрядку, продлит войну и увеличит риски столкновения супердержав» [Golani, 1990: 87]. Рационалистический взгляд зарубежного исследователя не всегда мог рассмотреть довлеющую роль идеологических установок над прагматическими соображениями в процессе принятия решений в Кремле. В Политбюро наибольшей взвешенностью и осторожностью в том, что касалось поставок оружия арабам, отличались А.А. Громыко и А.Н. Косыгин. Они считали, что арабский арсенал и так превосходит израильский, а увеличение военной помощи будет только способствовать затягиванию войны. В наиболее острые ее моменты А.А. Громыко поднимал вопрос об ограничении поставок вооружений сторонам и предлагал прозондировать мнение Вашингтона на этот счет⁷². Однако, как писал В.Л. Ибраэлян, в Политбюро преобладала убежденность, что Советский Союз, компенсируя потери вооружения у арабов, выполняет свою «историческую миссию» как лидер всех антиимпериалистических сил, всего «прогрессивного человечества»⁷³. «Прагматикам» приходилось уступать «идеологам», указывавшим на принципиальную разницу между военными поставками СССР и США: советское оружие помогало жертвам агрессии, а американское — агрессору.

В первые дни войны успехи арабов позволяли Москве занять выжидательную позицию в вопросе о прекращении огня, но когда инициатива уже перешла к Израилю и советские военные оценивали ситуацию на фронтах как неблагоприятную для своих арабских союзников, в Политбюро было принято решение добиваться согласия А. Садата на остановку боев. С этой целью в Каир был направлен премьер-министр А.Н. Косыгин, перед которым была поставлена еще одна важнейшая задача: донести до египетского президента, что Советский Союз не будет участвовать в военных действиях. «Вы должны заявить это официально, чтобы не было никаких недопониманий», — напутствовал Л.И. Брежнев советского премьера⁷⁴. Однако западные источники сообщают, что примерно в это же время, когда израильские танки переправились на западный берег Суэцкого канала, советское

⁷² Ibid. P. 154.

⁷³ Ibid. P. 57.

⁷⁴ Ibid. P. 97.

командование планировало высадку там ограниченного десанта военно-морской пехоты. Эти планы были отозваны в последнюю минуту [Ефименко, Скулин, 2012].

Рассмотренные парадоксы советской политики, вероятно, можно объяснить несогласованностью действий бюрократического аппарата, как это делал В.Л. Израэлян⁷⁵, определенной автономностью Министерства обороны при реализации военных мер в рамках тех политических решений, которые принимались на высшем уровне. Как представляется, эта демонстрация повышенной боевой готовности могла иметь и сугубо внутривластные причины. Политика разрядки, проводившаяся Л.И. Брежневым и его окружением, воспринималась далеко не однозначно на всех ступенях партийно-аппаратной власти. Аналитики ЦРУ, с большим вниманием следившие за всеми процессами в СССР, отмечали обеспокоенность в рядах советского руководства сохранением идеологической устойчивости в обществе по мере того, как в процессе разрядки Советский Союз вынуждали идти на все большие компромиссы⁷⁶. Политическая и материальная поддержка арабов, готовность отправить советские войска им на помощь предоставляли критикам и всем сомневающимся доказательства того, что детант не настолько значим, чтобы ради него СССР пожертвовал своими позициями на Ближнем Востоке.

Во многих работах решение египетского президента пойти на перемирие связывалось именно с визитом А.Н. Косыгина (16–19 октября) [Богатуров, Аверков, 2010: 182; Наринский, 2006; Bar-Siman-Tov, 1987: 222; Golan, 1990: 89]. Однако этот визит фактически был безрезультатным⁷⁷. Возможности советской стороны в оказании давления на арабов по-прежнему были довольно ограниченными. В это время египтяне обсуждали условия прекращения огня по секретным каналам с американцами и подчеркивали, что никакая другая сторона не может выступать от имени Египта⁷⁸. Как и прежде, А. Садат не ставил в известность своих советских покровителей об этих контактах и их содержании.

⁷⁵ Ibid. P. 192–193.

⁷⁶ Memorandum. Subject: The Middle East War, Brezhnev's position, and Detente. 19.10.1973 // CIA Document Service Branch 2455/73. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/1973-10-19.pdf> (accessed: 05.05.2019).

⁷⁷ Israelyan V. Op. cit. P. 114.

⁷⁸ Backchannel message from Secretary of State Kissinger to the Egyptian Presidential Adviser for National Security Affairs (Ismail) // FRUS. Vol. 25. Doc. 189. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d189> (accessed: 15.02.2019).

Однако именно к Москве А. Садат обратился уже через несколько дней, 21 октября, с требованием принять все необходимые меры для обеспечения немедленного прекращения огня, когда Египет уже не справлялся с армией Израиля, перешедшей в наступление на западном берегу Суэцкого канала. В разговоре с послом В.М. Виноградовым А. Садат тогда бросил свою известную фразу: «Я могу воевать с Израилем, но я не могу воевать с США»⁷⁹, имея в виду те массированные военные поставки, которые были начаты американцами 14–15 октября и сыграли важную роль в переломе войны в пользу еврейского государства.

Еще до каирского визита А.Н. Косыгина, когда 15 октября в Москву стали поступать сведения об успешных израильских контратаках в районе Суэцкого канала, Л.И. Брежнев принял решение обратиться к президенту Р. Никсону с посланием, в котором предлагал в срочном порядке искать пути снижения напряженности на Ближнем Востоке⁸⁰. При этом захват Израилем арабских территорий назывался главной и существенной причиной отсутствия мира в регионе, поэтому независимо от результатов войны Израилю предлагалось недвусмысленно заявить о своей готовности вывести войска с территорий, оккупированных в 1967 г. В советских предложениях подчеркивалась неприемлемость удовлетворения каких-либо территориальных амбиций Тель-Авива. По окончании войны все вопросы, касавшиеся гарантий безопасности и границ всех государств, участвовавших в конфликте, включая Израиль, предлагалось решать через Совет Безопасности ООН. В проекте резолюции, прилагавшемся к посланию, помимо пункта о прекращении огня содержалось требование о немедленном после этого поэтапном выводе израильских войск с оккупированных арабских территорий к линиям, соответствовавшим резолюции 242 Совета Безопасности. Советская сторона также призывала к «соответствующим консультациям» в целях достижения справедливого мира на Ближнем Востоке, что предполагало совместное с американцами участие в переговорном процессе по урегулированию ближневосточного конфликта⁸¹. Ответ Р. Никсона, не затрагивавший

⁷⁹ Виноградов В.М. Египет: от Насера к Октябрьской войне. С. 140.

⁸⁰ Israelyan V. Op. cit. P. 116–120.

⁸¹ Transcript of telephone conversation between Secretary of State Kissinger and the Soviet Ambassador (Dobrynin). 18.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Doc. 202. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d202> (accessed: 12.08.2019)..

никаких главных пунктов советских предложений, был чисто формальным и очень разочаровал Л.И. Брежнева⁸².

Этот ключевой эпизод объясняет многие дальнейшие несостыковки в советско-американском взаимодействии. В позиции СССР по конфликту после войны 1967 г. просматривалось следование бескомпромиссному подходу арабских стран, которые требовали безоговорочного ухода Израиля с захваченных арабских территорий, не гарантируя при этом прекращения состояния войны с ним⁸³. Американцы поддерживали позицию Израиля, который рассматривал территории не только как разменную карту в переговорном процессе, но и как важный элемент обеспечения безопасности во враждебном арабском окружении. Военные победы Израиля делали еще менее реалистичным его согласие на безоговорочный вывод войск.

Для долгосрочных планов Г. Киссинджера, предполагавших вытеснение Советского Союза с Ближнего Востока, было важно обеспечить закрепление Израилем своих военных достижений. Американская сторона всеми силами избегала увязки прекращения огня с немедленным уходом Израиля с арабских территорий и дальнейшим политическим урегулированием конфликта. Г. Киссинджер в беседе с советским послом, комментируя полученный проект резолюции о прекращении огня, высказывал сомнения относительно выполнимости его п. 2 об отводе израильских войск к линиям в соответствии с резолюцией 242 под тем предлогом, что такие линии, с его точки зрения, не установлены⁸⁴. Направляясь в Москву, американский госсекретарь всячески подчеркивал, что он вряд ли сможет вести переговоры об окончательном урегулировании и речь пойдет только о прекращении огня⁸⁵.

В историографии по войне 1973 г. инициатором приглашения Г. Киссинджера для консультаций часто называют именно

⁸² Message from President Nixon to Soviet General Secretary Brezhnev. 18.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Doc. 204. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d204> (accessed: 12.08.2019).

⁸³ Запись беседы министра иностранных дел СССР А.А. Громыко с министром иностранных дел ОАР М. Риадом 25 сентября 1967 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1967. Из документов Архива внешней политики РФ. Т. 2. С. 622–624.

⁸⁴ Transcript of telephone conversation between Secretary of State Kissinger and the Soviet Ambassador (Dobrynin). 18.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Doc. 202. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d202> (accessed: 12.08.2019).

⁸⁵ Transcript of telephone conversation between Secretary of State Kissinger and the Soviet Ambassador (Dobrynin). 19.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Doc. 211. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d211> (accessed: 12.08.2019).

Москву [Наринский, 2006: 55; Golan, 1990: 89]. Однако советские дипломаты подозревали, что американский госсекретарь «напросился» на этот визит в своих личных интересах, в том числе для укрепления собственных позиций в высших эшелонах американской власти⁸⁶. Г. Киссинджер рассматривал свою поездку в Москву как возможность оттянуть вынесение вопроса о перемирии в Совет Безопасности ООН, «пока не будет сформулировано приемлемое решение», и «выиграть еще по крайней мере 72 часа для усиления военного давления», т.е. для продвижения израильских войск [Kissinger, 1982: 542–543]. Со своей стороны Л.И. Брежнев, получивший накануне его приезда послание от Р. Никсона с заверениями в личной приверженности цели установления мира на Ближнем Востоке⁸⁷, считал, что в переговорах с Г. Киссинджером помимо достижения договоренностей о прекращении огня следует ставить вопрос и о конкретных шагах, которые должны быть предприняты совместно СССР и США для продвижения политического решения конфликта⁸⁸. Советской стороне не было известно в тот момент о расхождениях в позициях Р. Никсона и Г. Киссинджера по выстраиванию процесса арабо-израильского урегулирования⁸⁹.

На московских переговорах очень наглядно проявились разногласия между сторонами по, казалось бы, чисто техническим вопросам, которые на самом деле отражали реальные политические противоречия между ними. Г. Киссинджер под всевозможными предлогами стремился отсрочить созыв Совета Безопасности ООН, выдвигал довольно надуманные возражения против вступления в силу положения о прекращении огня через 12 часов после принятия резолюции, считая этот срок слишком коротким⁹⁰. Советский Союз придавал очень большое значение

⁸⁶ Israelyan V. Op. cit. P. 122.

⁸⁷ Message from President Nixon to Soviet General Secretary Brezhnev. 20.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Doc. 217. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d217> (accessed: 12.08.2019).

⁸⁸ Memorandum of conversation. General Secretary Brezhnev's Office. Kremlin, Moscow. 21.10.1973. P. 2 // The National Security Archive. The George Washington University. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB98/octwar-49.pdf> (accessed: 20.08.2019).

⁸⁹ Расхождения Р. Никсона и Г. Киссинджера по вопросам урегулирования ближневосточного конфликта подробно освещены в мемуарах А.Ф. Добрынина. См.: Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 271, 282.

⁹⁰ Memorandum of conversation. General Secretary Brezhnev's Office. Kremlin, Moscow. 21.10.1973. P. 15 // The National Security Archive. The George Washington

включению в резолюцию формулы о проведении переговоров между сторонами «под соответствующей эгидой», которая должна была гарантировать участие СССР в дальнейшем политическом процессе. Помимо ее закрепления в проекте резолюции советские дипломаты настояли на составлении специального меморандума, разъяснявшего, что «под «соответствующей эгидой» следует понимать активное участие Соединенных Штатов и Советского Союза в переговорах между сторонами при обсуждении ключевых вопросов урегулирования»⁹¹.

Но для Г. Киссинджера эта формулировка была малозначимой. Находясь с визитом в Израиле сразу после московских переговоров, на вопрос премьер-министра Г. Меир, что значит переговоры «под соответствующей эгидой», он отвечал: «Ничего, <...> моя стратегия в этом кризисе заключается в том, чтобы не позволять ни арабам, ни русским иметь слишком громкий голос»⁹².

Брежневское руководство расценивало результаты московских переговоров как успех своей политики: во-первых, удалось разработать проект резолюции, который, как полагали, соответствует арабским требованиям; во-вторых, были достигнуты договоренности с Соединенными Штатами в разгар войны, в которой интересы сверхдержав различались, т.е. удалось сохранить динамику разрядки. Г. Киссинджер, отчитываясь перед президентом, делал совсем другие акценты. Он подчеркивал: «...договоренности, вне всяких сомнений, говорят о том, что Соединенные Штаты имеют доминирующее влияние в регионе, и без них ничего не может быть решено. <...> Самое главное — нам удалось осадить Советы в глазах всего мира»⁹³, — рапортовал госсекретарь.

В этих противоположных оценках, когда каждый полагал, что переиграл соперника, и трактовал полученные результаты в свою пользу, видимо, крылись зачатки случившегося через несколько дней обострения. Советский энтузиазм по поводу эффективности сотрудничества с американцами быстро шел на убыль, когда вопреки принятой 22 октября в Совете Безопасности

University. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB98/octwar-49.pdf> (accessed: 20.08.2019).

⁹¹ Israelyan V. Op. cit. P. 137.

⁹² Memorandum of conversation. Tel Aviv. 22.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Doc. 230. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d230> (accessed: 20/08/2019).

⁹³ Telegram from Secretary of State Kissinger to the President's Deputy Assistant for national security affairs. Moscow. 21.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Doc. 222. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d222> (accessed: 15.02.2019).

ООН резолюции № 338⁹⁴ Израиль продолжил наступательные операции, не прекратив военные действия и после повторных требований СБ ООН в резолюции № 339 от 23 октября⁹⁵. Израильские войска окружили третью египетскую армию, возникла угроза продвижения израильтян к Каиру.

Кремлевские лидеры заподозрили американского госсекретаря в намеренном обмане, в сговоре с израильтянами. Наблюдавший эту смену настроений в высших кругах руководства В.Л. Израэлян вспоминал, что всё больше укреплялось желание дать «твердый отпор американским империалистам и Израилю», «продемонстрировать мощь единства мира социализма и его солидарность с народами, борющимися против агрессоров»⁹⁶.

В.Л. Израэлян полагал, что свою роль в ужесточении советской позиции играли и идеологические соображения: 25 октября в Москве открывался Всемирный конгресс миролюбивых сил — большое советское пропагандистское мероприятие, в котором участвовали более 3000 делегатов из 143 стран, были представлены около 1100 политических партий, организаций и движений [История внешней политики СССР, 1981: 412]. Л.И. Брежневу необходимо было предъявить этому форуму результаты советской «миролюбивой политики», продемонстрировать перед его участниками ведущую роль СССР в укреплении мира, и это подстегивало добиваться прекращения военных действий на Ближнем Востоке любыми способами⁹⁷. Однако, по словам А.Ф. Добрынина, у Советского Союза «осталось не так уж много реальных возможностей, чтобы повлиять на ход событий»⁹⁸.

Советское правительство испытывало большое давление со стороны А. Садата, который, как писал посол В.М. Виноградов, требовал прислать советские войска или наблюдателей. С такой же просьбой он обращался к США, а в случае их отказа просил Советский Союз действовать отдельно⁹⁹. Причем советские дипломаты считали, что на самом деле военное вмешательство СССР не входило в планы египетского президента, но он разыг-

⁹⁴ Резолюция 338 от 22 октября 1973 г. // ООН. Доступ: [https://undocs.org/ru/S/RES/338\(1973\)](https://undocs.org/ru/S/RES/338(1973)) (дата обращения: 15.05.2019).

⁹⁵ Резолюция 339 от 23 октября 1973 г. // ООН. Доступ: [https://undocs.org/ru/S/RES/339\(1973\)](https://undocs.org/ru/S/RES/339(1973)) (дата обращения: 15.05.2019).

⁹⁶ Israelyan V. Op. cit. P. 160.

⁹⁷ Ibid. P. 164.

⁹⁸ Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 273.

⁹⁹ Виноградов В.М. Египет: смутная пора... С. 193.

рывал «советскую карту», чтобы заставить Вашингтон выполнять свои обещания по стратегии урегулирования конфликта¹⁰⁰.

В Кремле меры по спасению Египта рассматривались очень серьезно. Среди высшего руководства наиболее радикальную позицию в отношении отправки на Ближний Восток вооруженного контингента в одностороннем порядке или совместно с американцами занимал министр обороны А.А. Гречко¹⁰¹, но эта идея не находила поддержки. Л.И. Брежнев говорил: «Мы уже приняли принципиальное решение не вмешиваться в войну на Ближнем Востоке, и нет причин менять наше решение»¹⁰². Вечером 24 октября на Политбюро было решено направить в Каир группу из 50 советских наблюдателей. Но по мере того как ситуация для египтян становилась безнадежной, в Кремле пришли к заключению, что единственный способ выйти из тупика — оказать эффективное давление на Вашингтон, чтобы американцы в свою очередь осуществили решительный нажим на Израиль. Как подчеркивали советские дипломаты, в Москве были уверены, что даже намек на возможность одностороннего советского военного вмешательства будет достаточно, чтобы заставить Вашингтон действовать более активно и остановить Израиль¹⁰³.

В советском послании американскому президенту от 24 октября подчеркивалось, что ситуация на Ближнем Востоке требует неотложных мер, и «если вы не найдете нужным предпринять совместные с нами действия в связи с этим, то мы будем поставлены перед необходимостью срочно рассмотреть вопрос о соответствующих шагах в одностороннем порядке. Мы не можем допустить произвола со стороны Израиля»¹⁰⁴. В ответ США приняли решение о введении повышенной боеготовности в американских войсках, включая ядерный компонент, в некоторых районах мира, в том числе в Европе (DEFCON III). Рассмотрение причин принятия американской стороной этого радикального решения не входит в задачи данной статьи. Отметим лишь, что оно базировалось на сведениях о повышении уровня боеготовности в семи советских воздушно-десантных дивизиях, о внезапной

¹⁰⁰ Israelyan V. Op. cit. P. 166.

¹⁰¹ Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 274; Israelyan V. Op. cit. P. 154.

¹⁰² Israelyan V. Op. cit. P. 168.

¹⁰³ Ibidem; Виноградов В.М. Египет: смутная пора... С. 193.

¹⁰⁴ Message from Soviet General Secretary Brezhnev to President Nixon. 24.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Doc. 267. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d267> (accessed: 20.08.2019).

приостановке воздушного моста по снабжению Египта оружием, что рассматривалось как возможная переориентация транспортных средств на переброску войск в Каир. При этом в увеличении объемов морских транспортировок американцы усматривали дополнительные поставки оружия, которое должно использоваться военным контингентом, переброшенным в регион¹⁰⁵. В западной и израильской прессе появилась пугающая информация о переправке на советских кораблях неких ядерных объектов на Ближний Восток [Golan, 1990: 92–94]¹⁰⁶. Достоверность этих сообщений до сих пор остается под вопросом. В публикациях российских мемуаристов в недавние годы упоминалось о том, что в октябре 1973 г. среди советских военных специалистов, работавших в Египте, ходили слухи о поставке туда ядерных зарядов из СССР [Ефименко, Скулин, 2012]. Однако советская сторона факт поставок ядерного оружия опровергала.

О советских военных приготовлениях в связи с ближневосточной войной в 1973 г. до сих пор известно мало. Посол В.М. Виноградов в своих воспоминаниях о последнем этапе войны вообще не упоминал о военном аспекте тех предупреждений, которые были направлены американцам¹⁰⁷. В.Л. Исраэлян довольно подробно перечислял известные ему меры, которые были приняты Министерством обороны СССР после обращения А. Садата к Л.И. Брежневу и Р. Никсону с требованием прислать военные контингенты на Ближний Восток: был повышен уровень тревоги на кораблях 5-й Средиземноморской эскадры, проведены ранее планировавшиеся маневры в Карпатском и Закавказском военных округах, но никаких обсуждений о переброске советских войск в район конфликта в Политбюро не велось¹⁰⁸.

Необходимо отметить, что реальная возможность советской интервенции вызывала сомнения и у членов Совета национальной безопасности США, принимавших решение о военной тревоге в ночь с 24 на 25 октября¹⁰⁹. Оценивая этот шаг амери-

¹⁰⁵ Memorandum for the Record 24/25 October // FRUS. Vol. 25. Doc. 269. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d269> (accessed: 20.08.2019).

¹⁰⁶ Командировка на войну. Советские военные в Египте. С. 34; Israelyan V. Op. cit. P. 191.

¹⁰⁷ Виноградов В.М. Египет: от Насера к Октябрьской войне. С. 64–65.

¹⁰⁸ Israelyan V. Op. cit. P. 191.

¹⁰⁹ См., например: Memorandum for the Record 24/25 October // FRUS. Vol. 25. Doc. 269. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d269> (accessed: 20.08.2019).

канцев, израильское руководство полагало, что резкая американская реакция на советскую угрозу была вызвана не столько опасениями глобальной конфронтации, сколько стремлением использовать обострение советско-американской напряженности для оказания давления на Израиль, с тем чтобы заставить его снять блокаду третьей египетской армии. Это в свою очередь обеспечивало Вашингтону дополнительные очки в отношениях с Египтом [Bar-Siman-Tov, 1987: 230].

В российских работах последних лет представлена версия о том, что в ответ на американские меры советские вооруженные силы были приведены в состояние повышенной боевой готовности [Наринский, 2006: 59; Хрусталеv, 2002: 26]. Однако документы и мемуарная литература свидетельствуют о том, что реакция советской стороны была весьма сдержанной. Информация об американской военной тревоге была встречена в Кремле с недоумением. «Мы выражаем удивление по поводу вашего приказа привести вооруженные силы США в боевую готовность», — говорилось в советском послании Р. Никсону от 26 октября¹¹⁰. «Нам представляется, что предпринятые меры являлись средством давления на Советский Союз <...>, но такие расчеты не могут запугать нас или поколебать нашу решимость действовать в духе безусловного соблюдения всех положений принятых Советом Безопасности решений»¹¹¹. Советские руководители, видимо, осознавали в тот момент, что переоценили установившийся на предыдущих этапах дух сотрудничества в советско-американских отношениях, и не желали усугублять возникшую ситуацию, чтобы не разрушить достижения разрядки. Л.И. Брежнев и его коллеги сочли, что их действия достигли цели, и «на Израиль наконец оказывается реальное давление, чтобы заставить его прекратить уничтожение египтян»¹¹².

В советском информационном пространстве весь инцидент с обменом военными угрозами с США получил очень приглушенную оценку. «Заявление ТАСС в связи с политикой США на Ближнем Востоке», выдержанное в весьма умеренном тоне, было опубликовано в «Правде» только 28 октября, когда американцы уже отменили эту меру¹¹³. В речи 26 октября на Всемирном кон-

¹¹⁰ Hotline message from Soviet General Secretary Brezhnev to President Nixon. 26.10.1973 // FRUS. Vol. 25. Doc. 288. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v25/d288> (accessed: 20.08.2019).

¹¹¹ Ibidem.

¹¹² Israelyan V. Op. cit. P. 189.

¹¹³ СССР и ближневосточное урегулирование... С. 181.

грессе миролюбивых сил генеральный секретарь во вполне характерной советской манере интерпретации событий отметил, что распространяемые в странах НАТО разного рода фантастические домыслы о намерениях Советского Союза на Ближнем Востоке не могут способствовать нормализации положения в регионе¹¹⁴. Советские лидеры явно не хотели омрачать торжество «политики мира, сотрудничества и взаимопонимания» новым обострением советско-американских отношений. Л.И. Брежневу важно было подчеркнуть, что Советский Союз играет ведущую роль в снижении напряженности в международных отношениях, что разрядка необратима и что для разрешения международных конфликтов необходимо использовать политические, а не военные средства. Кремлевские лидеры стремились отвести от себя какие-либо обвинения в том, что и Советский Союз несет ответственность за опасную военную эскалацию последних дней.

26 октября военная тревога в войсках США была отменена, военные действия на египетско-израильском фронте и на Голанских высотах были прекращены. На следующий день представители Египта и Израиля впервые встретились на 101-м километре дороги Каир—Суэц и впервые за десятилетия между враждующими сторонами начались прямые переговоры.

Однако очень быстро выявился настрой американской дипломатии на решение вопросов урегулирования в обход советских представителей в нарушение всех достигнутых ранее договоренностей о «соответствующей эгиде». Посол В.М. Виноградов писал, что о переговорах между А. Садатом и Г. Киссинджером он узнавал из египетской печати, и их результаты в рамках неизвестного советской стороне «общего соглашения» о разъединении египетских и израильских войск явно противоречили зафиксированному в резолюции № 340 СБ ООН решению о безусловном отводе израильских войск на позиции 22 октября¹¹⁵. Г. Киссинджер начинал свою дипломатию «шаг за шагом», сохраняя лишь видимость «совместных действий» с СССР.

* * *

Война показала, что возможности «управления» арабскими подопечными у Советского Союза очень ограничены. Загипнотизированность собственными идеологическими догмами воспрепятствовала своевременным трезвым оценкам намерений

¹¹⁴ Там же. С. 180.

¹¹⁵ Виноградов В.М. Египет: от Насера к Октябрьской войне... С. 67.

А. Садата в войне, и советское руководство, не имея полной информации о сути египетско-американских контактов, фактически играло в чужую игру. А. Садат использовал «советскую карту» не в интересах общеарабской «антиимпериалистической борьбы», а как рычаг давления на американцев, чтобы заставить их выполнить данные еще до войны обещания и повести процесс урегулирования конфликта по пути, соответствовавшему его интересам. СССР не обладал достаточными политическими ресурсами для исполнения роли посредника в процессе урегулирования как из-за смены курса египетским руководством, так и из-за отсутствия отношений с Израилем. Это облегчало американской дипломатии задачу по переводу процесса урегулирования в режим двусторонних переговоров без непосредственного участия Советского Союза.

Благодаря политике разрядки советско-американское сотрудничество в целях прекращения военных действий на Ближнем Востоке достигло в октябре 1973 г. беспрецедентно высокого уровня. Резолюция № 338, проект которой был разработан совместными усилиями СССР и США и единогласно принят Советом Безопасности ООН, стала одним из основополагающих международных документов по ближневосточному конфликту. Однако расчеты советской стороны на то, что взаимодействие сверхдержав станет решающим фактором в урегулировании кризиса на Ближнем Востоке, не оправдались. Каждая из сторон добивалась установления такого мира, который в первую очередь обеспечивал бы ее собственные интересы. Американская стратегия заключалась в том, чтобы обеспечить военные преимущества Израиля и в то же время предотвратить окончательный разгром арабов, подорвать советские позиции в арабском мире и развернуть арабские страны, прежде всего Египет, в сторону США.

СССР не был намерен сдавать завоеванные позиции на Ближнем Востоке даже ради достижений детанта. Параллельно принципиальной установке высшего руководства на невмешательство в войну осуществлялись массированные поставки оружия Египту и Сирии, демонстрации боеготовности советских ВВС и ВМФ в целях оказания поддержки арабским союзникам и противостояния активизации военно-морских сил США в Восточном Средиземноморье.

Эта политика мотивировалась не только чисто прагматическими соображениями. Курс на разрядку и сотрудничество с Западом входил в столкновение с марксистско-ленинскими принципами советской внешней политики. Установив во время

Октябрьской войны сотрудничество с США — лидером «империалистического лагеря», Москва в то же время обеспечивала арабов всеми необходимыми средствами для победы над Израилем и теми «империалистическими силами, которые стояли за ним», т.е. теми же Соединенными Штатами. Идеологическая фразеология становилась формой, в которую сверхдержава облекала свои претензии на лидирующую роль в решении мировых проблем. Внутри страны демонстрация идеологической твердости, выражавшаяся в поддержке «справедливой борьбы арабских народов против израильской агрессии», была необходима для того, чтобы приглушить недовольство противников слишком тесного взаимодействия с США, осуществлявшегося советским руководством во главе с Л.И. Брежневым.

Конфронтация с США угрожала советским интересам безопасности гораздо в большей степени, чем конфликт на Ближнем Востоке. Однако советские руководители, будучи убеждены в своей миссии по спасению египтян от израильской агрессии, на последнем этапе войны прибегли к довольно рискованной угрозе прямого военного вторжения в целях принуждения Израиля к прекращению военных действий. Эта мера имела определенное воздействие: советская угроза была использована американской администрацией для усиления давления на Израиль. Американский президент сильно преувеличил советскую угрозу, сравнив ситуацию с Кубинским кризисом 1962 г., но риск столкновения супердержав существовал на протяжении всей войны, особенно с эскалацией противостояния военно-морских сил СССР и США в Средиземном море. Это стало одним из важнейших факторов, подтолкнувших Советский Союз к более активным поискам политического урегулирования конфликта в послевоенный период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арабо-израильские войны (1948–1982). Арабский взгляд. М.: Яуза; Эксмо, 2008.
2. Ближний Восток: война и политика / Отв. ред. Г.Г. Исаев, А.А. Сотниченко. М.: Марджани, 2010.
3. Богатуров А.Д., Аверков В.В. История международных отношений. 1945–2008. М.: Аспект-Пресс, 2010.
4. Брутенц К.Н. О революционной демократии // Мировая экономика и международные отношения. 1968. № 3. С. 15–28.
5. Васильев А.М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: Наука, 1993.
6. Ефименко Я., Скулин А. Пятая эскадра ВМФ против 6-го флота США. Средиземноморский кризис 1973 г. // Наука и техника. 2012. № 7. С. 20–29.

7. Звягельская И.Д. История Государства Израиль. М.: Аспект-пресс, 2012.
8. История внешней политики СССР: В 2 т. Т. 2 / Под ред. А.А. Громыко, Б.Н. Пономарева. М.: Наука, 1981.
9. Карасова Т.А. Израиль и США: Основные этапы становления стратегического партнерства. М.: Аспект-Пресс, 2015.
10. Наринский М.М. Советский Союз и арабо-израильская война 1973 г. // Новая и новейшая история. 2006. № 4. С. 50–61.
11. Носенко Т.В., Семенченко Н.А. Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений 1948–1991 гг. М.: ИВ РАН, 2015.
12. Примаков Е.М. Ближневосточный курс России: исторические этапы // Ближний Восток, «Арабское пробуждение» и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред. В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012. С. 21–31.
13. Примаков Е.М. История одного сговора (ближневосточная политика США в 70-х — начале 80-х годов). М.: Издательство политической литературы, 1985.
14. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). М.: Российская газета, 2006.
15. Рыжов И.В. СССР и Государство Израиль. Трудная история взаимоотношений. Нижний Новгород: ИСИ ННГУ; Вектор ТиС, 2008.
16. Хрусталева М.А. Международные отношения на Ближнем Востоке. М.: МГИМО-Университет, 2002.
17. Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М.: РОССПЭН, 2018.
18. Barrass G.S. The Great Cold War. A journey through the hall of mirrors. Stanford: Stanford University Press, 2009.
19. Bar-Siman-Tov Y. Israel, the superpowers, and the war in the Middle East. New York; London: Praeger, 1987.
20. Daigle C. The limits of détente. The United States, the Soviet Union, and the Arab-Israeli conflict, 1969–1973. New Haven; London: Yale University Press, 2012.
21. Ginor I., Remez G. The Soviet-Israeli war, 1967–1973: The USSR's intervention in the Egyptian-Israeli conflict. New York: Oxford University Press, 2017.
22. Golan G. Soviet policies in the Middle East. From World War II to Gorbachev. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1990.
23. Golan G. The Soviet Union and the October War // The October 1973 War. Politics, diplomacy, legacy / Ed. by A. Siniver. London: Hurst & Company Macmillan, 2013. P. 101–118.
24. Halliday F. The Middle East in international relations. Power, politics and ideology. New York: Cambridge University Press, 2010.
25. Heikal M. The road to Ramadan. New York: Ballantine Books, 1975.
26. Heikal M. Secret channels. The inside story of Arab-Israeli peace negotiations. London: Harper Collins Publishers, 1996.
27. Heikal M. The Sphinx and the commissar. The rise and fall of Soviet influence in the Middle East. New York: Harper & Row Publishers, 1978.
28. Kipnis Y. 1973: The road to war. Charlottesville, VA: Just World Books, 2013.
29. Kissinger H. Years of upheaval. Boston, Toronto: Little Brown & Company, 1982.

30. Mearsheimer J., Walt S. The Israel lobby and U.S. foreign policy. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2007.
31. Quandt W.B. Decade of decisions. American policy toward the Arab-Israeli conflict, 1967–1976. Berkley: University of California Press, 1977.
32. Rabinovich A. The Yom Kippur war. The epic encounter that transformed the Middle East. New York: Schocken, 2005.

T.V. Nosenko

THE SOVIET POLICY IN THE OCTOBER 1973 WAR: UNKNOWN PAGES AND HISTORIOGRAPHIC INTERPRETATIONS

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031*

The 1973 Arab-Israeli war has been examined many times by both Russian and foreign scholars. However, recently there has been an upsurge of interest in the Soviet policy during this war. Along with this, biased and one-sided interpretations of the Soviet position by Western and, especially, Israeli experts get widespread. This paper, based on a wide range of primary sources, both documents and memoirs, which only recently have become available to the academic community, seeks to revise or refute certain historiographic stereotypes regarding the Soviet policy in the Middle East at that period. In this regard, the author examines the Yom Kippur war in terms of the Soviet regional and global political interests, in particular, in the context of emerging US-Soviet détente. As for the regional context, the author pays special attention to the question of the Soviet government ability to influence its Middle Eastern partners, particularly, Anwar Sadat. The paper also highlights the role of ideology in shaping the Soviet position towards the Arab-Israeli conflict. The author concludes that in reality the Soviet influence on the Arab countries was very limited and, for instance, the Egyptian government gravitated more towards the United States than towards the Soviet Union. This reorientation of the Egypt's foreign policy towards the US deprived the USSR of an important ally in the region. It also had a direct impact on subsequent peace negotiations from which the Soviet Union was de facto excluded. Finally, the Yom Kippur war also highlighted the negative effects of the overrideologization of the Soviet foreign policy which impeded the efficiency of the Soviet leaders' response to a rapidly changing situation in the region. At the same time this case reveals the true attitude of the Soviet leaders towards the détente in the Soviet-US relations. On the one hand, the Soviet government did not want the regional conflict to affect a newly reached level of the relationship between the superpowers. On the other hand, the October war unequivocally demonstrated that in the crisis situations the Kremlin's desire to protect the Soviet strategic interests proved to be steadily stronger than its commitment to the spirit of détente.

Keywords: the October 1973 war, the Yom Kippur war, the USSR, the Arab-Israeli conflict, the USA, Egypt, Anwar Sadat, the Middle East, the détente.

About the author: *Tatiana V. Nosenko* — PhD (History), Leading Research Fellow at the Department of Israel and Jewish Communities, Institute of Oriental Studies, the Russian Academy of Sciences (e-mail: nosenkotat@gmail.com).

REFERENCES

1. *Arabo-izrail'skie voyny (1948–1982). Arabskii vzglyad* [Arab-Israeli wars (1948–1982). The Arab view]. 2008. Moscow, Yauza, Eksmo Publ. (In Russ.)
2. Isaev G.G., Sotnichenko A.A. (eds.). 2010. *Blizhnii Vostok: voyna i politika* [Middle East: War and politics]. Moscow, The Marjani Publ. (In Russ.)
3. Bogaturov A.D., Averkov V.V. 2010. *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii. 1945–2008* [History of international relations. 1945–2008]. Moscow, Aspekt-Press Publ. (In Russ.)
4. Brutents K.N. 1968. O revolyutsionnoi demokratii [On the revolutionary democracy]. *World Economy and International Relations*, no. 3, pp. 15–28. (In Russ.)
5. Vasil'ev A.M. 1993. *Rossiya na Blizhnem i Srednem Vostoke: ot messianstva k pragmatizmu* [Russia in the Near and Middle East: From messianism to pragmatism]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
6. Efimenko Ya., Skulin A. 2012. Pyataya ehskadra VMF protiv 6-go flota SSHA. Sredizemnomorskii krizis 1973 g. [The fifth navy squadron against the US Sixth Fleet. The Mediterranean crisis of 1973]. *Nauka i tekhnika*, no. 7, pp. 20–29. (In Russ.)
7. Zvyagel'skaya I.D. 2012. *Istoriya Gosudarstva Izrail'* [History of the State of Israel]. Moscow, Aspekt-Press Publ. (In Russ.)
8. Gromyko A.A., Ponomareva B.N. (eds.). 1981. *Istoriya vneshnei politiki SSSR* [History of the foreign policy of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., vol. 2 (In Russ.)
9. Karasova T.A. 2015. *Izrail' i SSHA: Osnovnye etapy stanovleniya strategicheskogo partnerstva* [Israel and the USA: Milestones in strategic partnership]. Moscow, Aspekt-Press Publ. (In Russ.)
10. Narinskii M.M. 2006. Sovetskii Soyuz i arabo-izrail'skaya voyna 1973 g. [The Soviet Union and the Arab-Israeli war of 1973]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 4, pp. 50–61.
11. Nosenko T.V., Semenchenco N.A. 2015. *Naprasnaya vrazhda. Ocherki so- vetsko-izrail'skikh otnoshenii 1948–1991 gg.* [Vain feud. Essays on the Soviet-Israeli relations 1948–1991]. Moscow, IV RAN Publ. (In Russ.)
12. Primakov E.M. 2012. Blizhnevostochnyi kurs Rossii: istoricheskie etapy [Russia's Middle East course: Historical stages]. In Naumkin V.V., Popov V.V., Kuznetsov V.A. (eds.). *Blizhnii Vostok, 'Arabskoe probuzhdenie' i Rossiya: chto dal'she?* [The Middle East, the 'Arab awakening' and Russia: What's next?]. Moscow, IV RAN Publ., pp. 21–31. (In Russ.)
13. Primakov E.M. 1985. *Istoriya odnogo sgovora (Blizhnevostochnaya politika SSHA v 70-kh — nachale 80-kh godov)* [The history of one conspiracy (US Middle East policy in the 70s — early 80s)]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ. (In Russ.)

14. Primakov E.M. 2006. *Konfidentsial'no: Blizhnii Vostok na stsene i za kulisami (vtoraya polovina XX — nachalo XXI veka)* [Confidential: The Middle East on the scene and behind the curtains (second half of the 20th — beginning of the 21st century)]. 2nd ed., revised. Moscow, Rossiiskaya gazeta Publ. (In Russ.)
15. Ryzhov I.V. 2008. *SSSR i Gosudarstvo Izrail'. Trudnaya istoriya vzaimootnoshenii* [The USSR and the State of Israel]. Nizhny Novgorod, Vektor TiS Publ. (In Russ.)
16. Khrustalev M.A. 2002. *Mezhdunarodnye otnosheniya na Blizhnem Vostoke* [International relations in the Middle East]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.)
17. Shattenberg S. 2017. *Leonid Breschnev*. Staatsmann und Schauspieler im Schatten Stalins. Köln, Böhlau Verlag [Russ. ed.: Shattenberg S. 2018. *Leonid Brezhnev. Velichie i tragediya cheloveka i strany*. Moscow, ROSSPEN Publ.].
18. Barrass G.S. 2009. *The Great Cold War. A journey through the hall of mirrors*. Stanford, Stanford University Press.
19. Bar-Siman-Tov Y. 1987. *Israel, the superpowers and the war in the Middle East*. New York, London, Praeger.
20. Daigle C. 2012. *The limits of détente. The United States, the Soviet Union and the Arab-Israeli conflict, 1969–1973*. New Haven, London, Yale University Press.
21. Ginor I., Remez G. 2017. *The Soviet-Israeli war, 1967–1973: The USSR's intervention in the Egyptian-Israeli conflict*. New York, Oxford University Press.
22. Golan G. 1990. *Soviet policies in the Middle East. From World War II to Gorbachev*. Cambridge, NY, Cambridge University Press.
23. Golan G. 2013. The Soviet Union and the October War. In Siniver A. (ed.). *The October 1973 War. Politics, diplomacy, legacy*. London, Hurst & Company Macmillan, pp. 101–118.
24. Halliday F. 2010. *The Middle East in international relations. Power, politics and ideology*. New York, Cambridge University Press.
25. Heikal M. 1975. *The road to Ramadan*. New York, Ballantine Books.
26. Heikal M. 1996. *Secret channels. The inside story of Arab-Israeli peace negotiations*. London, Harper Collins Publishers.
27. Heikal M. 1978. *The Sphinx and the commissar. The rise and fall of Soviet influence in the Middle East*. New York, Harper & Row Publishers.
28. Kipnis Y. 2013. *1973: The road to war*. Charlottesville, VA: Just World Books.
29. Kissinger H. 1982. *Years of upheaval*. Boston, Toronto, Little Brown & Company.
30. Mearsheimer J., Walt S. 2007. *The Israel lobby and U.S. foreign policy*. New York, Farrar, Straus and Giroux.
31. Quandt W.B. 1977. *Decade of decisions. American policy toward the Arab-Israeli conflict, 1967–1976*. Berkley: University of California Press.
32. Rabinovich A. 2005. *The Yom Kipur war. The epic encounter that transformed the Middle East*. New York, Schocken.

М.А. Небольсина*

**ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ
КОРПОРАТИВНОГО НАЕМНИЧЕСТВА:
СЕКРЕТНАЯ ОПЕРАЦИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
В СЕВЕРНОМ ЙЕМЕНЕ В 1960-Е ГОДЫ**

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

События, произошедшие в Йемене в 60-е годы XX в., вышли за рамки рядового государственного переворота и внутривнутриполитического кризиса, связанного со сменой власти, и коснулись интересов различных внешних участников, в частности Великобритании. Ответная реакция британского правительства на угрозу своим стратегическим интересам в регионе носила весьма специфический характер и приобрела форму секретной операции, проводимой силами наемников. Само по себе использование наемников для неофициального решения некоторых внешнеполитических задач не было чем-то новым в современной мировой истории, однако события в Йемене выделяются на этом фоне особым размахом и амбициозностью целей: впервые в послевоенный период такого рода кампания была полностью реализована силами наемников. Неудивительно, что данная секретная операция Великобритании сыграла особую роль в становлении и последующем развитии корпоративного наемничества в целом.

В первой части статьи подробно рассмотрены причины и предпосылки, обусловившие вмешательство Великобритании в гражданскую войну в Северном Йемене, включая региональный и глобальный контекст. Во второй части освещен начальный этап наемнической операции: ее цели и задачи, основные формы использования наемников для поддержки сил роялистов, влияние на ход военных действий и механизмы финансирования. Много внимания уделено позиции ключевых региональных игроков, которые непосредственно участвовали в описываемых событиях, поддерживая республиканское правительство (Египет) либо, наоборот,

* Небольсина Мария Александровна — кандидат политических наук, научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований МГИМО (У) МИД России (e-mail: neboldsinama@gmail.com).

сторонников свергнутой монархии (Саудовская Аравия, Израиль). Наконец, в третьей части рассмотрена деятельность наемников на завершающих этапах гражданской войны в Северном Йемене, в частности, описаны трудности, с которыми они сталкивались по мере того, как правительства Великобритании и Саудовской Аравии теряли интерес к поддержке роялистских сил. В заключительной части автор анализирует, как данная секретная операция Лондона повлияла на становление системы корпоративного наемничества в последующие годы.

Ключевые слова: Йемен, Великобритания, Египет, Израиль, США, Саудовская Аравия, СССР, ООН, наемники, секретные операции, частные военные компании.

1960-е годы ознаменовались рядом конфликтов, в которых западные страны начали широко использовать наемников. Войны, государственные перевороты, восстания, борьба за независимость и другие подобные процессы открыли новые возможности для реализации потенциала наемных сил и проложили путь к развитию сначала наемнического, а затем и контрактного силового бизнеса в мире.

В международном праве предусмотрена ответственность по ст. 47 «Наемничество» Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. (Протокола I), однако в тот период, о котором идет речь в настоящем исследовании, эта норма еще не работала, так как указанный протокол был принят лишь в 1977 г.¹ При этом следует отметить, что и после вступления в силу данного документа, а также после принятия Конвенции Организации африканского единства о ликвидации наемничества в Африке в 1977 г.² и Международной конвенции ООН о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников в 1989 г.³ привлечение к ответственности

¹ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). Женева, 8 июня 1977 г. // Международный комитет Красного Креста. Доступ: https://www.icrc.org/rus/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения: 20.02.2019).

² Конвенция ОАЕ вступила в силу в 1985 г. См.: Organization of African Unity Convention for the Elimination of Mercenarism in Africa. CM/817 (XXIX). Annex II. Rev. 1 // Organisation of African Unity. Available at: https://au.int/sites/default/files/treaties/7768-treaty-0009_-_oau_convention_for_the_elimination_of_mercenarism_in_africa_e.pdf (accessed: 20.02.2019).

³ Конвенция ООН вступила в силу в 2001 г. См.: Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников // ООН. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml (дата обращения: 20.02.2019).

за наемническую деятельность в мировой практике случалось крайне редко. С одной стороны, это обстоятельство можно объяснить особенностями определения термина «наемничество», которое практически не различается во всех перечисленных документах, носит кумулятивный характер и с трудом поддается применению на практике. С другой стороны, верно и то, что государства, которые задействуют солдат по найму, неохотно стремятся использовать международные инструменты для борьбы с наемничеством. В пользу данного тезиса говорит то, что за несколько десятилетий определение наемника осталось неизменным во всех важных международных документах, а значит, практически не работающим.

Современная историография, касающаяся корпоративного наемничества, широко представлена работами зарубежных авторов. По этой теме писали как исследователи [Clarke, 1968; Halliday, 1977; Mockler, 1985; Isenberg, 1997; O'Brien, 2000; Gjeijeses, 2001; Singer, 2003, 2007; Kinsey, 2007a, 2007b; Gumedze, 2008; Hudson, 2012; Baker, 2013; Baxter, 2015; Othen, 2015], так и непосредственные участники конфликтов в качестве солдат по найму [Hoare, 1967; Steiner, 1978; Puren, 1986]. В российской научной литературе также имеется значительный массив работ, посвященных различным аспектам регулирования наемничества и ответственности за наемническую деятельность в разных юрисдикциях [Астафьев, 1978; Блищенко, Жданов, 1980; Волеводз, 2009, 2010; Пархоменко, Литвинцев, 2017; Полторац, 1976; Айдарбеков, 2016; Изъянов, 2008; Короткий, 2009; Осипов, 2003; Селезнев, 2014; Шандиева, 2004]. Некоторые исторические и политические аспекты освещены в современных диссертационных исследованиях российских ученых [Румянцев, 2011; Уразов, 2011], однако приходится констатировать, что в целом в этих работах недостаточно подробно рассмотрены важные сюжеты, связанные с секретными операциями западных держав в период деколонизации и их ролью в развитии корпоративного наемничества в последующие годы.

В этом отношении особый интерес представляет политика Великобритании на Ближнем Востоке. В центре внимания данной статьи — достаточно точечный, но весьма показательный с точки зрения понимания внешнеполитического курса Великобритании в регионе в рассматриваемый период сюжет: попытка использования ею наемников для борьбы с революционным и национально-освободительным движением в Йемене.

В российской и зарубежной историографии широко представлены труды, посвященные вопросам политики и истории

Йемена 60-х годов XX в. В частности, этапам развития национально-освободительных процессов в Южном Йемене посвящено несколько работ российских и зарубежных исследователей [Валькова, Котлов, 1973; Воробьев, 1978; Герасимов, 1987; Голубовская, 1989; Примаков, 2006; Halliday, 1999; Hart-Davis, 2011]. Военным аспектам, а также участию различных внешних сил в развитии ситуации внутри страны уделено значительное внимание в целом ряде работ отечественных и зарубежных авторов [Лавренев, Попов, 2003; Россия (СССР) в войнах второй половины XX века, 2002; Вейнер, 2013; Halliday, 1977; McNamara, 2005; Orkaby, 2014; Thiel, 2015].

Наиболее детально в российской литературе изучены такие аспекты, как политический процесс в период подъема национально-освободительного движения в Йемене и становление политических партий [Наумкин, 1980], рассмотрены этапы колонизации, экономические интересы западных стран в регионе Южной Аравии [Примаков, 1956].

Различные сюжеты общей политики Великобритании в Ближневосточном регионе с 1945 по 1966 г. освещены в работе под редакцией российского ученого Г.Л. Бондаревского [Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке, 1966]. Кроме того, в этом контексте интересными представляются труды британского историка и журналиста Марка Кёртиса. В частности, в одной из своих работ, посвященных интересующим нас событиям в Йемене, он подвергает жесткой критике методы внешней политики Великобритании, касающиеся секретных операций [Curtis, 2007]. Другие работы этого исследователя посвящены не только Ближневосточному региону и охватывают более широкий временной период британской политики, однако и они представляют интерес для понимания логики, которой Лондон придерживался, вмешиваясь в те или иные международные конфликты [Curtis, 2003, 2010]. Важными для понимания общего контекста внешней политики Великобритании в странах Ближнего Востока являются также труды Колдора Уолтона и Стивена Доррила, посвященные секретным операциям британской разведки в разных частях света в период «холодной войны» [Уолтон, 2016; Dorril, 2002].

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы более подробно рассмотреть один из ключевых эпизодов политики Великобритании в отношении Йемена во время подъема антиколониальной борьбы на Ближнем Востоке и изучить методы, к которым вынужден был прибегать Лондон для защиты своих внешнеполитических интересов. В данном случае речь пойдет о

секретных операциях с использованием наемников. Подобные операции на территории третьих стран Великобритании проводила и ранее, однако именно в Йемене ее спецслужбы задействовали наемников особенно широко.

Причины и предпосылки секретной операции Великобритании в Северном Йемене

Одним из ключевых пунктов в цепочке коммуникаций Британской империи, соединявших метрополию с зависимыми территориями, исторически был Южный Йемен. Еще с середины XVII в. Британская Ост-Индская компания начала использовать омываемую Красным морем береговую линию равнины Тихама на юге Аравийского полуострова в качестве наиболее удобного и кратчайшего торгового пути в Африку и Индию. Опасаясь усиления османского владычества на фоне оккупации Мехмедом Али-пашой прибрежной зоны Тихама в 1833 г. и возможного отрицательного влияния данных событий на английскую торговлю, британцы приняли решение обезопасить свои экономические интересы, увеличив присутствие в Аравийском регионе. Однако другой причиной экспансии Великобритании было стремление завладеть Аденом как стратегической угольной базой, необходимой кораблям Ее Величества для дозаправки на пути следования в Индию, а также закрепить свои позиции на Красном море в целях продвижения собственной политики в данном регионе [Risse Scott, 2018: 40]. В результате захвата, осуществленного в 1839 г., порт Аден оказался под контролем британцев. Спустя несколько десятилетий, в течение которых англичане распространяли свое влияние в глубь территории, Южный Йемен был превращен в протекторат Великобритании [Примаков, 1956: 22], разделенный на Западный и Восточный. В 1937 г. порт Аден выделился в самостоятельную колонию — Аденское поселение.

Важно подчеркнуть, что в период британского «колониального господства племена Южного Йемена оформились в мелкие и мельчайшие монархические «государства» (султанаты, шейхства, эмираты), которые назывались по имени племени» [Герасимов, 1987: 50—51]. С каждым из этих образований британцев связывали «договоры о протекторатах, которые включали три обязательных пункта: отказ от внешних сношений, запрет передавать свою землю третьей стороне без согласия англичан и сотрудничество в области обороны» [Герасимов, 1987: 51].

Продолжение борьбы Великобритании за влияние в Аравии выразилось в том, что после Первой мировой войны Лондон

стремился создать «сплошную цепь колониальных владений в Азии — от Стамбула до Сингапура» [Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке, 1966: 4]. Британские политики в тот период воспринимали Арабский Восток как единое пространство и в этом контексте вынашивали планы по консолидации ближневосточных государств. Против этих планов выступали, с одной стороны, Франция, имевшая интересы в Сирии и Ливане, и новообразованное Советское государство, которое поддержало национально-освободительное движение в Турции, а также повлияло на освободительные настроения в Иране, с другой стороны — региональные антиколониальные движения аравийских стран, возглавляемые «эмиром Ибн Саудом и королем Йемена Яхьей» [Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке, 1966: 4]. В этих условиях для защиты собственных интересов в конце 1920-х годов Лондон создал в Адене военную базу.

Укреплению британского влияния в Адене способствовала племенная разрозненность. В 1920-е годы на территории Южного Йемена начались восстания племен и развернулась борьба за независимость, прежде всего от англичан. Тогда британцы стали формировать племенное ополчение из местного населения, а также создавать отряды для поддержания порядка в протекторатах Адена, охраны границы с Северным Йеменом и обеспечения безопасности британских ВВС. Командование народным ополчением осуществляли британские и арабские офицеры [Наумкин, 1980: 15]. В середине XX в. по мере ослабления позиций англичан в ряде стран Аравийского региона значение Южного Йемена для Лондона резко возросло [Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке, 1966: 15].

Ключевую роль в развитии ситуации в Южном Йемене играла позиция правителей Северного Йемена, который обрел независимость от Османской империи в 1918 г. и представлял собой монархию во главе с имамом. В 1934 г. между имамом Яхьей и британским правительством было подписано соглашение, по которому англичане признавали суверенитет Северного Йемена. В то же время вопрос о границе с Южным Йеменом не был урегулирован, что позволяло каждой из сторон по-разному трактовать положения договора. В частности, в Северном Йемене считали, что этот документ «ни при каких условиях не является признанием английских прав на территорию Адена и протекторатов» [Герасимов, 1979: 26–27]. В свою очередь англичане утверждали, что в договоре зафиксирован отказ «королевства Йемен от тер-

риторий за пределами границы, определенной англо-турецким соглашением 1914 года» [Герасимов, 1979: 27].

19 сентября 1962 г. умер король Ахмад, который правил Северным Йеменом начиная с 1948 г., и престол занял его сын аль-Бадр. Однако спустя всего неделю в стране произошел переворот. «Члены проегипетской тайной организации “Свободные офицеры” из гарнизонов Саны, Таиза и Ходейды, опасаясь разоблачений, объявили о низложении монархии» [История Востока, 1995: 257] и провозгласили Йеменскую Арабскую Республику. В первые дни после начала вооруженных действий Абдалла ас-Саляль, который возглавил переворот, договорился с президентом Египта Гамалем Абдель Насером о военной поддержке. Свержение монархии в Северном Йемене с помощью проегипетских сил способствовало радикализации национально-освободительной борьбы в Южном Йемене. По словам одного из политических деятелей, стоявших у истоков создания Национального фронта за освобождение Южного Йемена А.Ф. Исмаила, начало вооруженной борьбы южных йеменцев было бы невозможно без «свержения теократического режима имама в Сане» [Наумкин, 1980: 72]. Несмотря на попытки Великобритании пресечь национально-патриотические выступления, в Южном Йемене в 1963 г. также развернулось революционное движение.

К тому моменту в Южном Йемене, где с конца 1940-х — начала 1950-х годов набирали силу национально-патриотические процессы, шла напряженная внутривнутриполитическая борьба. В конце 1950-х годов британцы создали здесь Федерацию Южной Аравии, которая объединила эмираты, преобразованные в провинции. Лондон стремился создать на территории Южного Йемена такое объединение, которое по примеру иных британских колоний было бы тесно связано с метрополией даже в случае ухода оттуда англичан [Герасимов, 1987: 52]. Однако политика Великобритании, в частности усилия, направленные на поддержание в этом регионе феодальных порядков на фоне племенного устройства общества, лишь подогревали национально-освободительные настроения и провоцировали выступления [Наумкин, 1980: 25]. Постепенно стали появляться многочисленные политические силы, ратовавшие за освобождение и объединение провинций юга. В это же время на территорию Южного Йемена начали массово возвращаться разные группы переселенцев. Среди них были как трудовые мигранты, уехавшие ранее в соседние «нефтяные» страны, так и обучавшиеся в арабских государствах студенты из Южного Йемена. Данные процессы также способ-

ствовали росту антиколониальных настроений южных йеменцев, что подкреплялось революционными событиями в соседних государствах и сопровождалось выражением солидарности с освободительным движением в Алжире и антимонархическими процессами в Ираке.

По некоторым оценкам, «к началу 60-х годов здесь было 15 официально зарегистрированных партий и организаций» [Наумкин, 1980: 31]. Британцам были выгодны многочисленность и разношерстность различных партий и объединений, программы и политические требования которых зачастую входили в противоречие друг с другом и приводили к раздроблению и дальнейшей фрагментации движения. Тем более что не все политические силы были едины в желании выйти из-под влияния Великобритании и обрести независимость.

Так, одна из первых йеменских политических организаций — Аденская ассоциация — выступала за сохранение как экономического присутствия британцев, так и военной базы, созданной ими в Адене. Это вполне отвечало интересам англичан, которые поддерживали работу данной организации [Наумкин, 1980: 31].

В тот же период, на рубеже 1940—1950-х годов, о себе заявила Лига сынов юга Аравии — партия, которая ратовала за освобождение от британского владычества и создание независимого государства на всей территории юга Аравийского полуострова. Это движение сумело завоевать определенные позиции, но при этом опиралось главным образом на феодально-племенную знать, которая была не меньшим препятствием на пути к независимости, чем англичане.

К 1957 г. в Южном Йемене оформилось движение рабочих — Конгресс профсоюзов Адена. Начав с борьбы за экономические права, эта организация постепенно приобрела патриотические черты. Однако она выражала интересы лишь части населения Южного Йемена. Кроме того, одной из целей, преследуемых Конгрессом, было освобождение от колониализма, но рабочие данного движения не были выразителями идеи всеобщего йеменского объединения.

В начале 1960-х годов стала набирать силу Народно-социалистическая партия, которая боролась за освобождение Северного и Южного Йемена от колониальной зависимости, выступала за республиканское устройство государства, опиралась на социалистические принципы. Однако и она не провозглашала идею отказа от традиционной феодально-племенной организации йеменского общества.

Следует отметить, что до 1963 г. все движения и партии использовали только мирные средства: выходили на демонстрации, устраивали акции протеста, выдвигали ограниченные требования и лозунги. Лишь с началом на севере вооруженной борьбы в Южном Йемене стали происходить значительные перемены.

В начале 1963 г. в Сане под эгидой Движения арабских националистов была создана новая организация, которая сыграла принципиальную роль в деле борьбы за освобождение Адена, — Национальный фронт (НФ) [История Востока, 1995: 260]. Усилия НФ были направлены на объединение и примирение племен для достижения главной цели — обретения независимости. Когда удалось добиться единства и поддержки, бойцы НФ развернули в Адене партизанскую войну.

Октябрь 1963 г. принято считать периодом начала освободительной борьбы на юге. 14 октября вооруженные племена Радфана оказали сопротивление корпусу англичан, который специально был направлен для их разоружения. Воспользовавшись этим событием, НФ сумел поднять население на вооруженную борьбу против колонизаторов по всей стране [История Востока, 1995: 260]. Опыт вооруженного противостояния позволил сформировать впоследствии Армию освобождения Южного Йемена. Кроме того, на политическом уровне шло объединение различных сил и партий, а также становление внутренней структуры НФ.

Антимонархические революционные события в Йемене конца сентября 1962 г. наложились на глобальное противостояние ведущих мировых держав и способствовали вовлечению в конфликт различных внешних игроков регионального масштаба. Помимо Египта в течение последующих нескольких лет Великобритания, Израиль, Саудовская Аравия, СССР, США, ООН и другие акторы сыграли разные роли в борьбе, посредничестве и поддержке тех или иных сторон конфликта.

Во время гражданской войны в Северном Йемене республиканцев поддерживали прежде всего Египет и Советский Союз, который оказывал помощь Йемену задолго до рассматриваемых событий. Признав новую власть уже 1 октября 1962 г., СССР предложил свою политическую и моральную поддержку республиканскому режиму, продолжая поставлять вооружение в регион, в котором также оставались группа военных советников из 75 человек для обучения республиканской армии Йемена, технические специалисты и 32 советских экономических консультанта. Позднее в Ходейду, Сану и Таиз были направлены врачи, специалисты в области гидрологии и сельского хозяйства,

учителя и т.д. Кроме того, Советский Союз предоставил Йемену материальную помощь в размере 60 млн долл. [Orkaby, 2014: 109]. В первые же дни республиканский режим также признали Ливан, Сирия, Ирак, Судан, Алжир, Тунис [Россия (СССР) в войнах второй половины XX века, 2002].

Новую власть признали и США, которые призвали Великобританию последовать их примеру. Стратегия Вашингтона предполагала тесное сотрудничество с саудовской нефтяной монархией к северу от йеменской границы, поэтому ставка делалась на политическую стабильность и сдерживание региональных конфликтов на Аравийском полуострове. Таким образом, схожая политика в отношении Йеменской Арабской Республики обозначила определенное сближение международных позиций США и СССР. Более того, к 1965 г. обе державы, исходя из собственных стратегических интересов, «закрывали глаза» на пребывание сил Г.А. Насера в Йемене, а иногда и поддерживали в этом вопросе египетского лидера, чтобы отвлечь его внимание от Израиля [Orkaby, 2014: 3].

В то же время Великобритания, а также Саудовская Аравия и Иордания ратовали за восстановление монархии и не признавали новый режим. Революционные события в Северном Йемене привели к осложнению отношений между Египтом, выступавшим на стороне нового республиканского правительства, и Саудовской Аравией, которая поддерживала роялистов и даже создала Совет по борьбе с республикой [История Востока, 1995: 260]. После того как Египет начал переброску войск в Йемен для оказания военной помощи новому правительству, в стране разразилась гражданская война, затянувшаяся на 7 лет.

Для Соединенного Королевства события в Северном Йемене имели очень большое значение. Великобритания долгое время не признавала новый режим, но вынуждена была сразу начать корректировать свою политику в регионе, ускорив реализацию проекта федерализации на юге в целях консолидации британского колониального правления. Лишь в 1964 г., когда к власти в Великобритании пришли лейбористы, Лондон начал предпринимать шаги, направленные на передачу управления Южным Йеменом местному правительству, обеспечивая постепенный вывод своих войск «со всех баз “к востоку от Суэца”» [Kinsey, 2007b: 586; История Востока, 1995: 259].

Одновременно с этим британские спецслужбы летом 1963 г. при согласовании с премьер-министром Гарольдом Макмилланом разработали операцию по подавлению революционных

настроений в Йемене. К этому шагу британские правящие круги подталкивал целый ряд соображений. После окончания Второй мировой войны Британской империи пришлось столкнуться с масштабными процессами, которые угрожали ее целостности. С одной стороны, национально-освободительное движение начало охватывать как ее собственные, так и чужие колонии: в августе 1947 г. независимость обрела Британская Индия, в мае 1948 г. был завершен британский мандат в Палестине и провозглашено Государство Израиль. С другой стороны, в этот период на ближневосточном направлении отчетливо наметилась политическая поляризация. В качестве альтернативы западной политике все более заметную роль начал играть СССР, который стремился оказывать помощь всем движениям, так или иначе выступавшим против империализма.

При этом у Великобритании к тому моменту уже был опыт проведения масштабных секретных операций в разных странах мира. Так, в 1948 г. англичане подавили восстание в Малайе, объявив в протекторате режим чрезвычайной ситуации. Тогда национально-освободительная борьба вылилась в партизанскую войну и затянулась на 12 лет. В 1953 г., в разгар политической борьбы в Иране, британская и американская разведки провели совместную операцию, направленную на свержение правительства Мохаммеда Мосаддыка [Глазунова, 2015].

Наконец, определяющее значение для всей ближневосточной политики Великобритании в тот период имели последствия неудачной попытки свержения Г.А. Насера. 29 июля 1956 г. при поддержке СССР Г.А. Насер объявил о национализации Суэцкого канала, чем вызвал взрыв негодования в Лондоне. Возмущение было столь велико, что в ходе секретных переговоров с США британцы даже «предложили совершить покушение на Насера и всерьез размышляли об изменении русла Нила, чтобы подорвать на корню притязания Египта на экономическое самоуправление» [Вейнер, 2013]. Данную идею США отвергли, но американская разведка одобрила «длительную подрывную кампанию против Египта» [Вейнер, 2013].

Спустя несколько месяцев, 29 октября, против Египта началась вооруженная операция «Мушкетер», подготовленная Великобританией, Францией и Израилем. Интересно отметить, что Лондон, ранее обсуждавший с США возможность свержения Г.А. Насера и даже его физического устранения, решил не раскрывать свои намерения и объединиться с Францией и Израилем, чтобы нанести удар по Египту, сведя к минимуму

контакты с Вашингтоном в последнюю неделю перед операцией [McNamara, 2005: 55]. Однако мировое сообщество осудило эту акцию и заставило Лондон, Париж и Тель-Авив вывести войска с территории Египта.

В итоге эта попытка Великобритании взять реванш еще больше ослабила ее позиции в регионе и, напротив, способствовала более тесному взаимодействию ближневосточных стран с СССР. В этом контексте Южный Йемен как оплот английского влияния приобретал все большее значение. Достаточно сказать, что после кризиса 1956 г. Аден остался единственной военной базой Великобритании в районе Суэцкого канала.

Подходя к описанию британской операции в Северном Йемене, следует особо упомянуть эпизод, связанный с вмешательством Лондона в события, которые происходили в Омане в 1957 г. С 1920 г. между имаматом Омана и английским протекторатом султанатом Маската действовал договор, по которому Маскат обязался не вмешиваться в политику Омана, тем самым признав суверенитет имамата. Договор действовал примерно до 1955 г., когда Великобритания постепенно начала терять свои позиции в регионе. «В этих условиях территории Маската и Омана приобретали для Англии большую ценность и как важный узел коммуникаций (главным образом морских), обеспечивающих доступ в Персидский залив, и как нефтяная “целина”...» [Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке, 1966: 277–278]. В результате политических интриг имам Галиб бин Али был отправлен в отставку, а султан Саид бин Теймур с помощью англичан захватил Оман, присоединив его к Маскату, и возглавил объединенную территорию.

Однако уже в мае 1957 г. началось восстание сторонников имамата за восстановление правления Галиба бин Али и сохранение автономии. Восстание было поддержано Саудовской Аравией. Для подавления созданного сторонниками имама Оманского революционного движения (ОРД) Лондон сосредоточил в регионе крупные контингенты британских войск, а также перебросил дополнительные силы из Маската. Следует подчеркнуть, что «армия самого султана, насчитывавшая 8400 солдат, находилась под командованием английских офицеров» и подчинялась колониальным властям в Персидском заливе [Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке, 1966: 277–278]. В результате вмешательства Лондона силы ОРД были отброшены, восстание удалось подавить, а к 1959 году был восстановлен суверенитет султана на всей территорией.

Однако объединить Оман и Маскат в единое государство и распространить на него свой контроль британцам не удалось. Более того, позиции Саида бин Теймура оставались шаткими, поэтому он «был крайне заинтересован в сохранении в стране английского военного присутствия» [Исаев, Филоник, 2001: 121]. В результате 1960-е годы «английские офицеры и гражданские чиновники буквально заполнили армию и государственный аппарат страны» [Исаев, Филоник, 2001: 121–122].

В некотором роде использование британских офицеров и контрактников в событиях в Омане стало предтечей наемнической операции в Йемене. Однако если в случае с Оманом британцам удавалось практически руководить вооруженными силами султана, то в Йемене ситуация не была столь благоприятной для англичан.

Начальный этап операции с участием наемников в Северном Йемене

Не признав новый режим в Северном Йемене, британские правящие круги занялись обсуждением сценариев возможного развития событий. В январе 1963 г. из неофициальной поездки на Аравийский полуостров в Лондон вернулся британский политик, подполковник Нил («Билли») Маклин. Во время встречи с министром авиации Джулианом Эмери, министром иностранных дел Александром Дуглас-Хьюмом, основателем специальной военно-воздушной службы (ВВС) Дэвидом Стирлингом и полковником ВВС Брайаном Фрэнксом Н. Маклин предложил занять противоположную США и СССР позицию. По его мнению, если оказать помощь пророялистским племенам, то они смогли бы сами бороться с вооруженными силами Египта [Kinsey, 2007b: 586]. Н. Маклин полагал, что кризис в Йемене можно было использовать с целью противостоять Г.А. Насеру и его устремлениям стать лидером на Аравийском полуострове под эгидой недавно созданной Объединенной Арабской Республики. Британский политик считал, что даже если не удастся выбить силы Г.А. Насера из Йемена, то по крайней мере можно отвлечь египетские войска и создать такие условия, при которых Египет будет вынужден обороняться от йеменцев, а это лишит его возможности вторгнуться в Аден и в другие районы Аравийского полуострова. Существование подобных намерений у руководства Египта подтверждал и свергнутый йеменский монарх аль-Бадр, которого Г.А. Насер одно время хотел использовать в заговоре

против его же отца [Orkaby, 2014: 67]. Участие войск Г.А. Насера в йеменских событиях Великобритании воспринимала как продолжение конфронтации с Египтом после 1956 г.

Как сообщил Н. Маклин, ему также стало известно о том, что Г.А. Насер заключил договор с алжирским Фронтом национального освобождения о переброске группы добровольцев в тренировочные лагеря в Египет для организации терактов в Адене. Кроме того, подобные лагеря для подготовки партизан НФ создавались и на территории Северного Йемена. Оттуда в Южный Йемен тайно переправляли оружие и вели радиопередачи, пропагандировавшие идею вооруженной борьбы [Наумкин, 1980: 79]. В Лондоне понимали, что если ничего не предпринять, то акции будут направлены против британцев в Адене [Orkaby, 2014: 42, 69].

7 января 1963 г. Комитет кабинета министров по внешней и оборонной политике на основании доклада Н. Маклина вынес решение о том, что не рекомендует признавать новый режим. При этом возможность оказания открытой помощи свергнутому монарху и вмешательства в дела Северного Йемена исключалась [Curtis, 2007]. Эта официальная позиция Великобритании была озвучена премьер-министром Г. Макмилланом. Он заявил следующее: «То, что Великобритания слишком часто поддерживает устаревшие и деспотичные режимы, а не современные и более демократичные формы правления, противоречит идеям сбалансированной политики и политического прагматизма» [Thiel, 2015: 99].

Эта позиция была одобрена частью британских правящих кругов, полагавших, что Лондону следует поддержать республиканский режим, с которым можно было установить дружественные отношения, и тем самым сдержать рост влияния Египта в регионе. Так, например, считал и британский дипломат Кристофер Ганди, находившийся в 1960-е годы на службе в Северном Йемене в г. Таизе [Curtis, 2007]. Он подчеркивал, что даже если роялистам удалось бы восстановить свои позиции и вновь оказаться у власти, такой народной поддержки, какую имели республиканцы, у монарха не будет, если только он не начнет проводить реформы. В свою очередь курс на демократизацию режима роялистов в Северном Йемене войдет в противоречие с политикой Лондона в Адене, где тот поддерживает традиционное феодальное правление [Curtis, 2007].

Однако в итоге эти доводы не были услышаны: под прикрытием официальных деклараций развернулась подготовка тайной

операции на Аравийском полуострове. Это объяснялось, с одной стороны, желанием Лондона взять реванш за Суэцкий кризис и покончить с Г.А. Насером, с другой — растущими опасениями, что революция, начавшаяся в Северном Йемене, охватит и Южный и поставит под угрозу существование британской военной базы в Адене, которая была стратегически важным пунктом и имела приоритетное значение в политике Великобритании на Ближнем Востоке.

Операция была столь секретной, что поначалу не имела названия. В правительстве о ней было известно очень узкому кругу лиц (министру по делам колоний Дункану Сэндису и министру авиации Джулиану Эмери) [Hart-Davis, 2011]. Было решено задействовать индивидуальных наемников без привлечения национальных вооруженных сил — при неудачном исходе британское правительство легко смогло бы отмежеваться от операции. Еще до начала собственно наемнической миссии Великобритания стала тайно снабжать роялистов оружием через племенного лидера в Бейхане [Curtis, 2007].

В конце апреля 1963 г. Д. Стирлинг обратился к отставному подполковнику ВВС Великобритании Джиму Джонсону, ранее командовавшему 21-м полком, который стал основным действующим лицом той операции, с просьбой найти квалифицированных людей. При помощи полковника Джона Вудхауса, который в то время командовал 22-м полком ВВС, было нанято несколько опытных офицеров для отправки в Йемен [Hart-Davis, 2011]. Сам Дж. Джонсон закупил необходимое обмундирование, взрывчатку и пистолеты и хранил всё в подвале своего дома до начала операции. Ее техническое сопровождение легло на плечи помощницы Дж. Джонсона, которая доводилась племянницей Д. Стирлингу, 21-летней Фионы Фрейзер. Ей было поручено заниматься паспортами и визами отправлявшихся на Ближний Восток наемников, а также поддерживать связь с их семьями [Hart-Davis, 2011]. В течение следующих полутора лет она неоднократно помогала отправлять в Йемен «солдат удачи» [Hart-Davis, 2011: 81]. Позднее Ф. Фрейзер отмечала, что наемники, с которыми ей было поручено работать, не имели точной информации, куда они едут и какие функции будут выполнять. Это было частью секретного плана MI-6, призванного максимально снизить шансы на утечку информации [Hart-Davis, 2011: 81].

Операции наемников оформлялись через фирму Д. Стирлинга «Television International Enterprises», которая учредила для данного вида деятельности подставную компанию «Rally Films».

За день до отправки диверсионной группы в Йемен случилось непредвиденное, и вся операция оказалась под угрозой срыва. Во время заседания палаты общин британского парламента 5 июня 1963 г. военный министр кабинета Г. Макмиллана Джон Профьюмо публично признался в связи с британской моделью Кристен Килер и подал в отставку [Hart-Davis, 2011]. Интрига заключалась в том, что К. Килер одновременно состояла в отношениях с Дж. Профьюмо и с помощником военно-морского атташе посольства СССР в Великобритании офицером ГРУ Евгением Ивановым. Вероятно, британские спецслужбы, которым было известно о связях Е. Иванова с советской разведкой, надеялись использовать К. Килер, чтобы перевербовать его. В то же время из мемуаров самого Е. Иванова следует, что он использовал К. Килер для сбора компрометирующих данных на военного министра. Результатом его работы, по его собственному мнению, стали не только уход Дж. Профьюмо с поста министра обороны и последовавшая за этим отставка премьер-министра Г. Макмиллана, но и поражение консерваторов на следующих парламентских выборах [Иванов, Соколов, 2009].

Так или иначе, признание Дж. Профьюмо сразу бросило тень на Г. Макмиллана, который, опасаясь за свою репутацию, поспешил довести до сведения Д. Стирлинга информацию о необходимости отменить операцию в Йемене. Между тем организатор операции Дж. Джонсон решил не следовать указаниям сверху, логично рассудив, что до начала следующего рабочего дня MI-6 вряд ли предпримет что-либо на официальном уровне, и, ничего никому не сообщив, забронировал авиабилеты для двух французов и трех британцев на одном рейсе, а четвертого британца — Джонни Купера — отправил другим рейсом.

Одним из французов был ветеран Иностранного легиона Роже Фольк, а другим — не кто иной, как знаменитый Боб Денар, известный своим участием в многочисленных наемнических операциях в разных странах мира, включая Коморские Острова, Бенин, Анголу, Нигерию и др. Считается, что именно Б. Денар стал прототипом главного героя книги Фредерика Форсайта «Псы войны» 1974 г., а также героя фильма «Дикие гуси» 1978 г. режиссера Эндрю Маклаглена. Как раз в перерыве между неудачной попыткой Катанги отделиться от Конго и подавлением восстания Симба Б. Денар отлучился, чтобы присоединиться к йеменской операции. Многие наемники «кочевали» подобным образом из конфликта в конфликт.

Согласно плану все участники операции должны были соединиться в Триполи и вместе продолжить путь до Адена [Hart-Davis, 2011]. Когда же Д. Стирлинг в телефонном разговоре с Дж. Джонсоном сообщил о необходимости срочно отменить операцию, тот ответил: «Очень сожалею, но я не в силах остановить группу. Она уже отправилась на задание» [Hart-Davis, 2011].

По дороге в Йемен произошел еще один инцидент, грозивший привести к международному скандалу в связи с готовившейся диверсией при участии Великобритании. В аэропорту Триполи, где все участники операции должны были воссоединиться, один из чемоданов, в котором находилась пластиковая взрывчатка, раскрылся на глазах у службы безопасности Ливии. Поскольку взрывчатка источала запах миндаля, Дж. Купер догадался сказать, что он торговец марципанами, чем спас себя и группу диверсантов, которая продолжила путь до пункта назначения⁴.

Изначально планировалось отправить в Северный Йемен небольшую группу наемников для того, чтобы устроить диверсию и уничтожить советский самолет, бомбивший роялистов. Однако добравшись до места, группа обнаружила, что аэродром, где находились советские самолеты, слишком надежно охраняется, и от первоначального плана пришлось отказаться⁵. Основной упор было решено сделать на подготовку вооруженных отрядов роялистов, которая включала отработку диверсионных навыков и приемов ведения партизанской войны. Для надежности наемники, оказавшись в горных деревнях роялистов, переоделись в местную одежду и взяли себе арабские имена. Данная тактика была столь успешной, что, по некоторым данным, Г.А. Насер полагал, будто на территории Йемена находится около 800 наемников, в то время как в действительности их число в разные периоды варьировало от 6 до немногим более 40 человек. Подавляющее большинство наемников были французами и бельгийцами, а людей Дж. Джонсона было не более 12 человек [Hart-Davis, 2011].

В начале гражданской войны в Северном Йемене на его территории насчитывалось около 12 000 египетских военных. Вскоре после того, как сторонники монархии сумели организовать и начали давать отпор, этот контингент увеличился до 30 000 человек. Когда же роялисты стали получать помощь бла-

⁴Venning A. How a rag-tag team of SAS veterans changed history in a secret war Britain still won't admit // Mail Online. 17.02.2011. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-1357826/How-rag-tag-team-SAS-veterans-changed-history-secret-war-Britain-STILL-wont-admit.html> (accessed: 20.02.2019).

⁵Ibidem.

годаря вступлению в конфликт наемников Д. Стирлинга, число египтян в Северном Йемене достигло 52 000 военных. По некоторым данным, племенное ополчение, выступавшее на стороне монархии, по численности превышало небольшую регулярную йеменскую армию, защищавшую республиканцев. Так, крупнейшая племенная конфедерация Северного Йемена бакиль «могла выставить до 100 тыс. вооруженных бойцов, а зу мухаммед и зу хусейн — до 70 тыс. бойцов и т.д.» [Лавренов, Попов, 2003: 301]. Сложность для египетских солдат представляли горные районы, в которых укрывались роялисты, ведя партизанскую войну, так как против них невозможно было использовать тяжелую технику [Kinsey, 2007b: 588].

По информации Н. Маклина, египетские войска, желая сломить сопротивление, распыляли в деревнях роялистов ядовитый газ, который приводил к мучительной гибели простых людей [McNamara, 2005: 183–184]. Кроме того, очень скоро после начала вмешательства в йеменский конфликт Египет начал использовать репрессивные меры, которые «еще более обостряли внутривнутриполитическое положение» [Аль-Джабери, 2006: 238]. Дело в том, что не все племена поддерживали участие в революционных событиях египетских войск. Во-первых, это противоречило заявленным принципам революции, одним из которых была «ликвидация иностранного влияния в стране» [История Востока, 1995: 260]. Во-вторых, «многие египетские командиры компрометировали себя мздоимством и крайней амбициозностью» [История Востока, 1995: 260]. В-третьих, «египетские должностные лица, стремясь сохранить свои позиции в Йемене, прибегали к различным мерам — политике давления, высылке из страны участников Амранской конференции...», призванной положить начало переговорному процессу и поиску компромисса между роялистами и республиканцами [Аль-Джабери, 2006: 238]. В целом «действия египтян стали вызывать открытое недовольство йеменцев, которые расценивали египетское присутствие как оккупацию своей родины» [Аль-Джабери, 2006: 238].

Действия роялистов в борьбе с египетскими войсками координировали и направляли британские и французские наемники, в то время как израильские пилоты и агенты разведки снабжали солдат армии монарха необходимым оружием и средствами связи [Orkaby, 2014: 8]. В ходе неоднократных встреч между участниками операции и представителями израильской разведки в 1962–1963 гг. израильтяне обещали Н. Маклину поддержку группы с воздуха, кроме того, стороны договорились о том, что Израиль

сможет предоставить оружие, деньги и инструкторов, которых вполне можно принять за арабов [Orkaby, 2014: 269]. В результате в 1964–1966 гг. израильские военные совершили как минимум 14 успешных секретных вылетов, во время которых сбрасывали оружие и обмундирование наемникам и роялистам, а иногда помогали эвакуировать командиров армии монарха с поля боя [Thiel, 2015: 99–100]. В обмен на воздушную помощь Израиль обратился к британцам с просьбой делиться подробностями о военных возможностях Египта и перемещениях его войск.

Интересно отметить, что аль-Бадр, который после свержения находился на севере страны, найдя прибежище у лояльных монарху зейдистских племен, даже пообещал признать Государство Израиль, если оно поможет вернуть ему престол. Тель-Авив был столь воодушевлен такой возможностью, что даже провел переговоры с роялистами о том, чтобы они попытались склонить саудовского принца Фейсала к признанию Израиля [Orkaby, 2014: 270].

В феврале 1964 г., когда наемники уже тренировали сторонников монарха, при поддержке МИ-6 и ЦРУ прошла первая операция с участием израильских ВВС. Дж. Купер координировал действия авиации, вылетевшей с авиабазы в Эйлате, по радио. На территорию, контролируемую Дж. Купером и его командой, было сброшено оружие и обмундирование [Intelligence, crises and security, 2007: 78–79].

Однако договоренность о помощи со стороны Израиля предполагала соблюдение очень важного условия. Никто в мире, особенно Саудовская Аравия, не должен был узнать о секретном участии Израиля в антиегипетской операции в Йемене, поэтому все сбрасываемое с самолетов оружие не должно было иметь израильскую маркировку на случай, если оно попадет к врагу [Hart-Davis, 2011].

Сами саудиты предпочитали оставаться в тени и оказывать в основном материальную поддержку противникам республиканского режима в Йемене. Помощь Саудовской Аравии британской наемнической операции была огромной. Саудиты осуществляли финансирование как деньгами, так и золотыми слитками [Curtis, 2007]. Первый транш поступил на счет Дж. Джонсона в октябре 1963 г. и составил 10 000 фунтов стерлингов. За неполный рабочий день наемники получали астрономические вознаграждения. Так, на начальном этапе Дж. Купер зарабатывал 400 фунтов в месяц, что в пересчете на 2011 г. составило бы около 5000 фунтов. Участие в мелких операциях оценивалось в сумму от 250 до

300 фунтов, что эквивалентно 2900–3500 фунтам в 2011 г. Зарплата рядовых наемников составляла 150 фунтов в месяц [Curtis, 2007]. Кроме вознаграждения Дж. Купер дополнительно получал 200 фунтов в месяц на покрытие текущих расходов. Часть этих денег выделялась для поощрения некоторых йеменцев из племенного ополчения, обучавшихся принципам сбора информации о неприятеле у самого Дж. Купера. Частично эта сумма расходовалась также на цели, связанные с необходимостью подкупа, на вознаграждение за оказание каких-либо дополнительных не оговоренных ранее услуг. С расширением наемнической операции расходы увеличивались, и к июню 1966 г. 22 наемникам выплачивали месячное вознаграждение в размере 8000 фунтов (около 100 тыс. фунтов в пересчете на 2011 г.). Саудовская Аравия тратила целые состояния на кампанию, не только оплачивая работу наемников и связанные с ней расходы, но также повсеместно помогая монаршим особам, чтобы те могли платить племенам и подкупать нужных людей [Hart-Davis, 2011].

Интересно отметить, что некоторые «солдаты удачи» порой противились тому, чтобы называться наемниками. Они считали, что настоящим наемником является тот, кто сражается за деньги, а они лишь тренируют и обучают солдат другого государства. Однако же они получали деньги за то, что, пусть и не напрямую, все же участвовали в боевых действиях. Возможно, некоторые из солдат нанимались для участия в конфликте из патриотических побуждений или в поисках приключений, но материальное вознаграждение все же было главной составляющей [Hart-Davis, 2011]. Операция в Йемене не была добровольческой, солдат нанимали для работы за определенную плату. Какие бы цели ни преследовало британское правительство, привлекая нерегулярные вооруженные силы, никто не ставил под сомнение тот факт, что в основе наемнических контрактов лежала материальная выгода.

Саудовская Аравия преследовала свои интересы в йеменских событиях. И если в эпизоде с Оманом позиции Лондона и Эр-Рияда столкнулись, то в отношении Северного Йемена они сошлись: оба государства были на стороне монархистов. Саудиты полагали, что беспорядки в Йемене могут спровоцировать антимонархические настроения в Саудовской Аравии. Кроме того, существовали опасения, что Г.А. Насер, претендовавший на лидерство в Ближневосточном регионе, при поддержке Советского Союза сможет реализовать свои амбиции, а это в конечном счете обернется войной за нефтяные ресурсы саудитов. В этом отношении отдельного упоминания заслуживает позиция США.

Их участие в основном сводилось к политико-дипломатическим мерам, но они все же поддержали Эр-Рияд в связи с египетской угрозой. Вашингтон, который преследовал собственные интересы в нефтяном регионе Саудовской Аравии, несколько раз проводил показательные акции с использованием военной техники в ответ на действия Египта. Например, весной 1963 г. Г.А. Насер провел операцию в приграничных с Саудовской Аравией районах, атаковав несколько баз роялистов [Orkaby, 2014: 98]. Ответом стало то, что Вашингтон в рамках операции «Hard surface» направил эскадрилью из восьми истребителей ВВС США в сторону Саудовской Аравии, чтобы продемонстрировать Г.А. Насеру свою поддержку Эр-Рияда и предостеречь Египет от дальнейших военных предприятий в этом направлении [Orkaby, 2014: 120].

Основную задачу своего участия в йеменском конфликте Великобритания, Израиль и Саудовская Аравия видели в том, чтобы «запереть» египетские войска в тех районах Северного Йемена, где партизанскую войну с минимальными для себя потерями можно было вести бесконечно.

Помимо помощи в обучении сторонников роялистов в апреле 1964 г. Великобритания санкционировала несколько операций («Operation Eggshell», «Operation Stirrup», «Operation Bangle»), одобрив план по закладке бомб, выдаче оружия племенам и провокацию волнений в приграничных районах Северного Йемена, чтобы нейтрализовать подрывные действия Египта на территории Федерации, т.е. на юге Аравийского полуострова. Лондон также рассматривал планы по устранению высокопоставленных лиц египетской разведки, вовлеченных в подрывную деятельность на территории Федерации [Curtis, 2007].

Деятельность наемников на завершающих этапах гражданской войны в Северном Йемене

В первой половине 1964 г. высшее руководство Великобритании вынуждено было вернуться к обсуждению планов в отношении дальнейшей судьбы операции в Йемене. Она оказалась под угрозой срыва, когда в начале мая произошла утечка информации и каирская газета опубликовала переписку Дж. Купера с британским пилотом ВВС Тони Бойлом. Некоторые письма датировались декабрем 1963 г. В них шла речь об участии Дж. Купера в снабжении роялистов оружием с помощью авиации. Однако британская «Sunday Times», в руки которой попала эта информация, не сразу отреагировала на новость, так как владелец газеты

был связан с компанией Д. Стирлинга «Television International Enterprises», с помощью которой шла вербовка наемников для операции в Йемене. Лишь через несколько дней эта новость все же появилась в газете «Sunday Times» [Dorril, 2002: 692]. В связи с этим британским официальным лицам пришлось оправдываться.

Официально позиция Лондона оставалась прежней, и премьер-министр А. Дуглас-Хьюм заявил в парламенте о том, что, поскольку Великобритания придерживается политики невмешательства в йеменские события, это не дело Соединенного Королевства помогать оружием сторонникам роялистов [Уолтон, 2016: 282]. Он также сказал, что ему ничего не известно о нахождении названных в прессе лиц в Йемене. Однако мало кто из парламентариев поверил в то, что действия на территории другого государства, о которых шла речь в прессе, могли совершаться без ведома правительства [Dorril, 2002: 693].

Вскоре удалось установить источник утечки информации. В марте 1965 г. был арестован, а в мае приговорен к десяти годам тюремного заключения старший сержант Перси Аллен, который пытался продать секретную информацию о британской операции в Йемене представителям иракского и египетского посольств в Великобритании [West, 2014: 28]. Из тех документов, которые П. Аллен успел передать Каиру, следовало, что планы Лондона были направлены на поддержку монарших режимов в Иордании и Ливии. Выяснилось также, что между Великобританией и США существовал план совместных действий в чрезвычайных ситуациях, предусматривавший возможность вторжения в Ливан или Судан в случае возникновения там внутренних беспорядков, причем центральное место в возможной операции отводилось британской военной базе в Адене [Dorril, 2002: 694].

Несмотря на утечку информации, операция с участием наемников в Йемене продолжилась. В конце июля 1964 г. британцы заключили сделку с саудитами о дальнейшей помощи роялистам. По условиям договора Великобритания, не желая афишировать прямую помощь сторонникам монархии, передавала оружие Саудовской Аравии для его дальнейшего использования в Йемене. В рамках этих договоренностей Лондон также согласился на контракт с частной саудовской компанией «Airwork services» стоимостью 26 млн фунтов. По договору британцы должны были обучать пилотов и экипажи воздушных судов. Известно, что компания привлекала британских пилотов для бомбардировок республиканских и египетских позиций [Dorril, 2002: 694].

В июле 1964 г. группа наемников, состоявшая из 48 отставных британских офицеров, включая экс-офицеров ВВС, была заброшена на территорию Северного Йемена при поддержке спецслужб Великобритании с целью координировать действия представителей племен, которые должны были отслеживать передвижения египетских войск, чтобы скорректировать цели ударов по египетским военным объектам. Одновременно перед наемниками стояла задача ликвидировать высокопоставленных египетских офицеров, которые координировали действия Каира в регионе [Curtis, 2007]. Подобные шаги британцев позднее привели к тому, что наемническая операция в Йемене получила название «грязной войны».

Что касается участия Саудовской Аравии, то хотя она и поддерживала британскую операцию и начала щедро ее финансировать, транши были нерегулярными. Когда же деньги заканчивались, Дж. Джонсону приходилось ехать в Джидду или Эр-Рияд, чтобы убеждать саудитов продолжать финансирование. Дело в том, что если местному ополчению нечем было платить, то возникал риск перехода племен на сторону республиканцев. Тогда лидеры роялистов обращались с проблемой к наемникам, которым приходилось срочно сообщать в Аден, а оттуда в Лондон о необходимости новых траншей. Перебои с финансированием были вызваны тем, что в Эр-Рияде опасались ответных действий Каира, который уже проводил воздушные маневры в районе Джидды, а также заявил через египетского посла о том, чтобы Саудовская Аравия прекратила помогать роялистам [Dorril, 2002: 693].

29 октября 1964 г. в Судане в г. Эрквите состоялась встреча представителей армии монарха и республиканцев под председательством Саудовской Аравии. В результате была достигнута договоренность о прекращении боевых действий и «созыве Общейеменской конференции по выработке принципов будущего устройства страны» [Герасимов, 1979: 129]. Уже в начале ноября глава республиканского правительства ЙАР Абдалла ас-Саляль, следуя соглашениям, достигнутым в Эрквите, объявил о прекращении боевых действий [Герасимов, 1979: 129]. На этом, однако, война не закончилась, более того, в декабре в Северном Йемене начался правительственный кризис. Тем не менее в январе 1965 г. Йордания признала ЙАР.

В августе 1965 г. Г.А. Насер и Фейсал договорились в Джидде провести до конца ноября 1966 г. в ЙАР плебисцит относительно будущего государственного устройства республики. Они также согласовали вопрос о выводе египетских войск с территории

ЙАР [Герасимов, 1979: 134]. Все это время наемники оставались в Йемене, но теперь, исходя из новых реалий, изменили тактику и стали осуществлять медицинскую помощь и налаживать коммуникации. Однако в конце 1965 г. Г.А. Насер нарушил договоренности и продолжил военные действия в Йемене, введя дополнительный шеститысячный контингент в Ходейду [Orkaby, 2014: 224]. После августовской конференции египетский лидер отправился Москву за военной поддержкой. В результате он получил две партии военного груза, включая 50 000 автоматов, а также 20 истребителей МиГ-21. Кроме того, СССР списал Египту долг в 400 млн долл. [Orkaby, 2014: 224].

Спустя 4,5 года после начала вооруженного противостояния в Северном Йемене находились, по разным оценкам, от 60 до 70–75 тыс. египетских солдат [Dorri1, 2002: 696; Kinsey, 2007a: 90; Thiel, 2015: 100]. Данные ЦРУ свидетельствовали о том, что даже в мае 1966 г. Г.А. Насер не был готов признать военное поражение [Orkaby, 2014: 242].

В период с 1965 по 1967 г. представители Каира и Эр-Рияда неоднократно встречались, но в действительности вывод египетских войск с территории Йемена произошел лишь в 1967 г. «Лишившись египетской поддержки, ас-Салляль быстро утратил позиции и 5 ноября 1967 г. покинул страну» [История Востока, 1995: 260]. Египет к моменту вывода войск потерял около 20 000 солдат убитыми, британцы же за весь период участия в конфликте лишились только троих своих командиров-наемников⁶. Количество жертв гражданской войны среди йеменского населения достигло 200 000 человек, однако потери среди роялистов, по некоторым данным, составили лишь около 5000 человек⁷ [Orkaby, 2014: 12].

Когда в начале 1966 г. стало ясно, что военные действия продолжаются, а переговорный процесс затягивается, британское правительство официально объявило о своих планах уйти из Адена [Dorri1, 2002: 696]. За этим заявлением последовал доклад советника по Ближнему Востоку Тима Милна на конференции руководителей региональных направлений разведки Великобритании. В докладе указывалось на активное применение Лондоном мер подрывного характера: подкупа, тайного финансирования, слежки, перехватов телефонных переговоров, бомб, встроенных в пищевые предметы, и т.д. По словам Т. Милна, на Ближнем Востоке MI-6 использовала местные спецслужбы для раннего

⁶ Ibidem.

⁷ Ibidem.

выявления угроз действующим режимам и требовала от своих ставленников их нейтрализации. Данная информация служит дополнительным подтверждением планов Великобритании, которые содержались в секретных документах, проданных П. Алленом Каиру [Dorril, 2002: 696].

Несмотря на озвученные британцами планы ухода из Адена, наемническая операция в Северном Йемене продолжалась, хотя и не так активно, как на начальном этапе. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в 1966 г. Дж. Джонсон подал докладную записку в правительства Великобритании и Саудовской Аравии, в которой посетовал на отсутствие заинтересованности правительства Ее Величества и МИ-6 в том, что делают наемники, а также отметил совершенное равнодушие к происходящему и со стороны Эр-Рияда. В этих обстоятельствах Дж. Джонсон предложил три варианта: вывести группу наемников, изменить операцию по сопротивлению на операцию по сбору разведанных или ничего не предпринимать, ожидая, что силы наемников еще будут использованы должным образом⁸.

Возможно, в связи с началом переговорного процесса между основными участниками кризиса в Йемене присутствие наемников постепенно теряло актуальность. Планы Саудовской Аравии и Великобритании по восстановлению роялистов в их прежних позициях изменились в свете проводимых конференций с участием как представителей монархии, так и республиканцев. В 1966 г. Саудовская Аравия заключила крупные военные контракты с США и Великобританией. Покупка вооружений, воздушных средств, а также участие британских офицеров в военном обучении и подготовке саудитов позволили Эр-Рияду почувствовать уверенность в своих силах перед лицом такого регионального соперника, как Египет [Orkaby, 2014: 220].

22 ноября 1967 г. в Женеве начались переговоры Великобритании с делегацией НФ о передаче ему власти в Южном Йемене. В ноябре Великобритания официально вывела свои войска из Адена, лишившись крупнейшей военной базы на Ближнем Востоке и признав тем самым неизбежность процессов деколонизации. Однако война в Северном Йемене с окончательным уходом египетских войск в конце 1967 г. и завершением британского присутствия на юге не закончилась. Роялисты снова безуспешно

⁸Colonel Jim Johnson // The Telegraph. 13.08.2008. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/obituaries/2553726/Colonel-Jim-Johnson.html> (accessed: 20.02.2019).

попытались вернуть себе позиции. Лишь в марте 1970 г. удалось окончательно договориться по вопросу о прекращении гражданской войны в Йемене.

* * *

В 1960-е годы Великобритания переживала непростые времена. Метрополии угрожали национально-освободительные движения как внутри собственных колоний и протекторатов, так и в зависимых территориях других стран. На рынки бывших британских колоний начали выходить разные акторы, хлынул новый капитал. Помимо экономических соперников (США) серьезную конкуренцию Великобритании составили идеологические противники (СССР и поддерживаемые им режимы в освободившихся от зависимости странах). Утрата Лондоном позиций в колониях и протекторатах на волне национально-освободительного движения сопровождалась сокращением инструментов влияния распадавшейся империи.

В этих условиях, когда в Северном Йемене развернулось широкое революционное антимонархическое движение, угрожавшее спровоцировать обострение национально-освободительной борьбы на подконтрольных Великобритании территориях, в Лондоне было принято решение провести силами наемников негласную операцию по восстановлению свергнутой монархии. Во многом это было связано с Суэцким кризисом, который разразился несколькими годами ранее и поставил под угрозу британскую ближневосточную политику. С одной стороны, сама возможность неофициального использования наемных сил для реализации собственных интересов пополняла инструментарий секретной внешней политики Великобритании, с другой — Лондон не мог открыто объявить войну усиливавшемуся Египту в связи с национализацией Суэцкого канала. Операция была призвана защитить стратегические интересы Великобритании в Адене, который к тому моменту оставался единственной британской военной базой на Ближнем Востоке, и не позволить другим региональным и внерегиональным игрокам укрепиться на Аравийском полуострове.

В отличие от британских тайных операций прошлого, йеменские события особо выделялись не только масштабами и широким кругом участников, но и тем, что впервые в послевоенной истории Великобритании кампания была полностью реализована силами наемников.

Несмотря на то что секретная операция в Северном Йемене не позволила Лондону сохранить свои позиции в регионе и в конечном счете привела к потере стратегически важного порта Аден, правительство Великобритании не только не отказалось от того, чтобы использовать впредь неофициальные военные силы, но и пришло к выводу о необходимости более активно задействовать коммерческие организации для выполнения секретных операций, выходящих за рамки официального списка международных политических интересов Соединенного Королевства [Kinsey, 2007b: 589]. В настоящее время в МИД Великобритании существует целый список частных военных компаний (ЧВК), способных осуществлять подготовку вооруженных сил любого уровня сложности: от контртеррористического реагирования до общей военной подготовки. Если в обучении военных тех или иных стран правительство увидит слишком высокие репутационные риски для Великобритании, чтобы делать это официально, то МИД может делегировать выполнение такого задания любой компетентной ЧВК из этого списка [Kinsey, 2007b: 612].

Стоит отметить, что стратегия привлечения наемников для реализации секретных операций применялась также США и Бельгией во время Конголезского кризиса 1960–1965 гг., который развивался одновременно с событиями в Йемене. Однако именно наемническая операция Великобритании привела к появлению усовершенствованной формы политического противостояния мировых держав, позволившей реализовывать свои интересы, не привлекая военно-политический ресурс и открыто не вмешиваясь во внутреннюю политику других стран. Это же проложило дорогу и новым направлениям в военно-охранной сфере: обучению, подготовке, тренировке вооруженных сил на корпоративной основе и другим подобным мерам. В дальнейшем практика использования отрядов специального назначения в зонах конфликтов продолжала развиваться, совершенствуясь и приобретая новые формы.

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что рассмотренная операция может служить своеобразной точкой отсчета в истории современного наемничества. В результате йеменских событий в 1967 г. Д. Стирлинг зарегистрировал на территории Нормандских островов первую в мире британскую ЧВК «Watchguard International» [Kinsey, 2007a: 90]. Сначала компания работала в странах Ближнего Востока, но постепенно расширяла географию, стремясь выйти на рынок Африки. Все операции «Watchguard International» проводила при обязательном согласовании с госу-

дарством. Изначально, когда между Д. Стирлингом и высшими должностными лицами Великобритании шли консультации о возможности создания такой ЧВК, правительство стремилось исключить задействование наемников напрямую. Предполагалось, что «Watchguard International» будет осуществлять следующие услуги: военная разведка и консультирование; личная охрана и защита глав государств, дружественных Великобритании; подготовка сил специального назначения.

Д. Стирлинг понимал, что коммерческая деятельность его компании не может вступать в противоречие с государственными интересами Великобритании. Кроме того, декларировалось, что своими действиями «Watchguard International» не должна оказывать политическое влияние на ситуацию в государстве пребывания, оставаясь в стороне от политики. Ресурсы компании не могли быть задействованы для насильственного свержения законного правительства. Впрочем, в последующие годы ЧВК не раз отходила от декларированных принципов, чем существенно подпортила свою репутацию⁹.

В частном интервью от 1979 г. Д. Стирлинг подтвердил, что государство одобрило создание и работу «Watchguard International»: «Правительство нуждалось в надежной организации, которая при этом не ассоциировалась бы с ним. Оно хотело располагать силами телохранителей для охраны тех глав государств, которые представляли собой ценность для британской политики» [Kinsey, 2007b: 589].

На первых этапах существования частного военного бизнеса спектр услуг, которые такие компании могли бы оказывать, не был широким и в целом совпадал со списком, декларированным в свое время «Watchguard International». Однако усложнение международной среды и трансформация конфликтов в сторону малых и нетрадиционных войн послужили диверсификации частной военно-силовой деятельности. Сегодня ЧВК представляется весьма многогранным, гибким и неоднородным явлением системы международных отношений. В качестве нового актора такие компании способны сотрудничать как с государством, так и с бизнесом, а также с неправительственными организациями и частными лицами. Среда, в которой действуют ЧВК, охватывает весь мир, а спектр их услуг включает практически всё: от стати-

⁹ MI-6 Verses Gaddafi. Mideast News // Ocnus.Net. 01.10.1998. Available at: http://www.ocnus.net/artman2/publish/Research_11/MI6-Verses-Gaddafi_printer.shtml (accessed: 20.02.2019).

ческий охраны, сопровождения грузов и людей в конфликтных регионах до участия в миротворческих миссиях, авиаперевозок грузов и военного персонала на собственных самолетах, анализа разведанных, а также подготовки вооруженных сил безопасности и обучения высокопоставленных официальных лиц различных государств и даже допросов арестованных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айдарбеков Ч.А. Правовой статус наемника: проблемы законодательного регулирования // Управленческое консультирование. 2016. № 4. С. 48–60.
2. Аль-Джабери А.М. Формирование политических партий в Йемене // Динамика политических систем и международных отношений. Вып. 1. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. С. 234–244.
3. Астафьев Ю.Н. Наемничество — преступное орудие колониалистской политики // Советское государство и право. 1978. № 11. С. 113–117.
4. Блищенко И.П., Жданов Н.В. Наемничество — международное преступление // Советский ежегодник международного права. М.: Наука, 1980. С. 146–160.
5. Валькова Л.В., Котлов Л.Н. Южный Йемен. М.: Мысль, 1973.
6. Вейнер Т. ЦРУ. Правдивая история. М.: Центрполиграф, 2013.
7. Волеводз А.Г. О международных инициативах в сфере правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 1. С. 12–17.
8. Волеводз А.Г. Проблемы, принципы и перспективы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 3 (12). С. 78–88.
9. Воробьев В.П. Политическая и государственная система Народной Демократической Республики Йемен. М.: Наука, 1978.
10. Герасимов О.Г. Йеменская революция. 1962–1975. М.: Наука, 1979.
11. Герасимов О.Г. Йеменские документы. М.: Наука, 1987.
12. Глазунова Е.Н. К вопросу о соотношении внутренних и внешних факторов в государственном перевороте в Иране 1953 г. // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 3. С. 169–207.
13. Голубовская Е.К. Политическое развитие Йеменской Арабской Республики, 1962–1985 гг. М.: Наука, 1989.
14. Дериглазова Л. К вопросу об эволюции феномена партизанской войны // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 4. С. 95–103.
15. Иванов Е., Соколов Г. Голый шпион. Русская версия. Воспоминания агента ГРУ. М.: Кучково поле, 2009.
16. Изъянов А.Д. Наемничество по международному и российскому уголовному праву / Отв. ред. А.А. Ашин. Калуга: Политоп, 2008.
17. Исаев В.А., Филоник А.О. Султанат Оман (очерк общественно-политического и социально-экономического развития). М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, Институт востоковедения РАН, 2001.

18. История Востока: В 6 т. Т. 6. Восток в новейший период (1945–2000 гг.) / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин. М.: Вост. лит., 1995.
19. Короткий Ф.В. Наемничество: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: Уральская юридическая государственная академия, 2009.
20. Лавренов С., Попов И. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: АСТ; Астрель, 2003.
21. Наумкин В.В. Национальный фронт в борьбе за независимость Южного Йемена и национальную демократию (1963–1969). М.: Наука, 1980.
22. Небольсина М.А. Теоретические подходы к пониманию явления частных военных и охранных компаний // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 8. С. 24–36. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-8-24-36.
23. Осипов К.Л. Ответственность за наемничество по российскому уголовному законодательству: Дисс. ... канд. юрид. наук. Кисловодск: Северо-Осетинский государственный университет им. К. Хетагурова, 2003.
24. Пархоменко С.В., Литвинцев А.А. Понятие «наемник» в международном и российском уголовном законодательстве: сравнительно-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. 2017. № 3. С. 60–65.
25. Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке (1945–1966) / Отв. ред. Г.Л. Бондаревский. М.: Наука, 1966.
26. Полтораки А. Наемничество под судом // Международная жизнь. 1976. № 9. С. 114–120.
27. Примаков Е.М. Страны Аравии и колониализм. М.: Госполитиздат, 1956.
28. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). М.: ИИК «Российская газета», 2006.
29. Россия (СССР) в войнах второй половины XX века. М.: Триадфарм, 2002.
30. Румянцев В.П. Политика США и Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке в 1957–1964 гг.: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Томск: Томский государственный университет, 2011.
31. Селезнев А.А. Ответственность за наемничество по французскому уголовному законодательству // Вестник РГГУ. 2014. № 15 (137). С. 123–131.
32. Уолтон К. Британская разведка во времена холодной войны. Секретные операции MI-5 и MI-6. М.: Центрполиграф, 2016.
33. Уразов А.М. Англо-американские отношения в зоне Персидского залива и стран Аравийского полуострова в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Проблема сотрудничества и конкуренции: Дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011.
34. Шандиева Н.О. Наемничество по международному и национальному уголовному праву: Дисс. ... канд. юрид. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004.
35. Armstrong S. War PLC: The rise of the new corporate mercenary. London: Faber & Faber Limited, 2009.
36. Baker P.S. Mercenaries and the Congo crisis // Saber & Scroll Journal. 2013. Vol. II. Iss. I. P. 88–103.

37. Baxter P. Biafra: The Nigerian civil war 1967–1970. West Midlands, Pinetown: Helion & Co., 2015.
38. Chase S., Pezzullo R. Zero footprint: The true story of a private military contractor's covert assignments in Syria, Libya, and the world's most dangerous places. New York: Mulholland Books, 2017.
39. Clarke S.J.G. The Congo mercenary. A history and analysis. Johannesburg: The South African Institute of International Affairs, 1968.
40. Curtis M. The covert war in Yemen — 1962-70. British foreign policy declassified. 2007. Available at: <http://markcurtis.info/2007/02/13/the-covert-war-in-yemen-1962-70/> (accessed: 09.12.2019).
41. Curtis M. Secret affairs: Britain's collusion with radical Islam. London: Serpent's Tail, 2010.
42. Curtis M. Web of deceit: Britain's real role in the world. London: Vintage, 2003.
43. Dorril S. MI6: Inside the covert world of Her Majesty's Secret Intelligence Service. New York: Simon & Schuster, 2002.
44. Gjeijeses P. 'Flee! The white giants are coming!': The United States, mercenaries and the Congo 1964–1965 // *Empire and revolution. The United States and the Third World since 1945* / Ed. by P.L. Hahn, M.-A. Heiss. Columbus: Ohio State University Press, 2001. P. 71–93.
45. Gumedze S. Elimination of mercenarism in Africa: A need for a new continental approach. Pretoria: Institute for Security Studies, 2008.
46. Halliday F. Mercenaries: Counter-insurgency in the Gulf. Nottingham: Bertrand Russell peace foundation, 1977.
47. Halliday F. Revolution and world politics: The rise and fall of the sixth great power. Durham: Duke University Press, 1999.
48. Hart-Davis D. The war that never was. The true story of the men who fought Britain's most secret battle. London: Century Random House, 2011.
49. Hoare M. Congo mercenary. London: Robert Hale, 1967.
50. Hudson A. Congo unravelled: Military operations from independence to the mercenary revolt 1960–1968. West Midlands, Pinetown: Helion & Co., 2012.
51. Intelligence, crises and security: Prospects and retrospects / Ed. by L. Scott, G.R. Hughes. Oxford, New York: Routledge, 2007.
52. Isenberg D. Soldiers of fortune Ltd.: A profile of today's private sector corporate mercenary firms. Washington, D.C.: Center for Defense Information Monograph, 1997.
53. Kinsey C. Private security companies: Agents of democracy or simply mercenaries? // *Private military and security companies: Chances, problems, pitfalls and prospects* / Ed. by T. Jäger, G. Kümmel. Wiesbaden: Vs Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. P. 87–104.
54. Kinsey C. Problematising the role of private security companies in small wars // *Small Wars and Insurgencies*. 2007. Vol. 18. No. 4. P. 584–614.
55. Kjelstrup C. NATO and private military contractors. Different approaches, and challenges to internal cohesion and solidarity. Master Thesis. Oslo: University of Oslo. Department of Political Science. 2011. Available at: https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/13142/Kjelstrupx2011x_Master.pdf?sequence=1 (accessed: 09.02.2019).
56. McNamara R. Britain, Nasser and the balance of power in the Middle East 1952–1967: From the Egyptian revolution to the Six Day war. Taylor & Francis

e-Library, 2005. Available at: <https://archive.org/details/RobertMcNamaraBritainNasserAndTheBalanceOfPowerInTheMiddleEast19521967FromTheEyg> (accessed: 09.02.2019).

57. Mockler A. The new mercenaries. London: Sidgwick & Jackson Ltd., 1985.
58. O'Brien K.A. PMCs, myths and mercenaries: The debate on private military companies // Royal United Service Institute Journal. 2000. Vol. 145. No. 1. P. 59–64.
59. Orkaby A.A. The international history of the Yemen Civil War, 1962–1968. Doctoral dissertation. Harvard: Harvard University Press, 2014.
60. Othen C. Katanga 1960–1963: Mercenaries, spies and the African nation that waged war on the world. Stroud: The History Press Ltd., 2015.
61. Puren J. Mercenary commander. Alberton: Galago, 1986.
62. Risse Scott S. Imperial Muslims: Islam, community and authority in the Indian Ocean, 1839–1937. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018.
63. Singer P.W. Can't win with 'em, can't go to war without 'em: Private military contractors and counterinsurgency. Foreign Policy in Brookings. Policy Paper. 2007. № 4.
64. Singer P.W. Corporate warriors: The rise of the privatized military industry. New York: Cornell University Press, 2003.
65. Steiner R. The last adventurer. Boston: Little, Brown, 1978.
66. Thiel T. Citizen revolt for a modern state: Yemen's revolutionary moment, collective memory and conscientious politics sur la longue durée. PhD thesis. London: The London School of Economics and Political Science, 2015.
67. West N. Historical dictionary of British intelligence. 2nd ed. Lanham: Scarecrow Press, 2014.

M.A. Nebolsina

**FROM THE HISTORY OF CORPORATE MERCENARISM:
BRITISH CLANDESTINE OPERATION
IN THE NORTH YEMEN IN 1960s**

*Moscow State Institute of International Relations (University)
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454*

The situation in Yemen in the 1960s went far beyond an ordinary public upheaval and internal crisis. The turmoil caused by the political regime change affected the interests of numerous foreign stakeholders, in particular, of Great Britain. The response of the British government to a new threat to its strategic interests in the region took form of a mercenary operation. An unofficial use of mercenaries for clandestine operations was not an extraordinary measure in the modern world history. However, the British operation in Yemen stands out in that regard as it was for the first time since the end of the World War II that such mission was carried out by mercenaries alone. It is therefore not surprising that this operation has played a crucial role in the development of corporate mercenarism in general.

The first section examines the causes and triggers of Great Britain's intervention in the North Yemen Civil War in both global and regional

contexts. The second section covers the initial stage of the mercenary operation: its priorities and objectives, funding mechanisms, the main forms and the role of mercenaries' assistance to the Royalist forces. The author also emphasizes the role of regional actors, involved in the conflict on both sides: that of the Republican government (Egypt) and that of the former royal regime (Saudi Arabia, Israel). Finally, the third section examines the mercenary activities in the final stages of the North Yemen Civil War, particularly difficulties they faced as the British and the Saudi governments began to lose interest in supporting the Royalists. In conclusion the author assesses the influence of this operation on the development of corporate mercenarism.

Keywords: Yemen, the United Kingdom, Egypt, Israel, the USA, Saudi Arabia, the USSR, the UN, mercenaries, covert operations, private security companies.

About the author: *Mariya A. Nebolsina* — PhD (Political Science), Research Fellow at the Center for Euro-Atlantic Security of International Studies Institute, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) (e-mail: nebolsinama@gmail.com).

REFERENCES

1. Aidarbekov Ch.A. 2016. Pravovoi status naemnika: problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya [The legal status of the mercenary: Problems of legislative regulation]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 4, pp. 48–60. (In Russ.)
2. AP-Dzhaberi A.M. 2006. Formirovanie politicheskikh partii v Iemene [Establishment of political parties in Yemen]. *Dinamika politicheskikh sistem i mezhdunarodnykh otnoshenii* [Dynamics of political systems and international relations]. Iss. 1. Kazan', pp. 234–244. (In Russ.)
3. Astaf'ev Yu.N. 1978. Naemnichestvo — prestupnoe orudie kolonialistskoi politiki [Mercenarism — a criminal instrument of colonial policy]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 11, pp. 113–117. (In Russ.)
4. Blishchenko I.P., Zhdanov N.V. 1980. Naemnichestvo — mezhdunarodnoe prestuplenie [Mercenarism as an international crime]. *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava*. Moscow, Nauka Publ., pp. 146–160. (In Russ.)
5. Val'kova L.V., Kotlov L.N. 1973. *Yuzhnyi Iemen* [South Yemen]. Moscow, Mysl' Publ. (In Russ.)
6. Weiner T. 2011. *Legacy of ashes: The history of the CIA*. London, Penguin [Russ. ed.: Veiner T. 2013. *TsRU. Pravdivaya istoriya*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ.].
7. Volevodz A.G. 2009. O mezhdunarodnykh initsiativakh v sfere pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti chastnykh voennykh i okhrannykh kompanii [On the international initiatives regarding legal regulation of private military and security companies]. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*, no. 1, pp. 12–17. (In Russ.)
8. Volevodz A.G. 2010. Problemy, printsipy i perspektivy mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti chastnykh voennykh i okhrannykh predpriyatii

[Issues, principles and perspectives of international regulation of private military and security organizations]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 3 (12), pp. 78–88. (In Russ.)

9. Vorob'ev V.P. 1978. *Politicheskaya i gosudarstvennaya sistema Narodnoi Demokraticheskoi Respubliki Iemen* [Political and state system of the People's Democratic Republic of Yemen]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

10. Gerasimov O.G. 1979. *Iemenskaya revolyutsiya. 1962–1975* [Yemen revolution. 1962–1975]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

11. Gerasimov O.G. 1987. *Iemenskie dokumenty* [Yemeni documents]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

12. Glazunova E.N. 2015. K voprosu o sootnoshenii vnutrennikh i vneshnikh faktorov v gosudarstvennom perevorote v Irane 1953 g. [On the balance of internal and external factors in the 1953 Iranian coup d'état]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 3, pp. 169–207. (In Russ.)

13. Golubovskaya E.K. 1989. *Politicheskoe razvitiye Iemenskoi Arabskoi Respubliki, 1962–1985 gg.* [Political development of Yemen Arab Republic, 1962–1985]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

14. Deriglazova L. 2009. K voprosu ob evolyutsii fenomena partizanskoi voiny [On the evolution of the guerilla warfare]. *World Economy and International Relations*, no. 4, pp. 95–103. (In Russ.)

15. Ivanov E., Sokolov G. 2009. *Golyi shpion. Russkaya versiya. Vospominaniya agenta GRU* [Naked spy. Russian version. Memories of GRU agent]. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (In Russ.)

16. Iz'yanov A.D. 2008. *Naemnichestvo po mezhdunarodnomu i rossiiskomu ugovnomu pravu* [Mercenarism in international and Russian criminal law]. Kaluga, Politop Publ. (In Russ.)

17. Isaev V.A., Filonik A.O. 2001. *Sultanat Oman (oчерk obshchestvenno-politicheskogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya)* [The Sultanate of Oman (An essay on social-political and social-economic development)]. Moscow, IV RAN Publ. (In Russ.)

18. Belokrenitskii V.Ya., Naumkin V.V. (eds.). 1995. *Istoriya Vostoka: V 6 tomakh* [Oriental history in six volumes]. Moscow, Vost. lit. Publ. (In Russ.)

19. Korotkii F.V. 2009. *Naemnichestvo: ugovolno-pravovyye i kriminologicheskie aspekty* [Mercenarism: Penal, legal and criminal aspects]. PhD Thesis. Ekaterinburg. (In Russ.)

20. Lavrenov S., Popov I. 2003. *Sovetskii Soyuz v lokal'nykh voinakh i konfliktakh* [The Soviet Union in local wars and conflicts]. Moscow, AST Publ. (In Russ.)

21. Naumkin V.V. 1980. *Natsional'nyi front v bor'be za nezavisimost' Yuzhnogo Iemena i natsional'nuyu demokratiyu (1963–1969)* [National front and the struggle for independence and national democracy in South Yemen (1963–1969)]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

22. Nebol'sina M.A. 2017. Teoreticheskie podkhody k ponimaniyu yavleniya chastnykh voennykh i okhrannykh kompanii [Theoretical approach to understanding the nature of private military and security companies]. *World Economy and International Relations*, vol. 61, no. 8, pp. 24–36. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-8-24-36. (In Russ.)

23. Osipov K.L. 2003. *Otvetstvennost' za naemnichestvo po rossiiskomu ugovnomu zakonodatel'stvu* [Penalization of mercenarism in the Russian criminal law]. PhD Thesis. Kislovodsk. (In Russ.)

24. Parkhomenko S.V., Litvintsev A.A. 2017. Ponyatie 'naemnik' v mezhdunarodnom i rossiiskom ugovnom zakonodatel'stve: sravnitel'no-pravovoi aspekt

[Concept of 'mercenary' in Russian and international criminal law: Comparative law aspect]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik*, no. 3, pp. 60–65. (In Russ.)

25. Bondarevskii G.L. (ed.). 1966. *Politika Anglii na Blizhnem i Srednem Vostoke (1945–1966)* [British policy in the Near and Middle East (1945–1966)]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

26. Poltorak A. 1976. Naemnichestvo pod sudom [Mercenarism on trial]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 9, pp. 114–120. (In Russ.)

27. Primakov E.M. 1956. *Strany Aravii i kolonializm* [Arabian countries and colonialism]. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russ.)

28. Primakov E.M. 2006. *Konfidentsial'no: Blizhnii Vostok na stsene i za kulisami (vtoraya polovina XX — nachalo XXI veka)* [Classified: The Middle East on the stage and behind the curtains (second half of the XX — beginning of the XXI century)]. Moscow, Rossiiskaya gazeta Publ. (In Russ.)

29. *Rossiia (SSSR) v voynakh vtoroi poloviny XX veka*. 2002 [Russia (USSR) in wars in the second half of the XX century]. Moscow, Triada-farm Publ. (In Russ.)

30. Rummyantsev V.P. 2011. *Politika SShA i Velikobritanii na Blizhnem i Srednem Vostoke v 1957–1964 gg.* [The policy of the US and Great Britain in the Near and Middle East in 1957–1964]. PhD Thesis. Tomsk. (In Russ.)

31. Seleznev A.A. 2014. Otvetstvennost' za naemnichestvo po frantsuzskomu ugovornomu zakonodatel'stvu [Responsibility for mercenarism under French criminal law]. *Vestnik RGGU*, no. 15 (137), pp. 123–131. (In Russ.)

32. Walton C. 2014. *Empire of secrets: British intelligence in the Cold War and the twilight of empire*. New York, Overlook Press [Russ. ed.: Uolton K. 2016. *Britanskaya razvedka vo vremena kholodnoi voyny. Sekretnye operatsii MI-5 i MI-6*. Moscow, Tsentrpoligraf].

33. Urazov A.M. 2011. *Anglo-amerikanskii otnosheniya v zone Persidskogo zaliva i stran Aravitskogo poluostrova v kontse 1950-h nachale 1960-h gg. Problema sotrudnichestva i konkurencii* [Anglo-American relations in the Persian Gulf region and the Arabian Peninsula at the end of 1950s — beginning of 1960s. Cooperation and competition]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

34. Shandieva N.O. 2004. *Naemnichestvo po mezhdunarodnomu i nacional'nomu ugovornomu pravu* [Mercenarism in international and national criminal law]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

35. Armstrong S. 2009 *War PLC: The rise of the new corporate mercenary*. London, Faber & Faber Limited.

36. Baker P.S. 2013. Mercenaries and the Congo crisis. *Saber & Scroll Journal*, vol. II, iss. I, pp. 88–103. Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/21520844.2014.930712> (accessed: 04.04.2018).

37. Baxter P. 2015. *Biafra: The Nigerian civil war 1967–1970*. West Midlands, Pinetown, Helion & Co.

38. Chase S., Pezzullo R. 2017. *Zero footprint: The true story of a private military contractor's covert assignments in Syria, Libya, and the world's most dangerous places*. New York, Mulholland Books.

39. Clarke S.J.G. 1968. *The Congo mercenary. A history and analysis*. Johannesburg, The South African Institute of International Affairs.

40. Curtis M. 2007. *The covert war in Yemen — 1962–70. British foreign policy declassified*. Available at: <http://markcurtis.info/2007/02/13/the-covert-war-in-yemen-1962-70/> (accessed: 09.12.2019).

41. Curtis M. 2010. *Secret affairs: Britain's collusion with radical Islam*. London, Serpent's Tail.

42. Curtis M. 2003. *Web of deceit: Britain's real role in the world*. London, Vintage.
43. Dorril S. 2002. *MI6: Inside the covert world of Her Majesty's Secret Intelligence Service*. New York, Simon & Schuster.
44. Gjeijeses P. 2001. 'Flee! The white giants are coming!': The United States, mercenaries and the Congo 1964–1965. Empire and revolution. In Hahn P.L., Heiss M.-A. (eds.). *The United States and the Third World since 1945*. Columbus, Ohio State University Press, pp. 71–93.
45. Gumedze S. 2008. *Elimination of mercenarism in Africa: A need for a new continental approach*. Pretoria, Institute for Security Studies.
46. Halliday F. 1977. *Mercenaries: Counter-insurgency in the Gulf*. Nottingham, Bertrand Russell peace foundation.
47. Halliday F. 1999. *Revolution and world politics: The rise and fall of the sixth great power*. Durham, Duke University Press.
48. Hart-Davis D. 2011. *The war that never was*. London, Century Random House.
49. Hoare M. 1967. *Congo mercenary*. London, Robert Hale.
50. Hudson A. 2012. *Congo unravelled: Military operations from independence to the mercenary revolt 1960–1968*. West Midlands, Pinetown, Helion & Co.
51. Scott L., Hughes G.R. (eds.). 2007. *Intelligence, crises and security: Prospects and retrospects*. Oxford, New York, Routledge.
52. Isenberg D. 1997. *Soldiers of fortune Ltd.: A profile of today's private sector corporate mercenary firms*. Washington, D.C., Center for Defense Information Monograph.
53. Kinsey C. 2007a. Private security companies: Agents of democracy or simply mercenaries? In Jäger T., Kümmel G. (eds.). *Private military and security companies: Chances, problems, pitfalls and prospects*. Wiesbaden, Vs Verlag für Sozialwissenschaften, pp. 87–104.
54. Kinsey C. 2007b. Problematising the role of private security companies in small wars. *Small Wars and Insurgencies*, vol. 18, no. 4, pp. 584–614.
55. Kjelstrup C. 2011. *NATO and private military contractors. Different approaches, and challenges to internal cohesion and solidarity*. Master Thesis. Oslo, University of Oslo. Department of Political Science. Available at: https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/13142/Kjelstrupx2011x_Master.pdf?sequence=1 (accessed: 09.02.2019).
56. McNamara R. 2005. *Britain, Nasser and the balance of power in the Middle East 1952–1967: From the Egyptian revolution to the Six Day war*. Taylor & Francis e-Library. Available at: <https://archive.org/details/RobertMcNamaraBritain-NasserAndTheBalanceOfPowerInTheMiddleEast19521967FromTheEyg> (accessed: 09.02.2019).
57. Mockler A. 1985. *The new mercenaries*. London, Sidgwick & Jackson Ltd.
58. O'Brien K.A. 2000. PMCs, myths and mercenaries: The debate on private military companies. *Royal United Service Institute Journal*, vol. 145, no 1, pp. 59–64.
59. Orkaby A.A. 2014. *The international history of the Yemen civil war, 1962–1968*. Doctoral dissertation, Harvard, Harvard University Press.
60. Othen C. 2015. *Katanga 1960–1963: Mercenaries, spies and the African nation that waged war on the world*. Stroud, The History Press Ltd.
61. Puren J. 1986. *Mercenary commander*. Alberton, Galago.

62. Risse Scott S. 2018. *Imperial Muslims: Islam, community and authority in the Indian Ocean, 1839–1937*. Edinburgh, Edinburgh University Press.
63. Singer P.W. 2007. *Can't win with 'em, can't go to war without 'em: Private military contractors and counterinsurgency*. Foreign Policy in Brookings, Policy Paper, no. 4.
64. Singer P.W. 2003. *Corporate warriors: The rise of the privatized military industry*. New York, Cornell University Press.
65. Steiner R. 1978. *The last adventurer*. Boston, Little, Brown.
66. Thiel T. 2015. *Citizen revolt for a modern state: Yemen's revolutionary moment, collective memory and conscientious politics sur la longue durée*. PhD Thesis. The London School of Economics and Political Science.
67. West N. 2014. *Historical dictionary of British intelligence*. 2nd ed. Lanham, Scarecrow Press.

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Т.В. Скорospelова*

ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ФЕНОМЕНА ВОЙНЫ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Гендерные исследования, появившиеся в теории международных отношений еще в годы «холодной войны», окончательно оформились в качестве полноправного научного направления уже в 1990-е годы. С самого начала в центре внимания подобных исследований оказались ключевые для всей теории международных отношений концепции и понятия, такие как «государство», «власть», «безопасность», «война». Именно на вкладе гендерных исследований в изучение проблематики войны в современных условиях и сделан акцент в данной статье. В первой части рассмотрены взгляды исследователей на традиционные гендерные роли, приписываемые женщинам в условиях военных действий: образы женщины-матери и хранительницы очага, женщины-жертвы. Показано, что за ними кроется более широкий комплекс проблем, связанный с индоктринацией определенных властных отношений в обществе в целом. Во второй части статьи автор обращается к проблеме восприятия в академическом и медийном дискурсе новых гендерных ролей, в рамках которых формируются образы женщины-солдата и воина, а также женщины-террористки. В этой связи автор обращает внимание на своеобразный парадокс: если на практике, в ходе меж- и внутригосударственных военных действий, объективно происходит стремительное закрепление за женщинами новых гендерных ролей в том, что касается войны, то в теории и массовом сознании продолжают доминировать традиционные гендерные стереотипы. В этой связи автор заключает, что именно вопросы безопасности и войны и в дальнейшем будут играть определяющую роль в развитии гендерных исследований в теории международных отношений, и обозначает несколько наиболее перспективных направлений в этой области.

Ключевые слова: теория международных отношений, гендер, гендерные исследования, феминизм, гендерные стереотипы, война, безопасность, фемининность, маскулинность.

* Скорospelова Татьяна Владимировна — доктор исторических наук, доцент факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tvs@fmp.msu.ru).

Гендерное измерение исследований безопасности: к постановке проблемы

Серьезные перемены в международном положении России, наблюдаемые в настоящий момент, а также общая повышенная напряженность современной глобальной обстановки требуют обновленных подходов к международной проблематике. Подобную возможность может предоставить взгляд на нее сквозь призму гендерной проблематики в исследованиях феномена войны.

В отечественном научном дискурсе по проблемам международных отношений гендерная проблематика¹ начала активно формироваться в период окончания «холодной войны». Тема получила освещение в учебниках по международным отношениям [Торкунов, Мальгин, 2012; Цыганков, 2016], в вузовских спецкурсах и ряде содержательных исследовательских статей [Виноградова, Панцеров, 2016; Виноградова, 2010].

Такое относительно позднее появление гендерной проблематики отчасти было связано с господствовавшим представлением о нейтральности науки о международных отношениях к проблемам пола, а отчасти с тем, что истоки дискриминации, по мнению исследователей, феминисты обнаруживали главным образом во внутренней политике, оставаясь безразличными к международной сфере [Тикнер, 2006; Сергунин, 2003].

Представителей феминистского направления, утвердившегося в рамках международно-политических исследований, интересовали роль женщин, формы их притеснения и эксплуатации в современной мировой политике и, что особенно важно, взаимосвязь гендера и существующих концепций международных отношений.

Кульминационной точкой оформления гендерного направления, оказавшего влияние на понятия, теории и концепции мировой политики, стал, по мнению американских исследователей, 1988 год, когда вышел в свет специальный выпуск журнала «Милениум» — «Женщины и международные отношения». Э. Тикнер, критикуя в этом выпуске политический реализм Г. Моргентхау, отметила, что «международные отношения — это мир мужчин, мир власти и конфликта, в котором состояние войны является предпочтительным» [Tickner, 1988: 429].

¹ Понятия «гендерные исследования» и «феминистские исследования» не являются синонимичными. Феминисты используют категорию «гендер» в качестве инструмента анализа. Однако в данной статье мы используем эти понятия как взаимозаменяемые.

«Миллениум» появился в контексте общей потребности зарубежной науки в новых подходах к изучению мировой политики. В период «холодной войны» в сфере международных отношений господствовала парадигма политического реализма, концентрирующаяся на вопросах национальной безопасности в рамках противостояния двух сверхдержав — СССР и США — и поддерживавших их военно-политических блоков. Распад биполярной системы спровоцировал в 1980-е годы кризис традиционных подходов в теории международных отношений и положил начало новому «большому спору» — о месте государства в мировой политике [Keohane, 1989; Sylvester, 1994; Тикнер, 2006], в контексте которого значительное влияние приобрели так называемые критические международные теории. Одна из них, заявившая о перспективах собственных исследований вопросов безопасности, войны и мира, родилась в контексте феминистского направления [Tickner, 1988; Enloe, 2000; Sjoberg, 2010a]. Произошла своего рода «экспансия» гендерного измерения в исследования международных отношений и мировой политики в целом.

Доминантой феминистских исследований в сфере международных отношений оказалась их центральная проблема — безопасность [Elshtain, 1987; Enloe, 2000; Wilcox, 2010]. Как отметил американский политолог Р. Кеохейн, феминистские исследователи готовы начать продуктивную дискуссию с участием специалистов по международным отношениям, сторонников феминизма и других людей, которые обеспокоены безопасностью в самом широком смысле этого слова [Keohane, 1989]. С такой точки зрения угрозы безопасности включают не только войну и международное насилие, но и внутригосударственные беспорядки, изнасилования, бедность, нищету, гендерную дискриминацию и экологические разрушения [Tickner, 1992]. Феминистские исследователи расширили не только понятие о безопасности, но и представления о круге акторов, к которым концепция безопасности применяется: феминисты анализируют индивидуальную безопасность, безопасность отдельных групп населения, а также безопасность государств и международных организаций. По мнению представителей этого подхода, «то, что затрагивает личность, затрагивает мировое сообщество, и наоборот: все международное носит личностный характер» [цит. по: Sjoberg, 2010a: 5].

Например, как утверждает Э. Тикнер, «безопасность нужно понимать не только как защиту страны от нападения», поскольку понятие «безопасность» для женщины может трактоваться иначе

и включать также защиту от агрессии со стороны собственных сограждан [Encyclopedia of feminist theories, 2002: 273].

Выступая за эмансипацию женщин, феминисты предлагают рассматривать связь между безопасностью индивидов, групп людей и насилием как в структурном, так и в физическом смысле на всех уровнях. В отличие от представителей других «критических теорий», феминисты считают гендер ключевым элементом «анализа снизу вверх», а гендерное неравенство — негативным фактором, влияющим на безопасность индивидов и групп и определяющим доминирование мужского начала в политике государства [Тикнер, 2006: 120–122; Митрофанова, 2001].

Одной из самых актуальных тем в исследовании международной безопасности через призму гендерной проблематики является освещение роли женщины на войне.

Традиционные представления о роли женщины на войне

Сфера войны более любой другой сферы жизни тесно связана с гендерной дихотомизацией человечества и традиционными гендерными ролями: мужчины-воина, женщины-матери и хранительницы очага. Сегодня эта ролевая парадигма существенно расширилась, что нашло отражение в западной научной литературе.

В гендерных исследованиях, на наш взгляд, женщины, участвующие в военных действиях, описаны в нескольких ключевых ипостасях: женщины-матери и хранительницы очага, женщины-солдата, воина и женщины-террористки.

Образ женщины-матери и хранительницы очага, становящейся жертвой вооруженных конфликтов, является самым распространенным и центральным в литературе, посвященной проблемам войны и безопасности.

Традиционный нарратив о «праведных воинах» и беззащитных представительницах «слабого пола» феминисты рассматривают как способ, к которому прибегают государства для легитимации войны и для того, чтобы побудить солдат сражаться за женщину-жертву [Huston, 1983]. Главной фигурой в этой истории является герой, который защищает своих женщин и детей от врага, жертвуя собой для блага своего дома [Elshtain, 1991]. Таким образом, «праведные» воины идут на войну не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы умереть, защищая «слабый пол» и детей. Репрезентация беззащитности женщин ассоциировала ее с тем, за что борются мужчины, — с мирной жизнью по возвращении домой. Женщины становились, таким образом, одновременно и объектом, и целью войны, но не ее участницами.

Исследователи-феминисты отмечают, что тезис о войне как защите «слабого пола» может служить целям оправдания наступательных военных действий, а также наращивания военного присутствия. Этот парадокс приводит к тому, что государства начинают рассматривать нападение как лучший вид обороны, развязывая войны во имя защиты тех, кто в ней нуждается. В результате подобная риторика обычно лишь увеличивает вероятность реализации наступательных военных стратегий [Wilcox, 2010]. В частности, по мнению С. ван Эвера, на протяжении десятилетий, предшествовавших Первой мировой войне, во многом по этой причине в Европе наблюдался «культ наступления». «Вера в возможность быстрого завоевания в итоге наполнила общественные представления, и “культ наступления” был некой движущей силой, приведшей к Первой мировой войне» [Van Evera, 1998: 69]. Л. Уилкоккс, изучая теории наступления-обороны, приходит к похожему выводу: по его мнению, идея защиты слабых граждан не просто служила опорой наступательной политики в Первую мировую войну, но и способствовала установлению конфигурации гендерных отношений власти, которые позиционируют мужчину как защитника нации от врагов, угрожающих чистоте простодушных и беззащитных женщин [Wilcox, 2010].

Примеры оправдания нападения необходимостью защиты граждан можно также найти и в современной политике. Различные гуманитарные войны 1990-х годов интерпретируются феминистскими исследователями в том смысле, что НАТО и другие акторы как бы заново открыли себя в роли мужественных, героических спасателей слабых и пассивных жертв [Orford, 1999]. А. Фарманфармайн показывает, как доклады, содержащие информацию о том, что иракские военные насилюют женщин в Кувейте, были использованы для того, чтобы создать образ врага в лице Ирака и сделать войну не просто осуществимой, но и неизбежной [Farmanfarmaian, 1998]. Чуть позже идея о «раскрепощении» женщин была использована для того, чтобы свергнуть режим Саддама Хусейна. Трактовка войны в Ираке как спасения «дев в беде» из тисков злодея помогает объяснить, почему многие люди в США и союзных странах верили, что вторгающиеся войска «встретят как освободителей» [Wilcox, 2010: 76–77].

С феноменом войны в феминистских исследованиях тесно связана проблема гендерно мотивированного насилия, которая наиболее ярко и остро проявляется в военное время [Brownmiller, 1975].

Исследователи обратили внимание, что насилие сексуального характера не только более распространено в военное время, чем в

мирное, но и приобретает новые характерные черты [Enloe, 2000]. Подчеркивая серьезную угрозу безопасности женщин во время военных действий, связанную с сексуальным насилием, феминисты пришли к выводу, что оно является как развлечением, так и оружием. В настоящее время хорошо известны примеры, когда изнасилование используется как «тактика» войны с целью унижить или деморализовать врага. Эти цели преследовало изнасилование женщин японцами в китайском городе Нанкине в 1937 г. А. Чан приводит данные о том, что более 300 000 человек были убиты, а около 20 000 женщин и детей были изнасилованы [Chang, 1997].

Л. Хансен, обращаясь к проблеме насилия во время войны, считает, что лучшая стратегия безопасности для женщин в момент физического насилия заключается в том, чтобы «молчать, отрицать произошедшее или, если об этом случае все узнали, бежать прочь». Для женщин практически невозможно открыто говорить о физическом насилии, поскольку это повлечет за собой неприятные последствия [Hansen, 2000: 295].

Изучая геноцид в Руанде в 1994 г., Е. Поули подчеркивает, что помимо физического насилия женщины пострадали от потери средств к существованию, насильственного перемещения, отрыва от семьи, психологических травм [Powley, 2003: 172]. Исследуя проблему насилия в Мозамбике, Уганде и Сьерра-Леоне, С. Маккейн и Д. Мазурана [McKay, Mazurana, 2004] приходят к выводу, что женское население этих стран испытывает притеснения практически во всех сферах жизни. В некоторых общинах многие женщины подвергаются сексуальной эксплуатации и насилию со стороны мужчин. При этом нередко сексуальное насилие используется в отношении девушек и женщин в военных целях как средство дестабилизации обстановки и деморализации противника. Беженцы и перемещенные женщины рискуют стать жертвами насилия на всех стадиях перемещения: во время бегства, в лагерях беженцев и в странах, где они ищут убежища. Авторы подчеркивают, что с официальным окончанием военного конфликта насилие для женщин и девушек не заканчивается: риск пострадать в этот период даже выше из-за неспособности государства предотвратить подобные случаи, расследовать и наказать виновных.

Участь женщин, на плечи которых падает бремя последствий вооруженных конфликтов, развязанных в современном мире, укрепляет традицию репрезентации страдательного положения «слабого пола». Таким образом, представление о женщине — жертве войны является самым распространенным.

Новые гендерные роли vs старые стереотипы

Однако существует и другая категория женщин, которые опровергают представление о «слабом поле» как исключительно о жертвах. Женщины-солдаты и женщины-террористки разрушают этот стереотип. Еще Д.Э. Эльштайн в книге «Женщины и война» описала женщин — участниц сражений, спартанских матерей, женщин-революционеров, насилие со стороны которых в истории военных действий подрывает традиционные представления. Автор, рассматривая гендерные роли на войне через дихотомию «справедливый воин / прекрасная дева», показывает, как отношения защитник/защищаемый служат оправданием для исключения женщин из военной сферы [Elshtain, 1987].

Принимая на себя мужскую роль защитника, женщины тем самым бросили прямой вызов традиционным гендерным концепциям женщины-матери, хранительницы домашнего очага.

Л. Сьоберг описывает известный случай соприкосновения женщины с военными действиями — судьбу Жанны д'Арк, ставшей во главе войск при освобождении г. Орлеана в 1429 г. По мнению автора, историю Жанны д'Арк нельзя понять без отсылки к тому, что она была женщиной-командиром, что из-за этого ей пришлось переодеваться в мужчину и притворяться тем, кем она не была. Многие ее современники считали, что она делала нечто неестественное, называли это святотатством. По их мнению, будучи женщиной, она должна была одеваться и действовать как женщина, что автоматически исключало участие в войне. Отказ Жанны д'Арк действовать «как женщина» послужил доказательством ее ереси. Ожидания, основанные на гендерном восприятии, сыграли роль в ее жизни и в конце концов привели к ее смерти [Sjoberg, 2010b: 53–54].

Таким образом, служба женщин в вооруженных силах находится в явном противоречии с превалирующим восприятием их как слабых и ждущих защиты от войн, которые ведут мужчины. Несмотря на вовлеченность женщин в военные действия, они не имеют статуса воинов, равных с мужчинами. Даже когда участие женщин в боевых действиях признается, оно воспринимается как особый вид борьбы [Sjoberg, 2010b: 58–59].

Казалось бы, сегодняшнее активное привлечение женщин в вооруженные силы привело к фактической смене гендерных ролей. Так, по мнению М. Бритэйн, при освещении войны в Ираке американские СМИ стремились развеять миф о положении женщин в условиях войны исключительно как жертв.

Для демонстрации победы гендерного равноправия в первые месяцы военного вмешательства в СМИ репрезентировалось присутствие в американской армии женщин-военнослужащих: на фоне образов мусульманских женщин, страдающих от гендерного неравенства в репрессивных, отсталых режимах Востока, использовались фотографии белых женщин-солдат из США и Великобритании. Однако наряду с демонстрацией эмансипации женщин по-прежнему часто акцентировались их беспомощность и уязвимость перед лицом угрозы насилия [Brittain, 2006].

Самый известный случай двойственности восприятия женщины в роли, традиционно принадлежавшей мужчине, — история Джессики Линч [Sjoberg, 2010b: 59–61]. Л. Сьоберг описывает случай, произошедший с профессиональной военнослужащей, попавшей в плен в ходе вторжения США в Ирак в 2003 г. СМИ описывали ее как потенциальную жертву пыток и насилия со стороны иракских солдат [Sjoberg, 2007: 90]. Насущная потребность ее освобождения обсуждалась как в обществе в целом, так и на уровне официальных военных структур.

Казалось бы, Джессика Линч была уравнена в правах с мужчинами и ей, как и другим женщинам-солдатам, дали возможность занимать должности в вооруженных силах США, которые изначально предназначались для мужчин. Но СМИ в освещении ситуации ее пленения продолжали транслировать гендерные стереотипы, и женщину-солдата, которая участвовала в вооруженном конфликте, представляли наивной и слабой. В сообщениях о Джессике Линч особый акцент делался на ее аполитичных, ненасильственных и изначально чисто «женских» причинах вступления в армию. Таким образом, транслировалось представление о беспомощной девочке, нуждающейся в защите. «Прекрасный пол» остается «прекрасным» даже с ружьем в руках и в военной форме [Sjoberg, 2007: 86] — поэтическая фраза, характерная для репрезентации ситуации в медиапространстве.

М. Бриттэйн отмечала, что история Джессики Линч была направлена на укрепление поддержки вмешательства в Ирак и военного присутствия там США и Великобритании [Brittain, 2006: 81]. Львиная доля медийного пространства в завершающий момент кампании была отдана информации об освобождении Линч — это должно было служить доказательством того, что на войне в первую очередь необходимо защищать невинных женщин. Именно борьба за Линч, а не восприятие ее в качестве солдата стала ключевым моментом в этой истории. Таким образом, Л. Сьоберг подчеркивает, что использование стереотипа о

«прекрасном поле» имеет большое значение как для понимания войн, так и для оправдания их причин [Sjoberg, 2010b: 67].

Наконец, наиболее неоднозначный, на наш взгляд, тип агентности женщины, представленный в современной феминистской литературе, — это роль женщины-террористки. Но если учитывать тот факт, что женщины и их проблемы часто исключаются из государственной политики и военных практик, а также то, что государства, если рассматривать их через призму гендерных отношений, ориентируются прежде всего на интересы мужчин, то можно утверждать, что негосударственные движения на международной арене, в том числе незаконные, действительно могут открывать для женщин новые возможности. Женщины-боевики выступают в многогранной роли руководителей и исполнителей насилия, в то время как их статус в организации остается неопределенным из-за их «девиантного» поведения, каким оно воспринимается в обществе, поскольку выходит за рамки традиционных гендерных ролей.

В последнее время мы видим увеличение количества женщин, участвующих в террористических организациях и поддерживающих деятельность боевиков. Женщины в качестве террористов-смертников стали обычным явлением в современной международно-политической обстановке [Goldstein, 2001]. Гендерные исследования показывают, что невозможность участвовать в обычных формах политической деятельности становится причиной включения женщин в радикальные методы борьбы во многих традиционных и консервативных обществах. Кажущиеся в ситуации конфликта пассивными, беспомощными жертвами, женщины вызывают меньше подозрений, в результате чего их не считают потенциальными террористками и опасными для окружающих. Таким образом, будучи «невидимыми», они приобретают особую привлекательность для террористических организаций [Women, gender and terrorism, 2011].

В частности, в западной научной литературе особое внимание уделяется участию женщин в военном конфликте в Шри-Ланке. В движении «Тигры освобождения Тамил-Илама» (ТОТИ) участвуют мужчины, женщины и даже дети, за что их особенно остро критикует международное сообщество². Около 20% боевиков ТОТИ — женщины-смертницы, уже устроившие целый ряд терактов, в которых было много погибших. Исследователи

²Формально в 2009 г. «Тигры освобождения Тамил-Илама» (ТОТИ) признали свое поражение в гражданской войне и объявили о прекращении огня.

отмечают, что сначала женщины занимались главным образом вопросами материально-технического обеспечения, они оказывали медицинскую помощь, собирали разведывательную информацию. Но затем их стали привлекать к военным действиям, и они превратились в хорошо организованную, дисциплинированную и опытную военную силу [цит. по: Parashar, 2010: 173]. В 1983 г. ТОТИ создали специальное женское подразделение — «Женский фронт Тигров освобождения» [Balasingham, 1993]. С тех пор число женских кадров в рядах организации стабильно росло.

Среди феминистов ведутся дебаты по поводу роли женщин в рамках ТОТИ. Одни указывают на более низкий статус представительниц «слабого пола», их «жертвенность» в рамках патриархального и консервативного общества тамиллов, что не меняется и со вступлением в ряды ТОТИ. Широко распространено мнение, что основной причиной превращения женщин в комбатантов стала нехватка бойцов [Сoomaraswamy, 1996].

Другие феминисты считают, что позитивные изменения в положении женщин в ТОТИ все-таки произошли. Были отменены правила о приданом, ужесточен запрет на домашнее насилие и изнасилования. Д. Раджасингам-Сенанаяке описывает такое положение в ТОТИ как «амбивалентное расширение прав и возможностей», при котором «хотя они, может быть, и вырвались из границ отведенного им положения у домашнего очага и взяли на себя новые роли бойцов, действительно можно утверждать, что они находятся в заложниках у патриархальных националистических устремлений лидера ТОТИ Прабакарана и подвергаются угнетению со стороны военных Шри-Ланки» [Rajasingham-Senanayake, 2004: 141].

* * *

Таким образом, современные гендерные исследования активно освещают роль женщин на войне. Западные феминистские работы расширили привычные представления о женщинах во время боевых действий, поставили под сомнение степень защищенности «слабого пола» со стороны государства при решении вопросов о войне и мире, оспорили распространенную точку зрения о распределении гендерных ролей. В последнее время происходит их трансформация: помимо женщин-матерей и хранительниц очага появляется все больше женщин-террористок и женщин, участвующих в военных действиях наравне с мужчинами. Такая многогранность женского образа во время войны показывает парадоксальность ситуации: при объективном

изменении гендерных ролей гендерные стереотипы остаются устойчивыми, сохраняя заложенную в них пропагандистскую нагрузку.

Подобная ситуация, характерная как для зарубежных, так и для отечественных гендерных исследований, говорит о необходимости дальнейшего изучения вопросов, связанных с гендерным измерением проблематики войны и безопасности в международных отношениях. В качестве наиболее перспективных направлений в этой связи можно выделить гендерные аспекты экологической безопасности, роль гегемонной маскулинности в формировании облика современных государств, влияние технологического фактора, в частности новых военных технологий, на роль женщины на войне. Подобных работ пока объективно мало как в отечественной, так и в зарубежной международно-политической науке, и эти вопросы требуют специального освещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградова С.М. Государство, безопасность, суверенитет: международные отношения в зеркале феминизма // Политэкс. 2010. Т. 6. № 4. С. 53–68.

2. Виноградова С.М., Панцеров К.А. Гендерный мировой порядок: эволюция «феминности» и «маскулинности» (некоторые аспекты теории и практики) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2016. № 1. С. 97–109.

3. Митрофанова А.В. «Человеческая безопасность» — вызов национальному суверенитету? // Ученые записки. ИАМП. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2001. С. 34–53.

4. Сергунин А.А. Российская внешнеполитическая мысль: проблемы национальной и международной безопасности. Нижний Новгород: Нижегородский лингвистический университет, 2003.

5. Тикнер Дж.Э. Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны». М.: Культурная революция, 2006.

6. Торкунов А.В., Мальгин А.В. Современные международные отношения. М.: Аспект-Пресс, 2012.

7. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Юрайт, 2016.

8. Balasingham A.A. Women fighters of the Liberation Tigers. Jaffna: Thasan Printers, 1993.

9. Brittain M. Benevolent invaders, heroic victims and depraved villains: White femininity in media coverage of the invasion of Iraq // (En)gendering the War on Terror / Ed. by K. Hunt, K. Rygiel. London: Ashgate, 2006. P. 73–96.

10. Brouneus K. Truth-telling as talking cure? Insecurity and retraumatization in the Rwandan Gacaca courts // Security Dialogue. 2008. Vol. 39. No. 1. P. 55–76.

11. Brownmiller S. Against our will: Men, women and rape. New York: Simon & Schuster, 1975.

12. Chang I. The rape of Nanking: The forgotten Holocaust of World War II. New York: Basic Books, 1997.
13. Coomaraswamy R. Tiger women and the question of women's emancipation // *Pravada*. 1996. Vol. 4. No. 9. P. 8–10.
14. Elshtain B.J. Sovereignty, identity, sacrifice // *Millennium: Journal of International Studies*. 1991. Vol. 20. No. 3. P. 395–406.
15. Elshtain B.J. Women and war. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
16. Encyclopedia of feminist theories / Ed. by L. Code. London; New York: Routledge, 2002.
17. Enloe C. Maneuvers: The international politics of militarizing women's lives. Berkeley: University of California Press, 2000.
18. Farmanfarman A. Did you measure up? The role of race and sexuality in the Gulf War // *The geopolitics reader* / Ed. by S. Dalby, P. Routledge, G.Ó Tuathail. London: Routledge, 1998. P. 286–293.
19. Goldstein J.S. War and gender: How gender shapes the war system and vice versa. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
20. Hansen L. The little mermaid's silent security dilemma and the absence of gender in the Copenhagen school // *Millennium: Journal of International Studies*. 2000. Vol. 29. No. 2. P. 285–306.
21. Huston N. Tales of war and tears of women // *Women and men's wars* / Ed. by J.H. Stiehm. Oxford: Pergamon Press, 1983. P. 272–282.
22. Keohane R.O. International relations theory: Contributions of a feminist standpoint // *Millennium: Journal of International Studies*. 1989. Vol. 18. No. 2. P. 245–253.
23. Logan S. Remembering the woman in Rwanda: When humans rely on the old concepts of war to resolve conflict // *Affilia: Journal of Women and Social Work*. 2006. Vol. 21. No. 2. P. 234–239.
24. McKay S., Mazurana D.E. Where are the girls? Girls in fighting forces in Northern Uganda, Sierre Leone and Mozambique: Their lives during and after war. Montréal: Rights & Democracy, 2004.
25. Orford A. Muscular humanitarianism: Reading the narratives of the new interventionism // *European Journal of International Law*. 1999. Vol. 10. No. 4. P. 679–711.
26. Rajasingham-Senanayake D. Between reality and representation: Women's agency in war and post-conflict Sri Lanka // *Cultural Dynamics*. 2004. Vol. 16. No. 2/3. P. 141–168.
27. Parashar S. Women, militancy and security: The South Asian conundrum // *Gender and international security: Feminist perspectives* / Ed. by L. Sjoberg. London: Routledge, 2010. P. 168–188.
28. Powley E. Strengthening governance. The role of women in Rwanda's transition. Washington, D.C.: Hunt Alternatives, 2003.
29. Sjoberg L. Agency, militarised femininity and enemy others: Observations from the War in Iraq // *International Feminist Journal of Politics*. 2007. Vol. 9. No. 1. P. 82–101.
30. Sjoberg L. Introduction // *Gender and international security: Feminist perspectives* / Ed. by L. Sjoberg. London: Routledge, 2010. P. 1–14.
31. Sjoberg L. Women fighters and the 'beautiful soul' narrative // *International Review of the Red Cross*. 2010. Vol. 92. No. 877. P. 53–68.
32. Sylvester C. Feminist theory and international relations in a postmodern era. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

33. Tickner J.A. Gender in international relations: Feminist approaches on achieving global security. New York: Columbia University Press, 1992.
34. Tickner J.A. Hans Morgenthau's principles of political realism: A feminist reformulation // *Millennium: Journal of International Studies*. 1988. Vol. 17. No. 3. P. 429–440.
35. Van Evera S. The cult of the offensive and the origins of the First World War // *Offense, defense and war* / Ed. by M.E. Brown. Cambridge, MA: MIT Press, 1998. P. 69–118.
36. Wilcox L. Gendering the cult of the offensive // *Gender and international security: Feminist perspectives* / Ed. by L. Sjöberg. London: Routledge, 2010. P. 61–82.
37. *Women, gender and terrorism* / Ed. by L. Sjöberg, C.E. Gentry. Athens: University of Georgia Press, 2011.

T.V. Skorospelova

GENDER PERSPECTIVE IN THE STUDIES OF WAR

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Feminist studies, first introduced in international relations theory back in the Cold War, established themselves as an independent research field in 1990s. From the onset, feminist studies have been focused on the key concepts and notions of the IR theory, such as 'state', 'power', 'security', and 'war'. It is exactly the role of gender perspective in the studies of war in the modern context which is the central issue of this paper. The first section examines feminist views on traditional gender roles attributed to women at war: the image of mother, the keeper of the hearth, and the image of victim. The author emphasizes that behind these roles lays a much broader set of issues, which involves legitimization of a particular structure of power relations in society in general. The second section focuses on perceptions of new gender roles of women at war, which include the images of a woman as a soldier and a terrorist, both in the academic discourse and in the media. The author underlines a paradox in this regard: whereas the practice of inter- and intrastate conflicts has already resulted in the entrenchment of the new female gender roles, gender stereotypes continue to dominate both the IR theory and mass consciousness. The author concludes that the issues of war and security will continue to play a crucial role in the development of feminist studies in the IR theory and outlines several promising directions for further research in this area.

Keywords: theory of international relations, gender, gender studies, feminism, gender stereotypes, war, security, femininity, masculinity.

About the author: *Tatiana V. Skorospelova* — Doctor of Sciences (History), Associate Professor at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tvsv@fmp.msu.ru).

REFERENCES

1. Vinogradova S.M. 2010. Gosudarstvo, bezopasnost', suverenitet: mezhdunarodnye otnosheniya v zerkale feminizma [State, security, sovereignty: International relations in the mirror of feminism]. *Politeks*, vol. 6, no. 4, pp. 53–68. (In Russ.)
2. Vinogradova S.M., Pantserev K.A. 2016. Gendernyi mirovoi poryadok: evolyutsiya 'feminnosti' i 'maskulinnosti' (nekotorye aspekty teorii i praktiki) [Gender world order: The evolution of 'femininity' and 'masculinity' (some aspects of theory and practice)]. *Vestnik of Saint Petersburg University*, series 6, no. 1, pp. 97–109. (In Russ.)
3. Mitrofanova A.V. 2001. 'Chelovecheskaya bezopasnost' — vyzov natsional'nomy suverenitetu? ['Human security' — a challenge to national sovereignty?]. Moscow, Diplomaticheskaya akademiya MID Rossii Publ., pp. 34–53. (In Russ.)
4. Sergunin A.A. 2003. *Rossiiskaya vneshnepoliticheskaya mysl': problemy mezhdunarodnoi i natsional'noi bezopasnosti* [Russian thought in foreign policy: International and national security issues]. Nizhnii Novgorod. (In Russ.)
5. Tikner D.E. 2006. *Mirovaya politika s gendernykh pozitsii* [World politics from a gender perspective]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ. (In Russ.)
6. Torkunov A.V., Mal'gin A.V. 2012. *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya* [Modern international relations]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)
7. Tsygankov P.A. 2016. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii* [Theory of international relations]. Moscow, Yurait Publ. (In Russ.)
8. Balasingham A.A. 1993. *Women fighters of the Liberation Tigers*. Jaffna, ThasanPrinters.
9. Brittain M. 2006. Benevolent invaders, heroic victims and depraved villains: White femininity in media coverage of the invasion of Iraq. In Hunt K., Rygiel K. (eds.). *(En)gendering the War on Terror*. London, Ashgate, pp. 73–96.
10. Brouneus K. 2008. Truth-telling as talking cure? Insecurity and retraumatization in the Rwandan Gacaca courts. *Security Dialogue*, vol. 39, no. 1, pp. 55–76.
11. Brownmiller S. 1975. *Against our will: Men, women and rape*. New York, Simon & Schuster.
12. Chang I. 1997. *The rape of Nanking: The forgotten Holocaust of World War II*. New York, Basic Books.
13. Coomaraswamy R. 1996. Tiger women and the question of women's emancipation. *Pravada*, vol. 4, no. 9, pp. 8–10.
14. Elshtain B.J. 1991. Sovereignty, identity, sacrifice. *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 20, no. 3, pp. 395–406.
15. Elshtain B.J. 1987. *Women and war*. Chicago, University of Chicago Press.
16. Code L. (ed.). 2003. *Encyclopedia of feminist theories*. London, Routledge.
17. Enloe C. 2000. *Maneuvers: The international politics of militarizing women's lives*. Berkeley, University of California Press.
18. Farmanfarmaian A. 1998. Did you measure up? The role of race and sexuality in the Gulf War. In Dalby S., Routledge P., Ó Tuathail G. (eds.). *The geopolitics reader*. London, Routledge, pp. 286–293.
19. Goldstein J.S. 2001. *War and gender: How gender shapes the war system and vice versa*. Cambridge, Cambridge University Press.
20. Hansen L. 2000. The little mermaid's silent security dilemma and the absence of gender in the Copenhagen school. *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 29, no. 2, pp. 285–306.

21. Huston N. 1983. Tales of war and tears of women. In Stiehm J.H. (ed.). *Women and men's wars*. Oxford, Pergamon Press, pp. 272–282.
22. Keohane R.O. 1989. International relations theory: Contributions of a feminist standpoint. *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 18, no. 2, pp. 245–253.
23. Logan S. 2006. Remembering the woman in Rwanda: When humans rely on the old concepts of war to resolve conflict. *Affilia: Journal of Women and Social Work*, vol. 21, no. 2, pp. 234–239.
24. McKay S., Mazurana D.E. 2004. *Where are the girls? Girls in fighting forces in Northern Uganda, Sierre Leone and Mozambique: Their lives during and after war*. Montréal, Rights & Democracy.
25. Orford A. 1999. Muscular humanitarianism: Reading the narratives of the new interventionism. *European Journal of International Law*, vol. 10, no. 4, pp. 679–711.
26. Rajasingham-Senanayake D. 2004. Between reality and representation: Women's agency in war and post-conflict Sri Lanka. *Cultural Dynamics*, vol. 16, no. 2–3, pp. 141–168.
27. Parashar S. 2010. Women, militancy and security: The South Asian conundrum. In Sjoberg L. (ed.). *Gender and international security: Feminist perspectives*. London, Routledge, pp. 168–188.
28. Powley E. 2003. *Strengthening governance. The role of women in Rwanda's transition*. Washington, D.C., Hunt Alternatives.
29. Sjoberg L. 2007. Agency, militarised femininity and enemy others: Observations from the War in Iraq. *International Feminist Journal of Politics*, vol. 9, no. 1, pp. 82–101.
30. Sjoberg L. 2010. Women fighters and the 'beautiful soul' narrative. *International Review of the Red Cross*, vol. 92, no. 877, pp. 53–68.
31. Sjoberg L. 2010. Introduction. In Sjoberg L. (ed.). *Gender and international security: Feminist perspectives*. London, Routledge, pp. 1–14.
32. Sylvester C. 1994. *Feminist theory and international relations in a postmodern era*. Cambridge, Cambridge University Press.
33. Tickner J.A. 1992. *Gender in international relations: Feminist approaches on achieving global security*. New York, Columbia University Press.
34. Tickner J.A. 1988. Hans Morgenthau's principles of political realism: A feminist reformulation. *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 17, no. 3, pp. 429–440.
35. Van Evera S. 1998. The cult of the offensive and the origins of the First World War. In Brown M.E. (ed.). *Offense, defense and war*. Cambridge, MA, MIT Press, pp. 69–118.
36. Wilcox L. 2010. Gendering the cult of the offensive. In Sjoberg L. (ed.). *Gender and international security: Feminist perspectives*. London, Routledge, pp. 61–82.
37. Sjoberg L., Gentry C.E. (eds.). 2011. *Women, gender and terrorism*. Athens, University of Georgia Press.

А.Д. Катков*

**ПОНЯТИЕ СУВЕРЕНИТЕТА
В МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
В США НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В конце XX — начале XXI в. в связи с окончанием «холодной войны» и курсом США на построение «нового мирового порядка» в американском научном дискурсе новый импульс к развитию получили исследования проблематики государственного суверенитета. В центре внимания автора статьи находятся взгляды и концепции, сформулированные представителями двух ключевых направлений в теории международных отношений того периода: неолиберального и неореалистского. По мнению автора, на рубеже веков основным трендом в американской политологии было стремление переосмыслить подходы к определению суверенитета, поскольку распространилось мнение, что они уже не отвечают новым постбиполярным реалиям международных отношений. В этой связи обсуждения развернулись вокруг нескольких ключевых проблем. Во-первых, представители обоих направлений сосредоточились на изучении влияния на суверенитет процессов глобализации и интеграции. Во-вторых, большое внимание также уделялось анализу соотношения принципов суверенитета и защиты прав человека. На первый план при этом вышла концепция «гуманитарной интервенции». Автор отмечает, что в рассматриваемый период наблюдалось сближение взглядов на проблемы суверенитета представителей едва ли не всех ключевых направлений в американской внешнеполитической мысли. Так, мнение о неизбежности некоторого ограничения суверенитета было доминирующим как среди неолибералов и конструктивистов, так и среди значительной части неореалистов. Одни эксперты отмечали нескорую, но неизбежную «десуверенизацию» государств в связи с развитием процессов глобализации и интеграции, другие «дробили» качества суверенитета на составные части, третьи, хотя

* Катков Алексей Дмитриевич — аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ADKatkov@mail.ru).

продолжали говорить о непререкаемой важности суверенитета, отмечали необходимость адаптации этого принципа к новым реалиям. Кроме того, практически единодушно американским ученым сообществом было принято мнение о приоритетности прав человека по отношению к принципам суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств. Это вылилось в конечном счете в перемещение проблематики защиты прав человека из внутригосударственной плоскости в международную и в создание концепции «ответственности за защиту», которая увязывала принцип суверенитета не с привилегиями государства, а с его способностью обеспечить соблюдение прав своих граждан. Проведенный в данной статье анализ работ 1990–2000-х годов представляется важным для понимания логики эволюции официальной позиции США по целому ряду ключевых вопросов современной повестки дня, в частности, связанных с проблематикой внешнего вмешательства во внутренние дела других государств.

Ключевые слова: суверенитет, США, мировой порядок, глобализация, международное право, наднациональные институты, вмешательство во внутренние дела, постбиполярность, гуманитарная интервенция.

Суверенитет — это качество государства, составляющее суть его существования, и одновременно основополагающий принцип современной международно-правовой системы, закреплённый в Уставе ООН¹ и большинстве других ключевых международно-правовых актов². Согласно одному из наиболее удачных определений суверенитет — это политическое и юридическое полномочие господствующих кругов внутри страны и способность государства независимо от других государств формировать и проводить в жизнь свою внутреннюю и внешнюю политику [Марченко, 2004: 59].

В Соединенных Штатах Америки вопросы, связанные с суверенитетом государства, пользовались устойчивым вниманием со

¹ Устав ООН. 24.10.1945 // ООН. Доступ: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/> (дата обращения: 19.04.2019).

² См., например: Хельсинкский заключительный акт. 01.08.1975 // ОБСЕ. Доступ: <http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true> (дата обращения: 18.04.2019); Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 1514 (XV). 14.12.1960 // ООН. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 11.01.2019); Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 36/103. 09.12.1981 // ООН. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml (дата обращения: 18.04.2019).

стороны ученых и государственных деятелей на протяжении всего XX в. Так, в одном только журнале «Foreign Affairs» ежегодно выходило приблизительно 20–40 работ, затрагивавших в той или иной степени вопрос суверенитета³. Однако в 1990-е годы произошел мощнейший всплеск интереса к данной проблематике, который не ослабевает по сей день. Аналогичная динамика наблюдается и при ознакомлении с материалами другого известного профильного американского журнала — «Foreign Policy»: если в последнее десятилетие «холодной войны» (1979–1989) на его страницах было опубликовано 89 статей, связанных с проблематикой суверенитета, то в последующие 10 лет (1990–2000) — уже в два раза больше (164)⁴. Эти данные иллюстрируют не только количество экспертов, разрабатывающих эту проблематику, но и интерес редакций журналов, а следовательно, и широкой общественности к этим вопросам.

Подобное усиление внимания к проблеме суверенитета было спровоцировано в первую очередь появлением новых вызовов и угроз в постбиполярном мире. Государственный секретарь США при Дж. Буше-ст. Дж. Бейкер в своих мемуарах писал, что при подготовке перехода к «новому мировому порядку» американское правительство осознавало необходимость начать проработку долгосрочных стратегий для решения появившихся проблем транснационального характера, которые не подпадали под традиционное понимание внешних вызовов, таких как терроризм, наркоторговля, ухудшение состояния окружающей среды и нераспространение оружия массового уничтожения [Baker, 1995: 46]. Совет Безопасности ООН в 1992 г. указывал, что «отсутствие войны и военных конфликтов между государствами само по себе не гарантирует международный мир и безопасность. Невоенные источники нестабильности в экономической, социальной, гуманитарной и экологической областях превратились в угрозы миру и безопасности»⁵. К такого рода вызовам можно отнести также образование большого количества новых государств после краха биполярной системы международных отношений, заметное

³Digital library for scholars, researchers, and students (JSTOR). Foreign Affairs // JSTOR official site. Available at: <https://www.jstor.org/journal/foreignaffairs> (accessed: 16.04.2018).

⁴Digital library for scholars, researchers, and students (JSTOR). Foreign Policy // JSTOR official site. Available at: <https://www.jstor.org/journal/foreignpolicy> (accessed: 16.04.2018).

⁵Записка председателя Совета Безопасности ООН. S/23500 // ООН. 31.01.1992. Доступ: <https://undocs.org/ru/S/23500> (дата обращения: 02.07.2019).

увеличение числа внутренних конфликтов, требовавших внешнего вмешательства, в том числе в целях защиты прав человека (концепция «гуманитарных интервенций»). Кроме того, в конце XX — начале XXI в. государствоцентричная модель мира, а вместе с ней и суверенитет подверглись серьезным вызовам со стороны международных организаций, глобализации и интеграции.

В совокупности эти тенденции, которые отражали нарастающую политическую волатильность постбиполярного мира, настоятельно требовали от руководства Соединенных Штатов поиска новых ориентиров во внешней политике [Helms, 1996; Ikenberry, 2003; Rothkopf, 1997], изменения стратегий поведения с другими странами, что неизбежно с новой остротой ставило проблему понимания основополагающего качества любого государства — суверенитета.

Нижней временной границей исследования служит приход к власти в 1989 г. Дж. Буша-ст., провозгласившего курс на построение «нового мирового порядка» («new world order») (впервые эта фраза прозвучала из уст президента 28 февраля 1990 г.⁶). Именно в тот период начался резкий подъем интереса к проблематике суверенитета в американской науке. Идеи, сформулированные в 1990-е годы, окончательно оформились к началу XXI в., чем и продиктован выбор верхней хронологической планки. Именно в первые годы нового тысячелетия понимание государственного суверенитета как принципа не абсолютного, а условного и отчуждаемого, связанного с ответственностью страны за соблюдение прав граждан, стало окончательно превалировать во внешнеполитической мысли США как среди неолибералов, так и среди большинства неореалистов. Своеобразной кульминационной точкой в попытке закрепления подобных взглядов на официальном международном уровне стал 2005 год. На проходившем тогда Всемирном саммите под эгидой ООН главы 150 государств поддержали итоговый документ, пункты 138 и 139 которого отражали идеи и принципы, близкие концепции «ответственности за защиту»⁷, разработанной при активном участии американских экспертов в 2001 г. В данных пунктах отмечались ответственность стран за обеспечение прав человека на своей

⁶ Bush G. Remarks at a Fundraising Dinner for Gubernatorial Candidate Pete Wilson in San Francisco // Public Papers of the Presidents. 28.02.1990. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-fundraising-dinner-for-gubernatorial-candidate-pete-wilson-san-francisco> (accessed: 26.06.2019).

⁷ Responsibility to protect // ООН. Available at: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf> (accessed: 03.07.2019).

территории и необходимость оказания международной помощи государствам в выполнении вытекающих обязательств. Однако отдельно указывалось, что все меры по защите прав человека должны проводиться в соответствии с Уставом ООН и, что важно, через Совет Безопасности ООН⁸.

Безусловно, тема суверенитета остается предметом пристального изучения и в 2010-х годах [Glanville, 2013; Grimm, 2015; Patrick, 2018; Thakur, Maley, 2015; и др.]. Но поскольку в данной статье поднята проблема понимания суверенитета государства в академическом сообществе США в переломный момент истории международных отношений в конце XX — начале XXI в., автор будет обращаться прежде всего к работам, изданным в этот период времени.

Цель статьи состоит в изучении взглядов и идей о сущности государственного суверенитета, привнесенных в теорию международных отношений американскими учеными на рубеже веков. Показано, как эти исследователи рассматривали факторы, ограничивающие суверенитет, и будущее этого принципа, а также в чем состояли различия в этой связи между основными течениями в американской науке о международных отношениях в конце XX — начале XXI в. — неореализмом и неолиберализмом. В статье также освещено отношение основных представителей конструктивистского направления к проблеме суверенитета в изучаемый период. Продолжающийся в настоящее время поиск ответов на вопросы о будущем суверенитета, опирающийся главным образом на концепции, которые были сформулированы как раз на рубеже веков, обуславливает научную актуальность настоящей статьи. С практической точки зрения дополнительную актуальность данному исследованию придает тот факт, что оно может способствовать пониманию специфики интервенционистского курса, политики вмешательства во внутренние дела суверенных государств, которой придерживаются США во многих точках мира в настоящий момент.

Следует заметить, что, несмотря на обилие различных статей, монографий и очерков, изучение всего комплекса вопросов, связанных с рассматриваемым принципом, далеко от завершения. Наибольшее внимание исследователи зачастую уделяют проблеме

⁸Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 60/1. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. 16.09.2005 // ООН. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml (дата обращения: 07.08.2019).

ограничения суверенитета в условиях развития процессов глобализации [Sassen, 1996] и интеграции [Bergsten, 1999; MacCormick, 2009], подчеркнутого внимания со стороны международного сообщества к соблюдению прав человека [Lewis, 1991; Feinstein, Slaughter, 2004].

В отечественной науке проблема суверенитета и его ограничения также была и остается предметом пристального изучения среди историков, политологов, юристов. Эту тему разрабатывали, например, Д.Б. Левин [Левин, 2003], С.В. Черниченко [Черниченко, 1999], А.С. Строева [Строева, 2014], А.А. Кокошин [Кокошин, 2006], М.Н. Марченко [Марченко, 2004] и многие другие. Отечественные авторы успешно исследовали широкий круг вопросов: от общих определений принципа суверенитета до анализа феноменов, его ограничивающих. Особое внимание в этом отношении уделяется изучению влияния на суверенитет со стороны глобализации и международных организаций.

Е.С. Кузнецова рассматривает современные тенденции в исследованиях суверенитета в зарубежной науке и приходит к выводу, что «распад двухполюсной системы перевернул многие из доминировавших ранее представлений о суверенитете» [Кузнецова, 2013: 40]. Эти сюжеты затрагивает в своей статье и В.Н. Конышев, который концентрируется главным образом на взглядах сторонников неореализма [Конышев, 2010]. В то же время приходится констатировать, что в отечественной науке пока нет исследований, в которых бы последовательно проводилось сравнение позиций представителей основных направлений в рамках теории международных отношений (в частности, неореализма и неолиберализма) по проблеме государственного суверенитета. Данная статья, в которой рассматриваются указанные вопросы на примере развития теоретических исследований международных отношений в США на рубеже веков, призвана отчасти восполнить этот пробел.

Неолиберальные трактовки проблемы государственного суверенитета

Превалирующим в американских научных кругах на рубеже XX–XXI вв. стал неолиберальный (и близкий к нему институционалистский) подход к концептуализации проблемы суверенитета [Sassen, 1996; Keohane, 2003; Nye, 1999].

Еще до окончания «холодной войны» профессор Принстонского университета Р. Кеохейн, которого принято считать одним из основоположников неолиберализма, подчеркивал, что сувере-

нитет может быть делим, а главным фактором, его ограничивающим, является глобализация. В то же время ученый признавал, что суверенитет — это важнейший институт, который, хоть и подвергается эволюционным изменениям, продолжает обеспечивать порядок в отношениях между государствами [Keohane, 1984: 65–75].

Распад биполярного мирового порядка принципиально не изменил представления неолибералов, но заставил их уделять больше внимания вопросам концептуализации понятия суверенитета. Так, профессор Гарвардского университета Д. Филпотт определял его как наивысшую власть в пределах конкретной территории [Philpott, 1999]. Профессор Гарвардского института государственного управления им. Джона Ф. Кеннеди Дж. Най, размышляя об ограничении суверенитета, пришел к выводу, что он ограничивается как де-факто, в результате проникновения сквозь национальные границы транснациональных сил, так и де-юре. Свидетельствами этого являются санкции в ответ на режим апартеида в ЮАР, создание Международного уголовного суда, бомбардировка Югославии из-за ее политики в Косово и др. Однако Дж. Най считал, что ограничение суверенитета будет происходить постепенно, на протяжении десятилетий и даже столетий, и носить довольно противоречивый характер: несмотря на то что этот процесс будет способствовать защите прав человека, особенно в странах с репрессивными режимами, он одновременно предвещает значительную дестабилизацию международных отношений. Суверенитет во многом противоречит праву наций на самоопределение, и мировое сообщество, в котором уже существуют более 200 стран, отказавшись от суверенитета, может получить сотни народов, желающих образовать собственное государство, что приведет к очень трагичным и непредсказуемым последствиям [Nye, 1999]. Последнее утверждение автора сближает его с позицией неореалистов, что неудивительно, поскольку, как будет показано далее, границы между этими направлениями научной мысли на рубеже веков стремительно стирались (по крайней мере, по проблеме суверенитета). В итоге точка зрения Дж. Найа как нельзя лучше подытоживает общий вектор осмысления суверенитета с позиций неолиберализма: суверенитет, все еще оставаясь важнейшим качеством государства, неизбежно будет всё больше подвергаться существенным ограничениям вследствие процессов интеграции и глобализации.

Именно глобализацию неолибералы рассматривали как один из самых серьезных факторов, ограничивающих суверенитет.

Некоторые ученые [Rosenau, 1990; Giddens, 1995; Sassen, 1996] считали этот феномен исторически беспрецедентным и полагали, что государства должны постепенно адаптироваться к более взаимозависимому и в то же время очень нестабильному миру. Они видели в глобализации долговременный и противоречивый процесс, подверженный различным конъюнктурным изменениям, считая также, что хотя суверенные государства сохраняют власть над собственной территорией (т.е. не исчезнут как институты в ближайшем будущем), международные организации будут расширять сферу своего влияния. Неолибералы также полагали, что суверенитет — это ресурс, позволяющий отстаивать свои права и привилегии в мировой политической системе. При этом они, правда, утверждали, что суверенное государство будет постепенно вытеснено глобализацией. Рассматривая данный вопрос, профессор Чикагского университета С. Сассен называла глобализацию важнейшим фактором, который влияет на суверенитет, но приводит не к его краху, а к трансформации. Автор писала, что суверенитетом начинают обладать не только государства, но и наднациональные структуры (в частности, Европейский союз), а территория страны перестает быть компетенцией внутреннего аспекта суверенитета, и происходит «денационализация национальной территории» [Sassen, 1996: 16]. С. Сассен также добавляла, что суверенитет значительно ограничен экономическими факторами глобализации (например, трансграничными потоками капитала, информации и услуг), поэтому в сфере экономики он постепенно исчезает. В то же время в политической сфере многие государства укрепляют свои суверенные права, что находит отражение, например, в усилении контроля над границами в целях регулирования потоков беженцев и мигрантов [Sassen, 1996: 35].

Сторонником неизбежности ограничения суверенитета под давлением процессов глобализации был также научный сотрудник Гарвардского университета Д. Йоффе, который писал, что хотя под суверенитетом зачастую понимают высшую власть и независимость, современные государства не обладают этими качествами, поскольку даже Соединенные Штаты (единственная на тот момент супердержава) не могут, за исключением единичных случаев, действовать односторонне, совершенно не считаясь с международными организациями или с позициями других стран [Joffe, 1999].

Еще одним вызовом суверенитету в глазах неолибералов были интеграционные процессы, которые после окончания би-

полярности заметно интенсифицировались, в первую очередь в Европе. В целом неолибералы придерживались точки зрения, что подобное ограничение суверенитета в результате развития интеграционных процессов неизбежно и позитивно. Так, Р. Райт считал, что процесс создания наднационального правительства будет во многом связан с попытками противостоять терроризму и международной преступности, как следствие, государства должны будут отказаться от части своего суверенитета, касающегося данного аспекта [Wright, 2000]. Однако и в этом случае неолибералы не предполагали полного «размывания» суверенитета в связи с интеграцией, а писали лишь о возможном ограничении ряда важнейших его характеристик. Американский политолог Ф. Фукуяма отмечал, что государство сохраняет ключевые функции, исполнение которых не могут взять на себя никакие транснациональные субъекты, и остается единственным источником силы, способным обеспечить соблюдение законности [Fukuyama, 2006: 10].

Самым же важным сюжетом, разрабатывавшимся в те годы в рамках неолиберальной парадигмы, было влияние прав человека на государственный суверенитет. Неолибералы утверждали, что он не просто дает некие права, а прежде всего подразумевает обязанность обеспечить соблюдение прав человека на территории данного государства. Если же страна была не способна справиться с этим, то ее суверенитет объявлялся ограниченным настолько, что она могла стать объектом гуманитарной интервенции. По мнению М. Мандельбаума, директора американской программы внешней политики в Университете Джона Хопкинса, развернувшееся в 1990-е годы наступление на принцип невмешательства во внутренние дела было связано с общим усилением внимания к проблематике прав человека в мире, а также с тем, что после окончания «холодной войны» и распада коммунистического блока наблюдался больший, чем когда-либо, консенсус относительно того, как должно выглядеть современное государство [Mandelbaum, 1994]. Стимулом же к попыткам утвердить подобный принцип в международно-правовой практике стало одобрение ООН вмешательства во внутренние дела Боснии и Сомали. Свою роль сыграли также поддержка Организацией американских государств интервенции США на Гаити и операция НАТО в Косово.

Представители неолиберального направления признавали возможность и оправданность нарушения суверенитета под предлогом защиты прав человека. По сути, речь шла о попытке лега-

лизовать вмешательство во внутренние дела других государств, поскольку без юридического и политического обоснования такие действия могли быть восприняты как прямая агрессия. Например, как отмечал американский ученый Д. Шеффер (который стал послом США по особым поручениям по вопросам военных преступлений во время второго президентского срока У. Клинтона), государство должно выполнять свои обязательства не только перед другими странами, но и перед собственным населением, в противном случае оно должно быть готово к тому, что станет объектом интервенции [Scheffer, 1992: 262–263]. Профессор Университета Брауна и сотрудник ООН Дж. Чопра, а также профессор Университета Нью-Йорка Т. Вайс писали, что гуманитарные интервенции (или, как они их называли, «гуманитарная поддержка» — «humanitarian assistance») должны восприниматься не как действия, нарушающие суверенитет государства, а как мера, дополняющая и обеспечивающая суверенитет [Chopra, Weiss, 1992]. Такое мнение было широко распространено в США в рассматриваемый период, когда Вашингтон начал процесс выстраивания «нового мирового порядка», более того, оно было характерно не только для неолибералов, но и для неореалистов.

Во время президентства У. Клинтона обсуждение концепции «гуманитарных интервенций» и ее влияния на принцип суверенитета только усилилось. Например, С. Сассен, делая попытку проанализировать гуманитарное вмешательство, писала, что гуманитарное право приобретает наднациональный характер и подрывает тем самым суверенные права государств. Таким образом, продолжала автор, национальность перестает быть принципом, укрепляющим суверенитет, и превращается в принцип, устанавливающий, что государство подотчетно всем своим жителям на основе международного права [Sassen, 1996: 46–49]. Заслуженный профессор Гарвардского университета С. Хоффман считал, что суверенитет остается принципом обеспечения порядка, барьером против имперских и агрессивных замыслов, но вступает в противоречие с либеральными ценностями, демократией, правом на самоопределение и правами человека (которые зачастую не могут проникнуть в государство, ссылающееся на право на невмешательство), а это порождает определенный хаос в международных отношениях. По мнению ученого, подобная ситуация рано или поздно должна привести к ограничению суверенитета таким образом, что внешний его аспект полностью исчезнет, а внутренний будет разделен между составными частями государства [Hoffman, 1995]. Профессор международного

права в Университете Тафтса Х. Ханнум также считал, что права человека должны превалировать над принципами невмешательства и территориальной целостности [Hannum, 1998].

В конце 1990-х — начале 2000-х годов мнение о господстве прав человека над суверенитетом фактически доминировало в академических кругах США. Заслуженный профессор в Университете штата Мэриленд Т. Гурр писал, что согласно новому либерализму принципы гуманизма приоритетны по сравнению с суверенитетом государства и современная международная система, таким образом, состоит из трех компонентов: государств; этнических групп; региональных и международных организаций, которые все чаще регулируют отношения между двумя первыми. Автор, однако, признавал, что государства остаются главными субъектами мировой политики и великие державы в меньшей степени подвергаются угрозе нарушения своего суверенитета из-за вмешательства под предлогом защиты прав меньшинств (например, политика Китая в Тибете) [Gurr, 2000]. Доцент в колледже Хаверфорт Б. Мендельсон писал, что обоснованием вмешательства в суверенные дела государства может быть только международная защита прав и свобод человека [Mendelson, 2005: 61]. Схожую позицию поддерживал и Ф. Фукуяма, утверждавший, что США имеют полное право вмешиваться в кризисную ситуацию и брать под свой контроль те страны, которые, по их мнению, так или иначе угрожают их безопасности либо безопасности ряда третьих государств, и принцип суверенитета не может быть этому помехой [Фукуяма, 2006: 165–167]. Доцент Школы перспективных международных исследований им. Джона Хопкинса С. Стедман в свою очередь считал, что права человека должны стать важнее прав государства, поскольку это позволит создать более справедливый и безопасный мир. Автор отводил большую роль в подобной политике Соединенным Штатам, отмечая при этом, что американское руководство должно вмешиваться в ситуации, связанные с нарушением прав человека, выбирая, опираясь не на национальные интересы, а на резонанс в обществе и соизмеряя свою экономическую и политическую мощь [Stedman, 1992].

Мнения академических экспертов о гуманитарной интервенции и суверенитете государства, естественно, находили отклик и в воззрениях официальных представителей американской власти. Советник Дж. Буша-ст. и глава отдела политического планирования Госдепартамента США при Дж. Буше-мл. Р. Хаас писал, что в последние полвека понятие суверенитета менялось и

в настоящее время он обусловлен тем, как государство относится к своим гражданам. Если государство не способно или не желает защищать их права, нарушая тем самым договор между людьми и правительством, то оно лишается своего права на невмешательство во внутренние дела и, таким образом, суверенитета. Международное сообщество в результате этого получает право вмешиваться с помощью как санкций (дипломатических или экономических), так и гуманитарной интервенции, используя военную силу. Как следствие, необходимы все более широкое признание подобного измененного понимания суверенитета и поддержка конкретных мер вмешательства [Haass, 1999]. Р. Хаас также писал о том, что гуманитарная интервенция может быть предпринята для поддержки «несостоявшегося государства» («failed state»), защиты всего населения или его части от действий правительства или другой угрозы. Соединенные Штаты Америки не должны прибегать к гуманитарному вмешательству в ряде случаев: когда ситуация не является критической; когда у США недостаточно партнеров для проведения подобной политики; когда другие крупные державы выступают против таких действий [Haass, 1999]. Сенатор Д. Хелмс, председатель Комитета по международным отношениям верхней палаты Конгресса США, писал, что хотя суверенитет должен быть уважаем как принцип, власти, нарушающие права человека в своей стране (автор приводил в пример Слободана Милошевича, Фиделя Кастро и Саддама Хусейна), не могут ссылаться на него в попытке воспрепятствовать вмешательству во внутренние дела. Д. Хелмс также добавлял, что США как суверенное государство не должны искать одобрения своих действий по вмешательству в подобные ситуации со стороны ООН, поскольку «свободные нации, подвергшиеся гонениям тиранов, не должны ждать, пока помощь для них будет одобрена международным институтом, и подобные действия США являются законными по своей природе» [Helms, 2000: 31].

В итоге для приверженцев идеи верховенства гуманитарного права суверенитет был уже не инструментом поддержания международного порядка, а скорее ограничением для необходимых международных действий. По сути, эта концепция вела к тому, что понятие «суверенитет» начинало связываться более не с государством, а с человеком, в нем проживающим.

Своего рода кульминационной точкой в вопросе утверждения обозначенных взглядов стала разработка в 2001 г. комиссией Эванса—Сахнуна (официальное наименование — Международ-

ная комиссия по интервенции и государственному суверенитету, International Commission on Intervention and State Sovereignty) концепции, получившей название «ответственность за защиту» («responsibility to protect»). Г. Эванс утверждал, что борьба за права человека важнее соблюдения права на невмешательство во внутренние дела [Evans, Naím, 2001]. Нетрудно понять, что члены комиссии считали принцип суверенитета устаревшим, поскольку государство, по их мнению, «несло ответственность», причем не только за свои действия, но и за бездействие. Комиссия заявила, что ответственность за защиту населения лежит не только на отдельных государствах, но и на всем международном сообществе в лице ООН, и если власти не способны обеспечить права человека на своей территории, то ответственность переходит на межнациональный уровень, даже если это нарушает суверенитет государства. Главной целью комиссии было доказать, что когда население страдает в результате внутренней войны, мятежа, репрессий или государственной несостоятельности, а государство, о котором идет речь, не желает или не может это остановить или предотвратить, принцип невмешательства уступает место принципу международной «ответственности за защиту»⁹.

В то же время, когда речь заходила о суверенитете самих США, тональность высказываний представителей американского истеблишмента существенно менялась. Многие политики (Д. Хелмс [Helms, 1996], лидер республиканского большинства в Сенате США в середине 1990-х годов Б. Дойл [Dole, 1995], М. Олбрайт [Albright, 2003], конгрессмен от Республиканской партии Б. Гудлатте [Goodlatte, 2004]) заявляли в этой связи о необходимости сохранения и укрепления национального суверенитета. Значимость суверенитета США подчеркивали и Дж. Буш-ст.¹⁰, и У. Клинтон¹¹, и Дж. Буш-мл.¹² Официальные представители Соединенных Штатов, конечно, не могли игнорировать дискуссию, развернув-

⁹ Responsibility to protect // ООН. Available at: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf> (accessed: 03.07.2019).

¹⁰ Bush G. Address to the 46th Session of the United Nations General Assembly in New York City. 23.09.1991 // Public Papers of the Presidents. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-the-46th-session-the-united-nations-general-assembly-new-york-city> (accessed: 03.07.2019).

¹¹ Clinton W. The President's News Conference with President Ernesto Zedillo of Mexico in Mexico City. 06.05.1997 // Public Papers of the Presidents. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-with-president-ernesto-zedillo-mexico-mexico-city> (accessed: 18.04.2019).

¹² President Bush Discusses Iraq in Saturday Morning Radio Address // The White House official website. President George W. Bush. 10.04.2004. Available at: <https://>

шуюся в академическом сообществе. Так, власти признавали, что глобализация является вызовом для суверенитета государства, поскольку уменьшает способность контролировать свои границы, регулировать трансграничные потоки и защищать граждан от внешних угроз¹³. Однако США на официальном уровне всегда заявляли о несущественности для суверенитета подобных ограничений. О том, что международные экономические соглашения не подвергают опасности суверенитет государства, говорил еще Дж. Буш-ст.¹⁴ Заместитель государственного секретаря при У. Клинтоне С. Тэлботт писал, что международные обязательства и всеобъемлющая стратегия международного участия не только не ослабляют, но усиливают суверенитет государства, поскольку они помогают, в частности, США использовать международные силы в интересах собственных граждан и народов, разделяющих американские ценности [Talbot, 1997].

На неизбежность некоторого ограничения суверенитета международным правом в связи с подписанием различных соглашений (в частности, НАФТА¹⁵) указывал У. Клинтон¹⁶, который, однако, отмечал, что это не является ни в коем случае нарушением суверенитета и не уменьшает его в сколько-нибудь серьезной степени¹⁷. Р. Хаас писал, что государство должно быть готово делегировать часть своего суверенитета при взятии на себя международных обязательств, но только в том случае, если преимущества от этого шага перевешивают минусы¹⁸. В том же духе высказывался помощник госсекретаря Ф. Лой, который

georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2004/04/20040410.html (accessed: 03.07.2019).

¹³ Haass R. Sovereignty: Existing rights, evolving responsibilities. 14.01.2003 // Archive of the U.S. Department of State. Available at: <https://2001-2009.state.gov/s/p/rem/2003/16648.htm> (accessed: 01.12.2018).

¹⁴ Bush G. Remarks to a Joint Session of the Congress in Brasilia. 03.12.1990 // Public Papers of the Presidents. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-joint-session-the-congress-brasilia-brazil> (accessed: 19.04.2019).

¹⁵ Североамериканское соглашение о свободной торговле (North American Free Trade Agreement).

¹⁶ Clinton W. The President's News Conference. 08.12.1999 // Public Papers of the Presidents. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-1060> (accessed: 31.01.2018).

¹⁷ Clinton W. Interview with the Texas Media // Public Papers of the Presidents. 28.07.1993. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-the-texas-media> (accessed: 18.04.2019).

¹⁸ Haass R. Sovereignty: Existing rights, evolving responsibilities. 14.07.2003 // U.S. Department of State. Archive. Available at: <https://2001-2009.state.gov/s/p/rem/2003/16648.htm> (accessed: 01.12.2018).

говорил, что если выгоды соглашения преобладают над фактом некоторого ограничения суверенитета, то ратификация договора будет правильным решением¹⁹.

Таким образом, неолибералы в изучаемый период заняли фактически ревизионистскую позицию в отношении суверенитета, подвергнув этот принцип существенному пересмотру. Они полагали, что в условиях глобализации и растущей взаимозависимости государств в вопросах экологии, экономики и при решении ряда гуманитарных проблем становится невозможным существование абсолютного суверенитета, который, вместе с тем, остается важнейшим свойством государства. При этом следует отметить, что в изучаемый период многие ученые, представители других направлений в вопросе о суверенитете сближались с неолибералами, и это несколько «размывало» границы между ними.

Государственный суверенитет в свете конструктивистского подхода

Яркой иллюстрацией этого тезиса могут служить работы представителей близкого к неолиберализму, но обладающего выраженной спецификой конструктивистского подхода, отличающегося более внимательным изучением социальной составляющей международных отношений и влияния межгосударственной системы на само государство. Суверенитет в рамках этой парадигмы также изучался как социальная конструкция. Речь идет о том, что строительство территориального суверенного государства обусловлено многочисленными (социальными по своей природе) взаимодействиями и договоренностями. Согласно такому подходу суверенитет не наделен какими бы то ни было универсальными характеристиками: его суть формируется и определяется конкретными действиями государств в рамках системы международных отношений. Подчеркивалось также, что и действия государств, и система международных отношений изменчивы, а значит, меняется и суверенитет [Biersteker, Weber, 1996: 278].

Профессор международных отношений в Сассекском университете С. Вебер также отмечала, что суверенитет не должен восприниматься как естественная данность — он неразрывно связан с таким явлением, как интервенция. По мнению ученого,

¹⁹Loy F. Speech to American Committee on Foreign Relations. 11.05.2000 // U.S. Department of State. Archive. Available at: https://1997-2001.state.gov/policy_remarks/2000/000511_loy_global-affs.html (accessed: 03.04.2019).

интервенция сама по себе возможна, только если есть суверенитет, который она нарушает, следовательно, эти два понятия неразделимы. С. Вебер также писала, что поскольку суверенная власть исходит от народа, государство, теряющее способность представлять своих граждан, рискует утратить источник своей суверенности [Weber, 1992: 215–216].

Другой яркий представитель конструктивизма, профессор Чикагского университета А. Вендт, разделяя суверенитет на внешний и внутренний, подобно Р. Кеохейну, считал его совершенно необходимым для обеспечения верховенства права в отношениях между государствами. Согласно А. Вендту суверенитет — это институт, нормы которого принимаются государствами как должны и естественные и который существует только в силу определенных интерессубъективных договоренностей и ожиданий. Если же государства отказываются действовать согласно этим нормам, то их суверенность перестает существовать [Wendt, 1992: 412–413]. Государства уважают суверенитет друг друга добровольно, поскольку это отвечает их государственным интересам и поскольку они полагают, что таким путем достигается международная стабильность, а принуждение к соблюдению суверенитета начинается только для стран, желающих этот баланс разрушить. Таким образом, суверенитет, его взаимное признание удерживают государства от агрессивной политики, нарушающей территориальные права друг друга. В связи с этим автор образно писал: «Я не нарушаю интересы своих друзей не из-за возможных негативных или позитивных последствий подобных действий, а потому, что они мои друзья» [Wendt, 1992: 415].

А. Вендт отмечал также рост влияния международных организаций и считал, что они постоянно выдвигают всё новые требования к тому, как должна быть устроена власть внутри государств. В этом ученый видел не только снижающуюся роль внешнего аспекта суверенитета, но и серьезные предпосылки для ограничения внутреннего. Государство остается включенным в международное сообщество и сохраняет свой суверенитет, только если соблюдает критерии (которые, как отмечал автор, постоянно меняются), определяемые международными нормами и организациями [Wendt, 1999: 280–293]. В связи с этим А. Вендт писал, что любая социальная система (в том числе международное сообщество) в итоге противостоит своим членам, поощряя одно поведение и осуждая другое [Wendt, 1992: 411].

Конструктивисты размышляли также о взаимовлиянии прав человека и суверенитета, сближаясь в этом вопросе с неолибе-

ральной парадигмой. Так, тезис о том, что следует пересмотреть принцип суверенитета для того, чтобы он не противоречил необходимости осуществлять международный коллективный контроль за правами человека и за нераспространением оружия массового поражения, выдвигали Л. Файнштейн (исполняющий обязанности директора Совета по международным отношениям) и А.М. Слоутер (декан Школы общественных и международных отношений Вудро Вильсона в Принстонском университете). Они утверждали, что защита прав человека в XXI в. должна стать руководящим принципом для международного сообщества [Feinstein, Slaughter, 2004]. А.М. Слоутер изучала также влияние глобализации и отмечала, что она может привести к потере государством своей независимости (а значит, и к утрате своего суверенитета), поскольку суд, регулирующий жизнь внутри страны и разрешающий различные споры, будет находиться вне ее границ, Всемирная торговая организация и Международный валютный фонд будут определять ее финансовую и торговую политику, а ООН будет решать за страны, где применять их вооруженные силы [Slaughter, 1997]. В связи с этим автор писала о необходимости полностью переосмыслить традиционный взгляд на устройство мирового порядка, который должен характеризоваться не диалогом национальных государств, общающихся через президентов и министров или в рамках ООН, а глобальным управлением через «правительственные сети» («government networks»). Суть данной концепции заключалась в том, что мировой порядок должен быть создан из горизонтальных и вертикальных связей между различными акторами, в результате чего политический мир не будет подотчетен некоему мировому правительству, а будет состоять из стран, каждая из которых столь же важна, как и их общий центральный орган (как некий пример подобного сотрудничества А.М. Слоутер выделяла «Группу восьми» (G8) [Slaughter, 2004: 261]). В этой связи автор заключала, что и «традиционные концепции суверенитета не способны выразить сложность современных международных отношений» [Slaughter, 2004: 266–267].

В конце концов, конструктивисты полагали, что хотя государство, обладающее суверенитетом, является главным субъектом международного общения, оно испытывает серьезное влияние международной системы. Это приводит к тому, что государственный суверенитет должен быть переосмыслен и существенно ограничен гуманистическими факторами и глобализацией.

Подходы неореалистов к проблеме государственного суверенитета

Неореализм, или структурный реализм (основоположником которого принято считать американского профессора политологии в Калифорнийском университете в Беркли К. Уолтца), унаследовал свое отношение к суверенитету как к основному свойству государства у классического реализма.

За 10 лет до окончания «холодной войны» К. Уолтц писал, что суверенитет позволяет государству самому определять, как оно будет решать свои внутренние и внешние проблемы, включая и то, будет ли оно обращаться за помощью к другим странам и принимать на себя обязательства по ограничению своей свободы [Waltz, 1979: 96]. Таким образом, К. Уолтц не противопоставлял суверенитет и зависимость и считал, что суверенитет — это главным образом свойство, благодаря которому государство действует как отдельный элемент международной системы. Отечественный автор В.Н. Конышев отмечал, что суверенитет государства представители данного направления научной мысли рассматривали как нечто системообразующее, объективное и очевидное и лежащее в основе международных отношений. Основными признаками суверенного государства должны быть развитые и эффективные институты власти, признанные границы, монополия на насилие во внутренней политике [Конышев, 2010].

В 1990-е годы последователи К. Уолтца были вынуждены реагировать на желание представителей неолиберализма переосмыслить принцип суверенитета и заняли «оборонительные» позиции. Так, профессор Массачусетского университета Дж. Баркин и преподаватель Городского колледжа в Нью-Йорке Б. Кронин выделяли две разновидности суверенитета — государственный, воплощенный в нерушимости границ, и национальный, который указывает на связь между властью и населением, и считали, что именно суверенитет призван обеспечить стабильность международной системы [Barkin, Cronin, 1994: 108–110]. Неореалисты опасались, что его ослабление (например, в связи с процессами глобализации и ростом значимости прав человека, о чем писали неолибералы) увеличит угрозу использования военной силы в международных отношениях. В конечном счете часть неореалистов заняли несколько консервативную позицию в отношении суверенитета, считая, что концепции дробления его функций (которые мы найдем, например, у Р. Кеохейна [Keohane, 2003: 276–277]) подрывают международную стабильность, и достаточно критично относились к любым новым трактовкам этого ключевого понятия.

О том, что не нужно переоценивать влияние глобализации, писали К. Уолтц и Р. Гилпин. Так, К. Уолтц крайне скептически относился к идее о неизбежной «десуверенизации», считая, что уровень взаимозависимости в мире прямо пропорционален усилению роли государства, а масштабы глобализации сильно преувеличены [Waltz, 2000: 47]. С его мнением был согласен и почетный профессор Принстонского университета Р. Гилпин, который полагал, что глобализация не является необратимой, ограничивается параллельными тенденциями регионализации, более того, многие государства Азии, где проживает большая часть человечества, не вовлечены в глобальные процессы. По мнению ученого, глобализация зачастую приводит к усилению протекционизма в политике государств и нестабильности в финансовой сфере, что в свою очередь имеет следствием укрепление суверенитета [Gilpin, 2000: 294–338].

В итоге эта часть неореалистов в силу убежденности в государствоцентричности современного мира не видели серьезного вызова для государства и суверенитета в структурных изменениях, происходивших на рубеже веков.

Однако такую позицию занимали не все представители данного направления. Часть из них (сближаясь с неолиберальной парадигмой) признавали, что государство, оставаясь главным участником международного взаимодействия, стало менее самостоятельным, и наиболее отчетливо это проявлялось на примере Евросоюза. Особенно же суверенитет государства представлялся им ограниченным в ситуациях, когда дело касается решения вопросов мирового масштаба, таких как защита окружающей среды. Некоторые неореалисты, например профессор международных отношений в Стэнфордском университете С. Краснер, не отрицали определенного ограничения суверенитета, в том числе из-за глобализации [Krasner, 1999]. Ученый занимал довольно взвешенную позицию касательно глобализации, говоря о том, что наиболее важным воздействием экономической глобализации и транснационализации будет изменение сферы деятельности государственной власти, а не создание принципиально нового способа организации политической жизни [Krasner, 2001: 20]. Автор писал, что, безусловно, в некоторых сферах деятельности наднациональные структуры более эффективны, чем государства (например, в денежной политике), однако последние способны справляться с международными вызовами лучше, чем когда-либо еще в истории, а следовательно, глобализация не может

«отодвинуть в сторону» государство [Krasner, 2001: 24]. Другой американский ученый — С. Кобрин (профессор в Университете Пенсильвании), размышляя в том же ключе, писал, что территориальный суверенитет (под этим понятием он подразумевал законную власть государства над определенной территорией) потеряет силу в будущем, и вопросы о том, на чьей территории произошла та или иная транзакция, где находится то или иное финансовое учреждение и чье законодательство к нему применяется, утратит актуальность. Однако автор признавал, что он не считает правдоподобной перспективу исчезновения государства, а видит только уменьшение эффективности политического и экономического управления, ослабление взаимоисключающей территориальной юрисдикции [Kobrin, 1997: 70].

С этой частью неореалистов сближались и ряд ученых — представителей английской школы международных отношений. Суверенитет для них служил одним из тех первичных институтов-маркеров, видоизменение которого позволяет определять степень трансформации всей международной системы. Сторонники данной школы также полагали, что этот принцип остается ключевым для понимания ряда важнейших феноменов, таких как невмешательство во внутренние дела, принцип территориальной целостности и право наций на самоопределение. Представитель данного направления, почетный профессор Бостонского университета Р. Джексон определял суверенитет как юридическую идею и институт права, который характерен для политического порядка, опирающегося на независимые государства и обеспеченного верховенством власти как внутри страны, так и во внешней политике. Р. Джексон также писал, что именно на основе суверенитета в обозримой перспективе будет продолжать функционировать вся система международных отношений. Автор, сближаясь с неолибералами, полагал, что суверенитет периодически претерпевает обновления под влиянием новых исторических обстоятельств, но вместе с тем отмечал, что центральный элемент данного понятия — политическая независимость — остается неизменным [Jackson, 1999]. К. Холсти отмечал давление на государственный суверенитет со стороны транснациональных компаний и утверждал, что государства неизбежно будут вынуждены приспособиться к этому явлению. Однако автор добавлял, что результатом может стать попытка государств уменьшить влияние наднациональных субъектов, а это приведет к резкому усилению роли государства,

чему будет способствовать в том числе расширение его функций в современном мире (страны несут ответственность за экологическую обстановку, благополучие граждан, доступ к рынкам и т.п.) [Holsti, 1991: 99].

В результате приверженцам неореализма, подобно представителям неолиберальной парадигмы, также приходилось признать некоторое ограничение суверенитета государства, однако они особенно сильно акцентировали внимание на том, что суверенитет остается одним из самых важных принципов не только для государства, но и для международных отношений в целом.

Схожие элементы можно увидеть и в рамках рассмотрения неореалистами вопроса о соотношении суверенитета с процессами интеграции. Ее влияние признавалось, но не переоценивалось. Отмечалась, в частности, нереалистичность такой глубокой интеграции, какая наблюдается в случае с Евросоюзом, в других частях мира. Так, С. Краснер, приводя в пример государства, входящие в ЕС и, следовательно, добровольно поступившиеся частью своего суверенитета, утверждал, что, возможно, не всем необходима полная независимость, и это нормальный порядок вещей. Ученый, однако, был не согласен с тем, что суверенные государства в ближайшем времени перестанут существовать. Отказ же некоторых европейских стран от части своего суверенитета, по мнению ученого, не говорил о «десуверенизации» всего мира, поскольку такие государства, как США, Китай или Япония, не только не готовы уступить свой суверенитет, но и всячески его укрепляют [Krasner, 2001: 20]. В конце концов, С. Краснер писал, что Евросоюз никогда не сможет стать государством (своего рода «Соединенными Штатами Европы»), поскольку его члены имеют слишком разные интересы и сильно отличаются друг от друга в культуре и экономике. В целом исследователь полагал, что Евросоюз являет собой пример сосуществования суверенного государства и наднационального образования, а никак не вытеснения суверенитета [Krasner, 2001: 28–29].

Ученый и бывший помощник министра финансов США по международным делам Ф. Бергстен в свою очередь утверждал, что страны Северной Атлантики, вероятно, никогда не пойдут на подобную европейской интеграцию, существенно ограничив свой суверенитет. Автор добавлял, что создание и развитие Евросоюза является исключительным случаем, когда государства добровольно отказались от своего суверенитета в пользу международного сотрудничества, получив в результате этого мир и экономическое процветание [Bergsten, 1999].

Следует отметить, что именно при обращении к изучению кейса Европейского союза особенно заметной становилась отмеченная тенденция к сближению взглядов и позиций неореалистов и неолибералов в отношении сущности и перспектив развития принципа суверенитета. В частности, многие авторы констатировали, что хотя страны — члены ЕС уже не обладают полным суверенитетом в традиционном его понимании, они не лишились его вовсе. В этой связи утверждалось, что суверенитет в современных условиях следует рассматривать как совокупность ряда характеристик, которые можно, как в случае с ЕС, объединить или разделить. Так, уже упоминавшийся американский дипломат, бывший президент Совета по международным отношениям Р. Хаас говорил о суверенитете как о принципе, имеющем четыре главные характеристики. Во-первых, у суверенного государства есть высшая политическая власть и монополия на легитимное применение насилия внутри своих границ. Во-вторых, оно способно регулировать потоки товаров и людей на своих границах. В-третьих, суверенное государство принимает решения на международной арене независимо от других. Наконец, в-четвертых, оно признается другими государствами как независимый субъект, имеющий право на свободу от внешнего вмешательства. Р. Хаас подчеркивал, что эти компоненты суверенитета никогда не были абсолютными, но все вместе обеспечивают предсказуемую основу мирового порядка. Ученый также добавлял, что в настоящее время суверенитет подвергается серьезным вызовам как по причине неспособности отдельных государств эффективно осуществлять свою власть внутри страны, так и в результате развития глобализации и деятельности транснациональных компаний. Однако Р. Хаас признавал важность этого принципа и утверждал, что суверенитет во многом сформировал международное право, был источником стабильности на протяжении более 200 лет и в начале XXI в. остается существенной основой для мира, демократии и процветания²⁰.

Подобных взглядов придерживались еще целый ряд исследователей, представлявших различные направления в теории международных отношений, в частности С. Краснер [Krasner, 1999: 9–25], М. Китинг [Keating, 2002: 5–8], Б. Бузан и Р. Литтл [Buzan, Little, 2000: 359].

²⁰ Haass R. Sovereignty: Existing Rights, Evolving Responsibilities. 14.01.2003 // Archive of the U.S. Department of State. Available at: <https://2001-2009.state.gov/s/p/rem/2003/16648.htm> (accessed: 01.12.2018).

Так, С. Краснер выделял четыре вида суверенитета: «внутренний суверенитет» («domestic sovereignty»), представляющий собой организацию политической власти и способность последней осуществлять эффективное управление подконтрольной территорией; «суверенитет взаимозависимости» («interdependence sovereignty»), суть которого — в возможности государства контролировать финансовые и людские потоки, проходящие границы страны; «международно-правовой суверенитет» («international legal sovereignty»), предполагающий признание суверенной власти со стороны других суверенов, которые рассматривают ее как единственного представителя данной общности и территории; «вестфальский суверенитет» («westphalian sovereignty»), заключающийся в недопустимости вмешательства во внутренние дела государства со стороны других участников международного общения [Krasner, 1999: 9–25]. Интересно отметить, что С. Краснер выделял также «разделенный суверенитет» («shared sovereignty»), подразумевающий создание при помощи других стран или международных организаций властных структур на территории нестабильного государства. Разделение суверенитета ученый рассматривал как временное явление (например, подобный суверенитет может быть установлен в ходе миротворческих операций ООН), призванное в конечном счете укрепить внутренний суверенитет [Krasner, 1999: 119].

Об «объединении» суверенитетов стран — членов ЕС писал также, например, американский исследователь Т. Зик, который использовал в этой связи соответствующий термин — «объединенный суверенитет» («pooled sovereignty») [Zick, 2005: 265]. Разделял суверенитет на своего рода составные части и профессор Массачусетского технологического института Р. Дорнбуш, который писал, что если передача суверенитета в области обороны и внешней политики означала отказ от чего-то реального и ценного, то отказ от своей валюты, управляемой на национальном уровне, не является чем-то определяющим для суверенитета и, более того, означает передачу регулирования финансовой политики из рук недалековидных и политически уязвимых законодателей в руки консервативных менеджеров [Dornbusch, 1996].

Наконец, весьма значительные разногласия в лагере неореалистов вызвал вопрос о соотношении принципов суверенитета и защиты прав человека. Многие сторонники неореализма отмечали, что концепция «гуманитарного вмешательства» несовершенна. Так, президент Совета по международным отношениям с

1993 по 2003 г. Л. Гелб и профессор Колумбийского университета Д. Розенталь писали, что в рамках концепции «гуманитарного вмешательства» остаются неразрешенными ряд вопросов. Например, представлялось сложным определить в некоторых случаях, чьи конкретно права следует защищать, как обеспечить права меньшинств на территории великих держав, если последние их нарушают, и кто возьмет на себя огромные расходы, которые требуют данная помощь и подобная политика в целом [Gelb, Rosenthal, 2003].

Профессор Университета Джорджа Мейсона Т. Лайонс и профессор Дартмутского колледжа М. Мастандуно в свою очередь отмечали: хотя баланс между правом на суверенную независимость и возможностью вмешательства сдвигается в сторону последнего, еще слишком рано говорить о том, что международное сообщество отошло от вестфальского, по сути, понимания суверенитета и кардинально изменило свое отношение к этому принципу. Более того, по мнению исследователей, сложно не замечать возрастающее сопротивление многих стран внешнему вмешательству в свои суверенные дела [Deng et al., 1996: 17].

Защитником концепции «гуманитарной интервенции» был заслуженный профессор Принстонского университета Р. Фолк, который отмечал, что если в стране нарушаются права человека, то внешнее вмешательство в ее дела, хоть и является незаконным, представляется политически оправданным и легитимным с моральной точки зрения [Falk, 2004: 24]. Некоторые ученые, правда, акцентировали в этой связи ключевую роль ООН. Например, как полагали американские исследователи М. Байерс, С. Честерман [Byers, Chesterman, 2003: 202] и Д. Стромсет [Stromseth, 2003: 271], невозможно выработать единые критерии для проведения в жизнь гуманитарной интервенции без участия Совета Безопасности ООН, поскольку в таком случае эти действия будут удовлетворять интересам только горстки государств (договорившихся о подобных критериях), что будет в свою очередь подрывать систему международного права и позиции ООН, а вместе с ней и всего международного порядка.

В итоге можно заключить, что взгляды неореалистов на проблемы суверенитета в рассматриваемый период были весьма неоднородными. В то время как часть ученых следовали логике К. Уолтца, другие готовы были пересмотреть понимание суверенитета в связи с новыми политическими процессами (ключевой фигурой при этом выступал С. Краснер).

Как показало проведенное исследование, на рубеже XX–XXI вв. тенденция к переосмыслению содержания принципа суверенитета была характерна как для неолибералов, так и для большей части неореалистов, что создает определенную сложность в дифференциации их взглядов. В вопросе о перспективах «десуверенизации» большинство представителей обоих подходов приходили к выводу о том, что суверенитет останется одной из основных категорий международных отношений в целом, хотя и отмечали возможность снижения степени суверенности отдельных стран и формирования нового типа «гражданина мира», лояльного не отдельному государству, а негосударственным структурам. Подобные гипотетические трансформации увязывались с развитием процессов глобализации.

Еще одной ключевой проблемой, приковавшей к себе внимание как неореалистов, так и неолибералов, стало соотношение принципа национального суверенитета и концепции «гуманитарных интервенций». В этой связи в американских исследованиях конца XX — начала XXI в. сложился своеобразный консенсус, согласно которому суверенитет стал трактоваться не как неотъемлемое право или привилегия государства, а как особая обязанность, связанная с заботой о благосостоянии населения и соблюдением его прав. Из этого вывода следовало, что вмешательство в дела другого государства, которое не справляется с этой обязанностью, не должно рассматриваться как нарушение его суверенитета, а, напротив, является оправданным и легитимным.

В заключение следует отметить, что выводы и наблюдения, сделанные американскими учеными в конце XX — начале XXI в., заложили основу и предопределили базовые направления современных исследований проблематики суверенитета. Речь идет как об изучении влияния на содержание принципа суверенитета процессов глобализации [Rosenboim, 2017; Jones, 2018; Patrick, 2018; Kupchan, 2018] и интеграции [Gross, 2017], так и о дальнейшем развитии концепции «ответственности за защиту» [Carpenter, 2013; Doyle, 2015]. С этой точки зрения проведенный в данной статье анализ работ 1990–2000-х годов приобретает особую актуальность, поскольку позволяет лучше понять логику развития официальной позиции США по целому ряду ключевых вопросов современной повестки дня, в частности, связанных с проблематикой внешнего вмешательства во внутренние дела других государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М.: Европа, 2006.
2. Коньшев В.Н. Американский неореализм о проблеме суверенитета // Политэкс. 2010. Т. 6. № 4. С. 68–88.
3. Кузнецова Е.С. Ускользающий суверенитет: статус-кво против идеологии перемен. М.: Аргамак-медиа, 2013.
4. Левин И.Д. Суверенитет. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
5. Марченко М.Н. Теория государства и права. М.: Зерцало, 2004.
6. Современная мировая политика: прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект-Пресс, 2010.
7. Строева А.С. Международно-правовое признание Косово: Дисс. ... канд. юрид. наук. М.: МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2014.
8. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ, 2006.
9. Черниченко С.В. Теория международного права: В 2 т. Т. 2. Старые и новые теоретические проблемы. М.: НИМП, 1999.
10. Albright M. United Nations // Foreign Policy. 01.09.2003. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 22.03.2018).
11. Baker J.A. The politics of diplomacy: Revolution, war and peace, 1989–1992. New York: G.P. Putnam's Sons, 1995.
12. Barkin J.S., Cronin B. The state and the nation: Changing norms and the rules of sovereignty in international relations // International Organization. 1994. No. 48 (1). P. 107–130.
13. Bergsten F. America and Europe: Clash of the titans? // Foreign Affairs. March–April 1999. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/1999-03-01/america-and-europe-clash-titans> (accessed: 13.04.2018).
14. Berman S., McNamara K. Bank on democracy // Foreign Affairs. March–April 1999. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1999-03-01/bank-democracy> (accessed: 03.07.2019).
15. Biersteker T., Weber C. State sovereignty as social construct. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
16. Buzan B., Little R. International systems in world history. Remaking the study of international relations. Oxford: Oxford University Press, 2000.
17. Byers M., Chesterman S. Changing the rules about rules? // Humanitarian intervention: Ethical, legal, and political dilemmas / Ed. by J.L. Holzgrefe, R. Keohane. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 117–203.
18. Carpenter C. Responsibility to protect — or to punish // Foreign Affairs. 29.08.2013. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2013-08-29/responsibility-protect-or-punish> (accessed: 06.08.2019).
19. Chopra J., Weiss T. Sovereignty is no longer sacrosanct: Codifying humanitarian intervention // Ethics and International Affairs. 1992. Vol. 6. P. 95–117.
20. Deng F., Kimaro S., Lyons T. et al. Sovereignty as responsibility: Conflict management in Africa. Washington, D.C.: Brookings, 1996.
21. Dole B. Shaping America's global future // Foreign Policy. 01.03.1995. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 28.03.2018).

22. Dornbusch R. Euro fantasies: Common currency as panacea // Foreign Affairs. September–October 1996. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/1996-09-01/euro-fantasies-common-currency-panacea> (accessed: 04.07.2019).
23. Doyle M. The question of intervention: John Stuart Mill and the responsibility to protect. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 2015.
24. Evans G., Naim M. True believer // Foreign Policy. 01.03.2001. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 28.03.2018).
25. Falk R. Human rights // Foreign Policy. 01.03.2004. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 22.03.2018).
26. Feinstein L., Slaughter A. A duty to prevent // Foreign Affairs. January–February 2004. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2004-01-01/duty-prevent> (accessed: 05.04.2018).
27. Fukuyama F. America at the crossroads. Democracy, power, and the neo-conservative legacy. New Haven; London: Yale University Press, 2006.
28. Gelb L., Rosenthal J. The rise of ethics in foreign policy: Reaching a values consensus // Foreign Affairs. May–June 2003. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2003-05-01/rise-ethics-foreign-policy-reaching-values-consensus> (accessed: 03.07.2019).
29. Giddens A. Beyond left and right. Cambridge: Polity Press, 1995.
30. Gilpin R. The challenge of global capitalism: The world economy in the 21st century. Princeton: Princeton University Press, 2000.
31. Glanville L. Sovereignty and the responsibility to protect: A new history. Chicago: University of Chicago Press, 2013.
32. Goodlatte B. Judges without borders // Foreign Policy. 01.07.2004. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 21.04.2018).
33. Grimm D. Sovereignty: The origin and future of a political and legal concept. New York: Columbia University Press, 2015.
34. Gross S. The Brexit vote, one year later // Foreign Affairs. 23.06.2017. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2017-06-23/brexit-vote-one-year-later> (accessed: 06.08.2019).
35. Gurr T. Ethnic warfare on the wane // Foreign Affairs. May–June 2000. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2000-05-01/ethnic-warfare-wane> (accessed: 03.07.2019).
36. Haass R. Intervention. The use of American military force in the post-Cold War world. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1994.
37. Haass R. What to do with American primacy // Foreign Affairs. September–October 1999. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1999-09-01/what-do-american-primacy> (accessed: 03.07.2019).
38. Hannum H. The specter of secession: Responding to claims for ethnic self-determination // Foreign Affairs. March–April 1998. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1998-03-01/specter-secession-responding-claims-ethnic-self-determination> (accessed: 03.07.2019).
39. Helms J. American sovereignty and the UN // The National Interest. 2000. № 62. Available at: <https://nationalinterest.org/article/american-sovereignty-and-the-un-283> (accessed: 22.05.2019).

40. Helms J. Saving the U.N.: A challenge to the next secretary-general // Foreign Affairs. September–October 1996. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1996-09-01/saving-un-challenge-next-secretary-general> (accessed: 22.02.2019).
41. Hoffman S. The crisis of liberal internationalism // Foreign Policy. 01.03.1995. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 20.05.2018).
42. Holsti K. Change in the international system: Essays on the theory and practice of international relations. Brookfield: Edward Elgar, 1991.
43. Ikenberry J. America and the ambivalence of power // Current History. 2003. Vol. 102. Iss. 667. P. 377–382. Available at: <https://search.proquest.com/docview/200735840/9FD3561DF7104340PQ/1?accountid=130192> (accessed: 19.04.2018).
44. Jackson R. Sovereignty in world politics: A glance at the conceptual and historical landscape // Political Studies. 1999. Vol. 47. Iss. 3. P. 431–456. Available at: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1467-9248.00211/abstract> (accessed: 14.04.2018).
45. Joffe J. Rethinking the nation-state: The many meanings of sovereignty // Foreign Affairs. November–December 1999. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/1999-11-01/rethinking-nation-state-many-meanings-sovereignty> (accessed: 15.03.2019).
46. Jones B. American sovereignty is safe from the UN // Foreign Affairs. 28.09.2018. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-09-28/american-sovereignty-safe-un> (accessed: 06.08.2019).
47. Keating M. Plurinational democracy: Stateless nations in a post-sovereignty era. New York: Oxford University Press, 2002.
48. Keohane R. After hegemony. Cooperation and discord in the world political economy. Oxford: Princeton University Press, 1984.
49. Keohane R. Political authority after intervention // Humanitarian intervention: Ethical, legal, and political dilemmas / Ed. by J.L. Holzgrefe, R. Keohane. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 275–298.
50. Kobrin S. Electronic cash and the end of national markets // Foreign Policy. 01.06.1997. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 26.03.2018).
51. Krasner S.D. Sovereignty // Foreign Policy. 01.01.2001. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 22.03.2018).
52. Krasner S.D. Sovereignty: Organized hypocrisy. Princeton: Princeton University Press, 1999.
53. Kupchan C. Trump's nineteenth-century grand strategy // Foreign Affairs. 26.09.2018. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-09-26/trumps-nineteenth-century-grand-strategy> (accessed: 06.08.2019).
54. Lewis F. The 'G-7½' directorate // Foreign Policy. 01.11.1991. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 28.03.2018).
55. McCormick N. Questioning sovereignty. Oxford: Oxford University Press, 2009.
56. Mandelbaum M. The reluctance to intervene // Foreign Policy. 01.06.1994. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 22.03.2018).

57. Mendelson B. Sovereignty under attack: The international society meets the Al Qaeda network // *Review of International Studies*. 2005. Vol. 31. No. 1. P. 45–68.
58. Nye J. Redefining the national interest // *Foreign Affairs*. July–August 1999. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1999-07-01/redefining-national-interest> (accessed: 11.04.2018).
59. Nye J. What new world order? // *Foreign Affairs*. Spring 1992. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-03-01/what-new-world-order> (accessed: 03.07.2019).
60. Patrick S. The sovereignty wars: Reconciling America with the world // *Council on Foreign Relations*. 02.01.2018. Available at: <https://www.cfr.org/teaching-notes/sovereignty-wars> (accessed: 19.03.2018).
61. Philpott D. Westphalia, authority, and international society // *Political Studies*. 1999. Vol. 47. Iss. 3. P. 566–589. Available at: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1467-9248.00217/full> (accessed: 03.07.2019).
62. Rakove J. Europe's floundering fathers // *Foreign Policy*. 01.09.2003. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 22.03.2018).
63. Rodrik D. Sense and nonsense in the globalization debate // *Foreign Policy*. 01.06.1997. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 28.03.2018).
64. Rosenau J. *Turbulence in world politics*. Brighton: Harvester, 1990.
65. Rosenboim O. Globalism and nationalism: Why interconnectedness does not threaten sovereignty // *Foreign Affairs*. 10.07.2017. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2017-07-10/globalism-and-nationalism> (accessed: 06.08.2019).
66. Rothkopf D. In praise of cultural imperialism? // *Foreign Policy*. 01.06.1997. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 23.03.2018).
67. Sassen S. *Losing control? Sovereignty in an age of globalization*. New York: Columbia University Press, 1996.
68. Scheffer D. Toward a modern doctrine of humanitarian intervention // *University of Toledo Law Review*. 1992. Vol. 23. P. 253–293.
69. Slaughter A.M. *A new world order*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2004.
70. Slaughter A.M. The real new world order // *Foreign Affairs*. September–October 1997. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1997-09-01/real-new-world-order> (accessed: 07.08.2019).
71. Spiro P. What happened to the 'new sovereigntism'? // *Foreign Affairs*. 28.07.2004. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2004-07-28/what-happened-new-sovereigntism> (accessed: 03.07.2019).
72. Stedman S. The new interventionists // *Foreign Affairs*. 1992. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1993-02-01/new-interventionists> (accessed: 03.07.2019).
73. Stromseth J. *Rethinking humanitarian intervention // Humanitarian intervention: Ethical, legal, and political dilemmas / Ed. by J.L. Holzgrefe, R. Keohane*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 232–272.
74. Talbott S. Globalization and diplomacy: A practitioner's perspective // *Foreign Policy*. 01.09.1997. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 24.03.2018).

75. Thakur R., Maley W. Theorising the responsibility to protect. Cambridge: University Printing House, 2015.
76. Waltz K. Globalization and American power // The National Interest. 2000. No. 59. Available at: <https://nationalinterest.org/article/globalization-and-american-power-1225> (accessed: 03.07.2019).
77. Waltz K. Theory of international politics. Reading: Addison-Wesley, 1979.
78. Weber C. Reconsidering statehood: Examining the sovereignty/intervention boundary // Review of International Studies. 1992. Vol. 18. No. 3. P. 199–216. Available at: https://www.jstor.org/stable/20097298?seq=1#metadata_info_tab_contents (accessed: 07.08.2019).
79. Wendt A. Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics // International Organization. 1992. Vol. 46. No. 2. P. 391–425. Available at: https://www.jstor.org/stable/2706858?seq=1#metadata_info_tab_contents (accessed: 06.08.2019).
80. Wendt A. Social theory of international politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
81. Wright R. Pax kapital // Foreign Policy. 01.06.2000. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 28.03.2018).
82. Zick T. Are the states sovereign? Virginia, 2005. Available at: <http://scholarship.law.wm.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1295&context=facpubs> (accessed: 03.07.2019).

A.D. Katkov

THE CONCEPT OF SOVEREIGNTY IN THE US INTERNATIONAL STUDIES AT THE TURN OF THE 21ST CENTURY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

At the turn of the millennium, as the Cold War ended and the United States were striving to build a unipolar world order, academic debates about the concept of sovereignty gained new momentum in the USA. This paper examines the views on this issue of representatives of the two major schools of international relations theory at the time — neoliberalism and neorealism. The author emphasizes that at the turn of the 21st century the US academic discourse was dominated by a desire to revise traditional approaches to sovereignty as they were considered unsuitable for new post-bipolar international realities. Discussions revolved around few key issues. Firstly, both neorealists and neoliberals focused on the possible implications of globalization and integration processes for the state sovereignty. Secondly, special attention was given to the search of a proper balance between the principle of sovereignty, on the one hand, and the protection of human rights, on the other. It is against this background that the

concept of humanitarian intervention came into focus. The author stresses that at that time there appeared to be a certain convergence on the issues of sovereignty between the representatives of almost all key approaches in the US IR studies. For instance, it was a predominant assumption among the neoliberals and constructivists as well as the most part of the neorealists that a limitation of sovereignty was inevitable. Some experts pointed out that the processes of globalization and integration necessarily led to a 'dilution' of state sovereignty. Others suggested to decompose the principle of sovereignty into several parts. Still others stressed the indisputable importance of sovereignty as a basic principle, but admitted a necessity to adapt it to the new IR realities. Moreover, the US academic community almost unanimously accepted the priority of human rights over the principle of sovereignty and non-interference in domestic affairs of other states. As a result, the promotion of human rights was considered to be an international responsibility rather than an internal affair of a state. This, in turn, led to the emergence of the concept of 'responsibility to protect', which conditioned the state sovereignty not by its inherent rights but by its capacity to effectively protect its citizens' human rights. This review of sovereignty researches published in 1990s and 2000s seems important for understanding the dynamics of the US official stance on a range of key issues of a current IR agenda, including the problem of foreign interference in internal affairs of other states.

Keywords: sovereignty, the United States, world order, globalization, international law, supranational institutions, interference in internal affairs, post-bipolarity, humanitarian intervention.

About the author: *Alexey D. Katkov* — PhD Candidate at the Chair for Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ADKatkov@mail.ru).

REFERENCES

1. Kokoshin A.A. 2006. *Real'nyi suverenitet v sovremennoi miropoliticheskoi sisteme* [Real sovereignty in the modern world-political system]. Moscow, Evropa Publ. (In Russ.)
2. Konyshchev V.N. 2010. Amerikanskii neorealizm o probleme suvereniteta [American neorealism on the issue of sovereignty]. *Politeks*, vol. 6, no. 4, pp. 68–88. Available at: <http://www.politeks.info/content/view/760/30/> (accessed: 13.04.2018). (In Russ.)
3. Kuznetsova E.S. 2013. *Uskol'zayushchii suverenitet: status-kvo protiv ideologii peremen* [Escaping sovereignty: The status quo against the ideology of change]. Moscow, Argamak-media Publ. (In Russ.)
4. Levin I.D. 2003. *Suverenitet* [Sovereignty]. Saint-Petersburg, Juridicial center Press Publ. (In Russ.)
5. Marchenko M.N. 2004. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, Zertsalo Publ. (In Russ.)

6. Bogaturov A.D. (ed.). 2010. *Sovremennaya mirovaya politika: prikladnoi analiz* [Modern world politics: Applied analysis]. Moscow, Aspekt-Press Publ. (In Russ.)
7. Stroeveva A.S. 2014. *Mezhdunarodno-pravovoe priznanie Kosovo* [International legal recognition of Kosovo]. Moscow. (In Russ.)
8. Fukuyama F. 2006. *State-building: Governance and world order in the 21st century* [Russ. ed.: Fukuyama F. *Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoi poryadok v XXI veke*. Moscow, AST Publ.].
9. Chernichenko S.V. 1999. *Teoriya mezhdunarodnogo prava: V 2 t. T. 2. Starye i novye teoreticheskie problemy* [The theory of international law. In 2 vol. Vol. 2. Old and new theoretical problems]. Moscow, NIMP Publ. (In Russ.)
10. Albright M. 2003. United Nations. *Foreign Policy*. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 22.03.2018).
11. Baker J.A. 1995. *The politics of diplomacy: Revolution, war and peace, 189–1992*. New York, G.P. Putnam's Sons.
12. Barkin J.S., Cronin B. 1994. The state and the nation: Changing norms and the rules of sovereignty in international relations. *International Organization*, no. 48 (1), pp. 107–130.
13. Bergsten F. 1999. America and Europe: Clash of the titans? *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/1999-03-01/america-and-europe-clash-titans> (accessed: 13.04.2018).
14. Berman S., McNamara K. 1999. Bank on democracy. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1999-03-01/bank-democracy> (accessed: 03.07.2019).
15. Biersteker T., Weber C. 1996. *State sovereignty as social construct*. Cambridge, Cambridge University Press.
16. Buzan B., Little R. 2000. *International systems in world history. Remaking the study of international relations*. Oxford, Oxford University Press.
17. Byers M., Chesterman S. 2003. Changing the rules about rules? In Holzgrefe J.L., Keohane R. (eds.). *Humanitarian intervention: Ethical, legal, and political dilemmas*. Cambridge, Cambridge University Press. P. 117–203.
18. Carpenter C. 2013. Responsibility to protect — or to punish. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2013-08-29/responsibility-protect-or-punish> (accessed: 06.08.2019).
19. Chopra J., Weiss T. 1992. Sovereignty is no longer sacrosanct: Codifying humanitarian intervention. *Ethics and International Affairs*, vol. 6, pp. 95–117.
20. Deng F., Kimaro S., Lyons T. et al. 1996. *Sovereignty as responsibility: Conflict management in Africa*. Washington, D.C., Brookings.
21. Dole B. 1995. Shaping America's global future. *Foreign Policy*. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 28.03.2018).
22. Dornbusch R. 1996. Euro fantasies: Common currency as panacea. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/1996-09-01/euro-fantasies-common-currency-panacea> (accessed: 04.07.2019).
23. Doyle M. 2015. *The question of intervention: John Stuart Mill and the responsibility to protect*. New Haven, Connecticut, Yale University Press.
24. Evans G., Naím M. 2001. True believer. *Foreign Policy*. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 28.03.2018).

25. Falk R. 2004. Human rights. *Foreign Policy*. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 22.03.2018).
26. Feinstein L., Slaughter A. 2004. A duty to prevent. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2004-01-01/duty-prevent> (accessed: 05.04.2018).
27. Fukuyama F. 2006. *America at the crossroads. Democracy, power, and the neoconservative legacy*. New Haven, London, Yale University Press.
28. Gelb L., Rosenthal J. 2003. The rise of ethics in foreign policy: Reaching a values consensus. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2003-05-01/rise-ethics-foreign-policy-reaching-values-consensus> (accessed: 03.07.2019).
29. Giddens A. 1995. *Beyond left and right*. Cambridge, Polity Press.
30. Gilpin R. 2000. *The challenge of global capitalism: The world economy in the 21st century*. Princeton, Princeton University Press.
31. Glanville L. 2013. *Sovereignty and the responsibility to protect: A new history*. Chicago, University of Chicago Press.
32. Goodlatte B. 2004. Judges without borders. *Foreign Policy*. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 21.04.2018).
33. Grimm D. 2015. *Sovereignty: The origin and future of a political and legal concept*. New York, Columbia University Press.
34. Gross S. 2017. The Brexit vote, one year later. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2017-06-23/brexit-vote-one-year-later> (accessed: 06.08.2019).
35. Gurr T. 2000. Ethnic warfare on the wane. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2000-05-01/ethnic-warfare-wane> (accessed: 03.07.2019).
36. Haass R. 1994. *Intervention. The use of American military force in the post-Cold War world*. Washington, D.C., Carnegie Endowment for International Peace.
37. Haass R. 1999. What to do with American primacy. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1999-09-01/what-do-american-primacy> (accessed: 03.07.2019).
38. Hannum H. 1998. The specter of secession: Responding to claims for ethnic self-determination. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1998-03-01/specter-secession-responding-claims-ethnic-self-determination> (accessed: 03.07.2019).
39. Helms J. 2000. American sovereignty and the UN. *The National Interest*, no. 62. Available at: <https://nationalinterest.org/article/american-sovereignty-and-the-un-283> (accessed: 22.05.2019).
40. Helms J. 1996. Saving the U.N.: A challenge to the next secretary-general. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1996-09-01/saving-un-challenge-next-secretary-general> (accessed: 22.02.2019).
41. Hoffman S. 1995. The crisis of liberal internationalism. *Foreign Policy*. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 20.05.2018).
42. Holsti K. 1991. *Change in the international system: Essays on the theory and practice of international relations*. Brookfield, Edward Elgar.

43. Ikenberry J. 2003. America and the ambivalence of power. *Current History*, vol. 102, iss. 667, pp. 377–382. Available at: <https://search.proquest.com/docview/200735840/9FD3561DF7104340PQ/1?accountid=130192> (accessed: 19.04.2018).
44. Jackson R. 1999. Sovereignty in world politics: A glance at the conceptual and historical landscape. *Political Studies*, vol. 47, iss. 3, pp. 431–456. Available at: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1467-9248.00211/abstract> (accessed: 14.04.2018).
45. Joffe J. 1999. Rethinking the nation-state: The many meanings of sovereignty. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/1999-11-01/rethinking-nation-state-many-meanings-sovereignty> (accessed: 15.03.2019).
46. Jones B. 2018. American sovereignty is safe from the UN. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-09-28/american-sovereignty-safe-un> (accessed: 06.08.2019).
47. Keating M. 2002. *Plurinational democracy: Stateless nations in a post-sovereignty era*. New York, Oxford University Press.
48. Keohane R. 1984. *After hegemony. Cooperation and discord in the world political economy*. Oxford, Princeton University Press.
49. Keohane R. 2003. *Political authority after intervention*. In Holzgrefe J.L., Keohane R. (eds.). *Humanitarian intervention: Ethical, legal, and political dilemmas*. Cambridge, Cambridge University Press. P. 275–298.
50. Kobrin S. 1997. Electronic cash and the end of national markets. *Foreign Policy*. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 26.03.2018).
51. Krasner S. 2001. Sovereignty. *Foreign Policy*. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 22.03.2018).
52. Krasner S. 1999. *Sovereignty: Organized hypocrisy*. Princeton, Princeton University Press.
53. Kupchan C. 2018. Trump's nineteenth-century grand strategy. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-09-26/trumps-nineteenth-century-grand-strategy> (accessed: 06.08.2019).
54. Lewis F. 1991. The 'G-7½' directorate. *Foreign Policy*. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 28.03.2018).
55. McCormick N. 2009. *Questioning sovereignty*. Oxford, Oxford University Press.
56. Mandelbaum M. 1994. The reluctance to intervene. *Foreign Policy*. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 22.03.2018).
57. Mendelson B. 2005. Sovereignty under attack: The international society meets the Al Qaeda network. *Review of International Studies*, vol. 31, no. 1, pp. 45–68.
58. Nye J. 1999. Redefining the national interest. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1999-07-01/redefining-national-interest> (accessed: 11.04.2018).
59. Nye J. 1992. What new world order? *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-03-01/what-new-world-order> (accessed: 03.07.2019).

60. Patrick S. 2018. The sovereignty wars: Reconciling America with the world. *Council on Foreign Relations*. Available at: <https://www.cfr.org/teaching-notes/sovereignty-wars> (accessed: 19.03.2018).
61. Philpott D. 1999. Westphalia, authority, and international society. *Political Studies*, vol. 47, iss. 3. Available at: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1467-9248.00217/full> (accessed: 03.07.2019).
62. Rakove J. 2003. Europe's floundering fathers. *Foreign Policy*. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 22.03.2018).
63. Rodrik D. 1997. Sense and nonsense in the globalization debate. *Foreign Policy*. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 28.03.2018).
64. Rosenau J. 1990. *Turbulence in world politics*. Brighton, Harvester.
65. Rosenboim O. 2017. Globalism and nationalism: Why interconnectedness does not threaten sovereignty. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2017-07-10/globalism-and-nationalism> (accessed: 06.08.2019).
66. Rothkopf D. 1997. In praise of cultural imperialism? *Foreign Policy*. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 23.03.2018).
67. Sassen S. 1996. *Losing control? Sovereignty in an age of globalization*. New York, Columbia University Press.
68. Scheffer D. 1992. Toward a modern doctrine of humanitarian intervention. *University of Toledo Law Review*, vol. 23, pp. 253–293.
69. Slaughter A.M. 2004. *A new world order*. Princeton, Oxford, Princeton University Press.
70. Slaughter A.M. 1997. The real new world order. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1997-09-01/real-new-world-order> (accessed: 07.08.2019).
71. Spiro P. 2004. What happened to the 'new sovereigntism'? *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2004-07-28/what-happened-new-sovereigntism> (accessed: 03.07.2019).
72. Stedman S. 1992. The new interventionists. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1993-02-01/new-interventionists> (accessed: 03.07.2019).
73. Stromseth J. 2003. Rethinking humanitarian intervention. In Holzgrefe J.L., Keohane R. (eds.). *Humanitarian intervention: Ethical, legal, and political dilemmas*. Cambridge, Cambridge University Press. P. 232–272.
74. Talbott S. 1997. Globalization and diplomacy: A practitioner's perspective. *Foreign Policy*. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 24.03.2018).
75. Thakur R., Maley W. 2015. *Theorising the responsibility to protect*. Cambridge, University Printing House.
76. Waltz K. 2000. Globalization and American power. *The National Interest*, no. 59. Available at: <https://nationalinterest.org/article/globalization-and-american-power-1225> (accessed: 03.07.2019).
77. Waltz K. 1979. *Theory of international politics*. Reading, Addison-Wesley.
78. Weber C. 1992. Reconsidering statehood: Examining the sovereignty/intervention boundary. *Review of International Studies*, vol. 18, no. 3, pp. 199–216.

Available at: https://www.jstor.org/stable/20097298?seq=1#metadata_info_tab_contents (accessed: 07.08.2019).

79. Wendt A. 1992. Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. *International Organization*, vol. 46, no. 2. Available at: https://www.jstor.org/stable/2706858?seq=1#metadata_info_tab_contents (accessed: 06.08.2019).

80. Wendt A. 1999. *Social theory of international politics*. Cambridge, Cambridge University Press.

81. Wright R. 2000. Pax kapital. *Foreign Policy*. Available at: <http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document> (accessed: 28.03.2018).

82. Zick T. 2005. *Are the states sovereign?* Virginia. Available at: <http://scholarship.law.wm.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1295&context=facpubs> (accessed: 03.07.2019).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Д.В. Ефременко*

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ПОСЛЕ РАСШИРЕНИЯ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук»
117218, Москва, ул. Кржижановского, 15, корп. 2*

В статье рассматриваются новые задачи, стоящие перед Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) после присоединения к ней Индии и Пакистана в качестве полноправных членов. Расширение ШОС за счет этих двух государств означает существенное увеличение ее экономического и политического веса, но одновременно привносит в повестку ее работы межгосударственные противоречия, которые прежде имели для организации периферийное значение.

Особое внимание в статье уделяется расстановке сил внутри ШОС. Автор констатирует, что решающую роль для дальнейшего развития организации будет играть кооперация в рамках треугольника «Россия–Индия–Китай» (РИК). В этом контексте очерчиваются два сценария. Первый предполагает, что российско-китайские и российско-индийские отношения будут развиваться в целом позитивно, однако отношения между Китаем и Индией останутся проблемными. Отмечается, что участие Индии в ШОС, скорее всего, станет еще одним фактором, препятствующим эволюции организации в антизападный геополитический альянс. При благоприятных условиях все три державы смогут формулировать общую позицию по наиболее значимым международным вопросам или своевременно реагировать на кризисные явления в сферах экономики и безопасности. Второй сценарий предполагает поступательное углубление и расширение сотрудничества в формате РИК, базирующееся на общем видении геополитических трансформаций в Большой Евразии. В этом случае можно прогнозировать, что со временем ШОС станет базисом формирования Большого Евразийского партнерства.

* *Ефременко Дмитрий Валерьевич* — доктор политических наук, заместитель директора Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (e-mail: efdv2015@mail.ru).

Отдельный сюжетный блок в статье посвящен проблеме безопасности, которая традиционно является одним из приоритетных направлений деятельности ШОС вообще и в регионе Центральной Азии — в частности и которая в условиях расширения организации и возрастания ее геополитической роли приобрела новые измерения. Наибольшее значение в 2018–2019 гг. имели усилия стран ШОС (по отдельности и в рамках организации) по достижению внутриафганского урегулирования в условиях вывода контингентов США и НАТО из Афганистана, равно как и недопущение прорыва экстремистских и террористических групп из северного Афганистана на территорию стран Центральной Азии. Автор приходит к выводу, что в ближайшие годы именно ШОС будет играть ключевую роль в структурировании Большой Евразии и укреплении полицентричного мирового порядка.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, безопасность Центральной Азии, афганское урегулирование, треугольник «Россия–Индия–Китай», геополитические трансформации в Евразии.

В 2018 г. начался новый этап в истории Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), связанный с расширением состава ее полноправных членов за счет Индии и Пакистана. Уже одно это событие является достаточным для того, чтобы рассмотреть новую расстановку сил внутри ШОС, изменение характера ее задач и эффективности функционирования. Но еще более значимым стимулом для анализа проблематики ШОС становятся принципиальные изменения мирового порядка, создающие условия для частичного переопределения миссии этой организации.

Шанхайская организация сотрудничества практически с первого дня своего существования привлекает внимание политических обозревателей и аналитиков, исследователей международных отношений, специалистов по проблемам безопасности. При этом сохраняются существенные различия в подходах к проблематике ШОС у западных, российских и китайских исследователей. В значительной степени это является отражением различных трактовок характера и перспектив российско-китайских отношений, поскольку для ШОС именно они играют ключевую роль.

В западной научной литературе длительное время преобладал скепсис в оценке стабильности и долгосрочного характера российско-китайского сотрудничества. В русле этого подхода ШОС виделась в качестве неустойчивого и функционально огра-

ниченного альянса, появившегося в исторически преходящей ситуации относительной близости интересов Москвы и Пекина. Альтернативная позиция части западного экспертного сообщества сводится к алармизму, связанному не столько с успехами организации, сколько с эрозией глобального доминирования Запада, которую ШОС может лишь несколько ускорить [Bailes, Dunay, 2007]. При этом любые значимые инициативы России и Китая (включая шаги по развитию сотрудничества в рамках ШОС) зачастую интерпретируются как производное от отношений каждой из этих стран с Западом. Явно или неявно, но мировая политика рассматривается этими экспертами в качестве игры с нулевой суммой, где выигрыш одной из сторон равнозначен проигрышу другой стороны. Некоторые западные исследователи в последние годы высказывали предположения, что новым фактором, существенно отягощающим российско-китайское партнерство в рамках ШОС, станет «украинский кризис». По крайней мере, осторожная позиция Пекина по этому вопросу иногда интерпретировалась как явный признак приближающейся российско-китайской дивергенции [Lanteigne, 2018]. Однако фактическая динамика российско-китайского партнерства как в формате ШОС, так и за ее рамками не подтверждает такого рода прогнозы.

Постепенно в западном экспертном сообществе усиливает позиции более сбалансированный подход в отношении ШОС. Не затушевывая таких проблем организации, как институциональная слабость, различия целевых установок стран-участниц, недемократический характер их политических режимов и т.д., представители данного направления отмечают стратегический характер российско-китайского партнерства и его трансформирующую роль для всей системы международных отношений. В ШОС они видят не просто инструмент продвижения политики Москвы и/или Пекина, но механизм сопряжения интересов всех участников организации. Иными словами, эксперты признают, что логика игры с нулевой суммой в ШОС вовсе не доминирует, и соответственно конфронтация с Западом не является для стран-участниц смыслообразующей [Antonenko, 2007; Aris, 2011].

Аналогичный подход характерен и для российского экспертного эйнстрима. Вместе с тем в России присутствуют разные точки зрения, частично воспроизводящие диапазон западных оценок задач, эффективности и перспектив развития ШОС. Некоторые авторы акцентируют роль организации в сдерживании проникновения США и НАТО в Центрально-Азиатский регион,

рассматривая ШОС в качестве еще одного контура безопасности, дополняющего Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ); другие исследователи обращают внимание на большой потенциал энергетических и инфраструктурных проектов, раскрытию которого способствует ШОС [Колдунова, 2013].

Многие китайские эксперты, обращаясь к проблематике ШОС, делают акцент на том, что активное участие КНР в создании этой организации имело характер инновации для внешней политики Пекина, позволившей получить новый инструмент реализации китайских интересов в регионе Центральной Азии [Guan, Jian, 2006; Song, 2014]. По сути, это первая региональная организация, в которой оказались объединены столь крупные державы, как Китай и Россия. Сложность взаимодействия между членами ШОС обусловлена очевидной асимметрией ресурсного потенциала Китая, России и центральноазиатских участников. Тем не менее перевод сотрудничества в прагматичное русло и решение на этой основе ряда важных задач (урегулирование пограничных проблем, налаживание связей в сфере безопасности и др.) рассматриваются как несомненное достижение китайской внешней политики [Huasheng, 2013]. После 2013 г., когда председатель КНР Си Цзиньпин провозгласил инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП), проблематика ШОС обычно рассматривается китайскими исследователями в контексте более широких трансформаций, связанных с реализацией этой инициативы. Они обращают внимание на ценность накопленного в рамках организации опыта многостороннего сотрудничества и большое значение сохранения стабильности Центрально-Азиатского региона, рассматривая при этом функционирование ШОС до 2013 г. в качестве важного фактора, благоприятствовавшего выдвижению инициативы ОПОП и повышению доверия стран Центральной Азии к мотивам китайской экономической экспансии [Rab, Zhilong, 2019]. В современных условиях ШОС расценивается как платформа для повышения качества планирования и продвижения инициативы ОПОП. Вместе с тем китайские исследователи, акцентируя возможности синергии ШОС и ОПОП, отмечают востребованность функционала организации, связанного с обеспечением безопасности и борьбой с «силами трех зол»: сепаратизмом, терроризмом и религиозным экстремизмом.

В целом можно констатировать, что проблематика ШОС заняла прочное место в отечественных и зарубежных исследованиях регионализма, евразийской безопасности и геополитики. Сегодня внимание исследователей привлекают и новые тенден-

ции, связанные с расширением ШОС за счет Индии и Пакистана. Этим изменениям посвящена и настоящая статья. В ней предполагается проанализировать динамику развития ШОС в расширенном составе, выявить элементы преемственности и новизны по отношению к предыдущим этапам функционирования организации. Речь, по сути, идет о том, сможет ли ШОС стать значимой составляющей геополитических изменений на Евразийском континенте, сохранив при этом свою стабилизирующую роль для региона Центральной Азии. Особое внимание будет уделено интересам и долгосрочным целеполаганиям основных участников обновленной ШОС, возможностям обеспечения конструктивного диалога внутри организации, а также перспективам взаимодействия с внешними акторами.

Предпосылки трансформации миссии ШОС

Изначально в географическом отношении деятельность ШОС была сфокусирована на Центральной Азии — стратегически значимом регионе, где была опасность возникновения серьезной конкуренции между Россией и Китаем. И уже на раннем этапе своего существования ШОС успешно справилась с задачей формирования институциональной основы для урегулирования пограничных проблем между КНР и государствами, возникшими в результате распада Советского Союза. Для Китая включение в состав новой организации части государств Центральной Азии имело дополнительное значение, связанное с опасениями Пекина за стабильность в Синьцзян-Уйгурском автономном районе [Sutter, 2010].

Совместная работа в ШОС Китая и России внесла большой вклад в предотвращение конфликта интересов двух великих держав в Центрально-Азиатском регионе; в дальнейшем возникли основания говорить о «разделении труда» и о взаимодополняющих функциях: Россия вносит основной вклад в поддержание безопасности региона, тогда как Китай лидирует в сферах торговли, инвестиций и инфраструктурного строительства [Contessi, 2010]. Несомненно, достижение взаимопонимания между двумя странами по центральноазиатской проблематике и общая атмосфера конструктивного сотрудничества («шанхайский дух») способствовали укреплению российско-китайского стратегического партнерства.

Дружественные отношения с Россией обеспечивают Китаю в плане безопасности гигантскую стратегическую глубину на Севере и Северо-Западе, исключая на этих направлениях любую

возможность деструктивного воздействия США. Благодаря совместным усилиям Китая и России в рамках ШОС американское и иное внешнее влияние в странах Центральной Азии редуцировано до приемлемого уровня, что, впрочем, в самих Соединенных Штатах многие эксперты и представители военно-политического истеблишмента рассматривают как геостратегический вызов [McClellan, 2013; Bader, 2016].

Сделав основной упор в своей работе на проблемы безопасности в Центральной Азии, ШОС после 2005 г. уделяла значительное внимание новым угрозам, связанным с «цветными революциями». Технология поддержки извне массовых протестов, направленных на свержение правящих режимов, была неоднократно использована США и другими странами Запада на постсоветском пространстве, однако в регионе Центральной Азии это не принесло им геополитических дивидендов. Даже Киргизия, пережившая такого рода политические потрясения в 2005 и 2010 гг., в конечном счете пошла на еще более тесное сближение с Россией и Китаем. В Узбекистане массовые беспорядки в Андижане в мае 2005 г. были решительно подавлены, вслед за чем президент этой страны Ислам Каримов, заручившись твердой поддержкой Москвы и Пекина, принял решение о прекращении американского присутствия на авиабазе Карши-Ханабад. Принципиальное значение имело принятие 5 июля 2005 г. на саммите ШОС в Астане декларации с призывом к Вашингтону определить сроки вывода своих баз из региона Центральной Азии¹; тогда же был отклонен запрос США на получение статуса наблюдателя в ШОС и в то же время такой статус был предоставлен Ирану [Wishnick, 2009]. В 2014 г. американские военные прекратили использование киргизского аэропорта Манас в качестве транзитного пункта (до 2009 г. — авиабазы возглавляемой США антитеррористической коалиции).

Не ставя перед собой задачи сформировать военно-политический альянс, страны ШОС сумели добиться существенного прогресса в обеспечении безопасности Центральной Азии и ограничении дестабилизирующего внешнего воздействия. Тем самым формировались благоприятные предпосылки для развития экономического сотрудничества в регионе, хотя сама ШОС до сих пор не стала тем форматом, в рамках которого можно

¹ Декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (Астана, 05.07.2005) // Гарант. Доступ: <http://base.garant.ru/12140898/> (дата обращения: 15.06.2019).

достичь существенного упрощения условий взаимной торговли и стимулировать инвестиционную активность. Это привело к тому, что на протяжении 2010-х годов все чаще раздавались голоса о политической аморфности ШОС, одностороннем характере ее деятельности и даже о возможном исчерпании миссии организации².

В течение 2010-х годов действительно происходили важные изменения как на постсоветском пространстве, так и на всем Евразийском континенте. Возникавшие структуры и инициативы «встраивали» страны ШОС в новую сеть экономического сотрудничества и взаимозависимости [Malle, 2017]. В числе важнейших событий этого периода необходимо назвать преобразование Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана в Евразийский экономический союз — ЕАЭС (с последующим присоединением к нему Армении и Киргизии), провозглашение председателем КНР Си Цзиньпином инициативы ОПОП и решение лидеров Китая и России о сопряжении этой инициативы и интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. На концептуальном уровне эти фундаментальные изменения были интерпретированы российскими экспертами как важнейшая геополитическая трансформация — начало формирования макрорегиона «Большая Евразия»³ [Бордачев, 2015; Ефременко, 2016; Kuznetsova, 2017]. В июне 2016 г. президент России Владимир Путин на Петербургском экономическом форуме заявил о перспективе создания Евразийского партнерства, которое может стать внешним интеграционным контуром по отношению к ЕАЭС. Согласно В. Путину помимо ЕАЭС участниками Большого евразийского партнерства могут быть страны СНГ, Китай, Индия, Пакистан, Иран и другие заинтересованные государства⁴.

Нетрудно заметить, что географический ареал Большого евразийского партнерства практически совпадает с территорией государств, являющихся полноправными членами ШОС или имеющих в этой организации статус наблюдателя. В связи с этим

²См.: Габуев А. Уфы, друзья: почему ШОС и БРИКС значат для России больше, чем для других участников // Совет по внешней и оборонной политике. 09.07.2015. Доступ: <http://svop.ru/main/15967/> (дата обращения: 24.06.2019); Малашенко А. ШОС — политически очень аморфная организация // Коммерсант. 23.06.2016. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/3019732> (дата обращения: 24.06.2019).

³Караганов С.А. С Востока на Запад, или Большая Евразия // Россия в глобальной политике. 25.10.2016. Доступ: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/S-Vostoka-na-Zapad-ili-Bolshaya-Evraziya-18438> (дата обращения: 14.06.2019).

⁴Путин призвал создать Большое евразийское партнерство // ТАСС. 17.06.2016. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/3376295> (дата обращения: 14.06.2019).

ШОС может рассматриваться в качестве наиболее серьезного претендента на роль международной организации, способной упорядочить становление Большой Евразии.

Для решения этой задачи, с одной стороны, необходима высокая степень пластичности, позволяющая повысить роль ШОС как платформы для диалога и регулярного взаимодействия все большего числа стран. При этом надо избежать соблазна преждевременной разработки претендующих на универсальность документов наподобие Хельсинкского заключительного акта 1975 г. С другой стороны, ШОС не должна превращаться лишь в площадку для риторических упражнений на тему трансконтинентального сотрудничества. По возможности сохраняя все прежние достижения, организация могла бы выступить в роли инкубатора множества соглашений и инициатив в сферах безопасности, торговли, решения экологических проблем, культурного и научно-технического взаимодействия. По мере развития этого процесса начнет образовываться сеть формализованных взаимосвязей, партнерств и институтов на региональном, межрегиональном и трансрегиональном уровнях, в конечном счете — в масштабах Большой Евразии. Во всяком случае, такое развитие событий представлялось оптимальным накануне присоединения к ШОС Индии и Пакистана в качестве полноправных членов организации [Ефременко, 2016].

Наконец, с точки зрения понимания роли ШОС на современном этапе и перспектив ее трансформации большое значение имеют процессы, связанные с международным положением России и обстановкой внутри страны. Внешняя и оборонная политика Кремля отражает понимание российским руководством невозможности преодолеть конфронтацию с Соединенными Штатами в обозримом будущем, не поступаясь при этом жизненно важными национальными интересами. 1 марта 2018 г. в Послании Федеральному Собранию Владимир Путин объявил о разработке и постановке на вооружение новых видов стратегического оружия, которые не используют баллистические траектории полета при движении к цели, тем самым сводя практически к нулю эффективность системы противоракетной обороны потенциального противника. Общая оснащенность Вооруженных Сил России современным оружием за последние годы возросла в 3,7 раза; на вооружение принято более 300 новых образцов военной техники; количество носителей высокоточного оружия большой дальности увеличилось более чем в 12 раз,

а высокоточных крылатых ракет — более чем в 30 раз⁵. Достигнут существенный прогресс в модернизации систем противовоздушной обороны, подводных лодок и средств радиоэлектронной борьбы, оснащении Военно-космических сил.

Сирийская операция продемонстрировала высокую эффективность действий российских военных в условиях региональных конфликтов. Предотвратив устранение режима Башара Асада и внося важнейший вклад в восстановление контроля Дамаска над большей частью территории Сирии, Москва показала решимость и способность защищать своих союзников не только на постсоветском пространстве. Более того, реализуя гибкую дипломатическую стратегию и взаимодействуя почти со всеми внутренними и внешними акторами сирийского кризиса, Россия обозначила пределы американского военно-дипломатического влияния на всем Ближнем и Среднем Востоке.

В отличие от эпохи «холодной войны», современное противостояние России и США не носит идеологического характера, по крайней мере с российской стороны. Эта конфронтация, в сущности, не является глобальной, поскольку охватывает постсоветское пространство и некоторые из прилегающих к нему регионов Евразии. С точки зрения России, готовность США и других стран Запада признавать и уважать ее жизненно важные интересы в этой части мира может стать основой возобновления конструктивного диалога, а в дальнейшем — и сотрудничества между Москвой и Вашингтоном. Однако политические элиты США и ряда стран Европейского союза не только отвергают саму возможность достижения компромисса с Россией на основе баланса интересов, но и пытаются переопределить природу конфронтации, представляя ее как конфликт ценностей и подводя под нее фиктивный идеологический фундамент («борьба либеральной демократии с авторитарными режимами»).

В настоящее время появляются основания говорить о качественном изменении динамики мировой политики, поскольку США при Дональде Трампе провозгласили Китай и Россию основными силами, бросающими вызов американскому могуществу, влиянию и интересам⁶. При этом в тексте Стратегии

⁵ Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента России. 01.03.2018. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 14.06.2019).

⁶ National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 14.06.2019).

национальной безопасности США, подписанном Д. Трампом в декабре 2017 г., именно Китай рассматривается как держава, способная уверенно противостоять Соединенным Штатам по максимальному набору параметров. Балансируя на грани развязывания беспрецедентной по масштабам торговой войны и решившись на юридическое преследование ключевых фигур китайского бизнес-сообщества, Вашингтон подтвердил, что рассматривает Пекин в качестве принципиального оппонента. Достижение компромиссных соглашений между США и КНР по вопросам торговли и инвестиций вполне возможно, но, по всей видимости, оно не будет означать изменение основного вектора китайско-американских отношений.

Рассматривая Китай и Россию как угрозу и в свою очередь угрожая важнейшим интересам этих стран, США способствуют дальнейшему укреплению российско-китайского стратегического партнерства. По своим масштабам и задачам оно все в большей степени может приближаться к неформальному союзу, условия и устойчивость которого не регламентируются рамочным межгосударственным соглашением.

С точки зрения перспектив развития ШОС, несомненно, эти тенденции будут иметь самые серьезные последствия. Появляются основания говорить о «пекинско-московском консенсусе»⁷ — своеобразной системе совместного влияния, направленной на обеспечение стабильности макрорегиона Центральной Евразии и предполагающей защиту интересов России и Китая при функциональном распределении ролей между ними. Безусловно, при этом будет происходить сокращение экономического, военного и политико-идеологического влияния США на этот макрорегион. В то же время общее ослабление американской гегемонии в глобальном контексте не исключает продолжения и даже наращивания экономического взаимодействия Центральной Евразии с Европой, другими регионами и странами, где доминирует западная политико-институциональная модель.

Строго говоря, ШОС на протяжении большей части своего существования способствовала движению в этом направлении, и многие западные исследователи акцентировали именно этот аспект деятельности организации [Allison, 2004; Арис, 2008]. Китай и Россия имели достаточно рычагов, чтобы альянс и в

⁷ Cau E. The geopolitics of Beijing-Moscow consensus // The Diplomat. 14.01.2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/01/the-geopolitics-of-the-beijing-moscow-consensus> (accessed: 10.06.2019).

дальнейшем выступал в качестве важного инструмента «пекинско-московского консенсуса». Однако предпочтение было отдано тому, чтобы сделать ШОС более многосторонней организацией, способной учитывать широкий спектр интересов и проецировать стабилизирующее влияние далеко за пределы Центральной Азии. Таким образом, развитие событий подтвердило оценки тех исследователей, которые подчеркивали, что для России и Китая первостепенное значение имеет не трансформация ШОС по лекалам западных теорий интеграции, а максимальное использование потенциала этой организации в структурировании регионального пространства [Колдунова, 2013].

Данный выбор, согласованный между Москвой и Пекином, представляется весьма дальновидным: российско-китайское стратегическое партнерство по-прежнему остается центром гравитации в Центральной Азии, но ШОС способствует привлечению других стран и регионов к более масштабному формату геополитических трансформаций, в котором наряду с Китаем и Россией очень важную роль предстоит сыграть Индии. При этом Москва и Пекин фактически согласились с тем, что ШОС не будет выступать в качестве непосредственного оппонента руководимых США альянсов.

Такое изменение функциональных задач и географического ареала является для ШОС серьезным вызовом, требующим значительных организационных усилий и дипломатического мастерства, поэтому можно считать большой удачей, что в первый год после расширения организации председательство в ней осуществлял Китай.

Саммиты в Циндао и Бишкеке: новый виток развития ШОС

Кульминационным пунктом китайского председательства в ШОС стала встреча в верхах глав государств и правительств, проходившая 9–10 июня 2018 г. в Циндао. Успех этого мероприятия еще раз подтвердил, насколько большое значение имеет опыт китайской дипломатии в проведении многосторонних встреч такого уровня.

Очень важными для благоприятного исхода встречи руководителей ШОС были предварительные переговоры в неформальной обстановке между председателем КНР Си Цзиньпином и премьер-министром Индии Нарендрой Модии в Ухане. В ходе этих переговоров в основном удалось преодолеть напряжен-

ность, связанную с инцидентами на плато Доклам⁸ летом 2017 г., а также с политическим кризисом на Мальдивских островах⁹, и переключиться на развитие конструктивной политической и экономической повестки в двусторонних отношениях, в форматах ШОС и БРИКС. Если учесть, что после переговоров в Ухане Н. Модди также провел встречу с В. Путиным в Сочи, то становится понятно: трехстороннее взаимодействие в формате Россия–Индия–Китай (РИК) следует рассматривать в качестве основы дальнейшего развития ШОС.

Символичным совпадением стало одновременное проведение в Квебеке саммита G7. Но если «семерка» традиционно характеризуется как одна из институций глобального управления, то после саммита в Циндао некоторые обозреватели впервые начали рассматривать в этом качестве и ШОС¹⁰. После расширения организация оказалась вполне сопоставимой с «Группой семи» по военно-стратегическому потенциалу, ресурсным возможностям, а с точки зрения совокупного объема ВВП (по паритету покупательной способности) ШОС даже превзошла страны G7.

⁸ Плато Доклам (Дунла), расположенное на стыке границ Китая, Индии и Бутана, является объектом территориального спора между КНР и Бутаном. В июне 2017 г. китайская сторона начала работы по прокладке автомагистрали на этом плато. Индия, поддерживающая суверенитет Бутана, отреагировала вводом на данную территорию воинского контингента, воспрепятствовавшего проведению строительных работ. Пекин в свою очередь также усилил там свое военное присутствие, причем индийские и китайские воинские подразделения располагались в опасной близости друг от друга. В августе 2017 г. напряженность удалось снизить благодаря восстановлению статус-кво. Вместе с тем Китай продолжает развитие дорожной инфраструктуры на своей территории, непосредственно примыкающей к плато Доклам.

⁹ Выборам президента Мальдивской Республики, состоявшимся в сентябре 2018 г., предшествовал острый политический кризис, вызванный решением Верховного суда страны, отменившего приговор экс-президенту М. Нашиду. Занимавший пост президента А. Ямин счел решение Верховного суда попыткой переворота и ввел в стране чрезвычайное положение сроком на 1 месяц. В ходе кризиса А. Ямин пользовался поддержкой Китая, тогда как представителей оппозиции поддерживала Индия. На президентских выборах победу одержал представитель оппозиционных сил И.М. Солих.

¹⁰ Putz C. A West in crisis, an East rising? Comparing the G7 and the SCO // The Diplomat. 12.06.2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/06/a-west-in-crisis-an-east-rising-comparing-the-g7-and-the-sco/> (accessed: 10.06.2019); Косырев Д. ШОС в Циндао: Слишком много или слишком мало геополитики? // Радио «Спутник». 11.06.2018. Доступ: <https://sputnik.by/columnists/20180611/1035948830/itogi-sammita-shos-china.html> (дата обращения: 14.06.2019).

Как известно, саммит в Квебеке был омрачен серьезными разногласиями его участников по ряду вопросов, прежде всего в связи с резким усилением протекционизма в мировой торговле. В итоге делегация США отказалась подписывать заключительную декларацию, а президент Д. Трамп покинул саммит еще до его официального завершения. На этом фоне лидеры стран ШОС в Циндао убедительно продемонстрировали готовность к поступательному развитию сотрудничества, а в итоговой декларации сформулировали согласованные подходы по ряду ключевых проблем глобальной экономики и мировой политики. Следует отметить, что декларации саммитов ШОС характеризует очевидная преемственность по отношению как друг к другу, так и к Хартии ШОС, принятой в 2002 г.¹¹ Декларация саммита в Циндао не является исключением, но тем важнее ее содержательные новации, которые отличают ее от других, более ранних документов ШОС.

Уже в преамбуле Декларации содержится указание на то, что система международных отношений «в настоящее время переживает период крупных перемен и серьезной перенастройки, геополитический ландшафт становится разнообразным и многополярным, более тесными становятся связи между странами», но при этом «усиливаются факторы нестабильности и неопределенности», в числе которых важную роль играют односторонние протекционистские меры и другие вызовы в международной торговле, обострение конфликтов в ряде регионов, резкий рост угроз терроризма, незаконного оборота наркотиков и организованной преступности, эпидемий инфекционных заболеваний и климатических изменений¹². Признавая переходный и турбулентный характер современных международных отношений, страны ШОС демонстрируют готовность внести значительный, если не решающий вклад в объединение усилий мирового сообщества для противодействия этим глобальным вызовам. По крайней мере, на Евразийском континенте именно у стран — членов ШОС есть достаточный потенциал и возможности для решения этих задач. Принципиальное значение имеет поддержка всеми странами расширенной ШОС позитивной программы

¹¹ Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт Президента России. 07.06.2002. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 14.07.2019).

¹² Циндаоская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт Президента России. 10.06.2018. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/5315> (дата обращения: 14.06.2019).

строительства международных отношений нового типа, воплощающих взаимное уважение, справедливость, равенство, взаимовыгодное сотрудничество, — программы, концептуальной основой которой являются идеи создания сообщества единой судьбы человечества¹³.

Несмотря на расширение географического охвата ШОС, в Циндаоской декларации значительное внимание по-прежнему уделено проблемам Центральной Азии. По-видимому, в этом проявилось стремление снять возможные опасения, что расширение ШОС приведет к ухудшению стратегической позиции этого региона и даже к его периферизации [Luzyanin et al., 2018]. В частности, в Декларации выражена поддержка усилиям «стран Центрально-Азиатского региона по активизации сотрудничества в политической, экономической, культурно-гуманитарной и других сферах»¹⁴, причем отдельная позитивная характеристика дана первой консультативной встрече глав государств Центральной Азии (г. Астана, 15 марта 2018 г.).

Следует отметить, что эти новые тенденции в регионе Центральной Азии были обусловлены в первую очередь политическими изменениями в Узбекистане. Шавкат Мирзиёев, избранный президентом этой страны после смерти Ислама Каримова, в короткий срок резко активизировал внешнюю политику. Благодаря его усилиям удалось добиться прорыва в урегулировании значительной части пограничных проблем с Киргизией, Туркменистаном, Казахстаном и Таджикистаном. Узбекско-таджикские отношения, прежде являвшиеся наиболее напряженными в группе стран Центральной Азии, вышли на траекторию нормализации. Существенный прогресс был достигнут даже по наиболее болезненной для Узбекистана и Таджикистана проблеме использования водных ресурсов и гидротехнического строительства. Произошла значительная активизация работы по развитию транспортных коридоров в Центральной Азии, осуществлению инфраструктурных и энергетических проектов. Ташкент выступил инициатором создания Консультативного

¹³ Совместное формирование новых партнерских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы — Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН // The China Internet Information Center. Доступ: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-11/02/content_36956721_2.htm (дата обращения: 14.06.2019).

¹⁴ Циндаоская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт Президента России. 10.06.2018. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/5315> (дата обращения: 14.06.2019).

совета глав государств Центральной Азии; в 2018 г. узбекская дипломатия также внесла активный вклад в поиски путей урегулирования конфликта в Афганистане. Узбекистан, таким образом, сумел наглядно продемонстрировать, что является ключевой страной региона, способной существенно влиять на динамику не только двустороннего, но и многостороннего сотрудничества в Центральной Азии.

Циндаоская декларация позволила прояснить отношение России и Китая к новому формату взаимодействия центральноазиатских государств, в котором участвует и сохраняющий нейтральный статус Туркменистан. Важные новации в межгосударственных отношениях стран Центрально-Азиатского региона рассматриваются Пекином и Москвой как вполне совместимые с инициативой ОПОП, интеграционными процессами в рамках ЕАЭС и возможностями кооперации внутри ШОС. Эта же линия на поддержку новых форматов сотрудничества стран Центральной Азии была подтверждена и в ходе саммита руководителей ШОС в Бишкеке 13–14 июня 2019 г.

Вместе с тем декларации саммитов в Циндао и Бишкеке показали, что различия в подходах к важным вопросам многостороннего сотрудничества в Евразии полностью устранить не удастся. В Циндаоской декларации высказана поддержка сопряжения китайской инициативы ОПОП и интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Однако в перечне стран ШОС, поддержавших такой подход, отсутствует Индия¹⁵. Тем самым Нью-Дели продолжает демонстрировать сдержанное отношение к китайской инициативе. В то же время индийская сторона воздержалась от того, чтобы вовсе заблокировать какое-либо упоминание о сопряжении.

Создание Банка развития ШОС, точнее, размер доли каждой из стран в его уставном капитале достаточно долгое время остается предметом расхождений между Россией и КНР. На встрече в Циндао лидеры стран-участниц подтвердили свое стремление к поиску общей позиции по этой проблеме, острота которой, впрочем, заметно снизилась благодаря существенному расширению в последние годы банковской инфраструктуры ШОС и Большой Евразии, включающей Межбанковское объединение

¹⁵ Аналогичная формулировка была использована и в Декларации, принятой на Саммите лидеров стран ШОС в Бишкеке в 2019 г.: Бишкекская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт Президента России. 14.06.2019. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/5421> (дата обращения: 15.06.2019).

ШОС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Новый банк развития БРИКС, Фонд Шелкового пути, Китайско-евразийский фонд экономического сотрудничества. При этом достаточно спорная тема возможной интеграции АБИИ и Азиатского банка развития в Циндаоской и Бишкекской декларациях не упоминалась.

Сменившая Китай в порядке ротации в качестве председателя ШОС Киргизия продемонстрировала преемственность в отношении позиций, сформулированных на этапе подготовки расширения и в ходе китайского председательства. Пройдя через первый кризис, связанный с обострением исторического соперничества двух новых полноправных членов ШОС (февраль 2019 г.), организация сохранила свою устойчивость. При этом основным источником угроз, связанных с безопасностью для Центрально-Азиатского региона и для ШОС в целом, оставался Афганистан.

Новая расстановка сил внутри ШОС

Как видно из предыдущих разделов настоящей статьи, расширение ШОС за счет Индии и Пакистана означает как существенный рост ее политико-экономического веса, так и неизбежную абсорбцию этой организацией тех межгосударственных противоречий, которые прежде имели для нее периферийное значение. Речь идет, во-первых, о глубоких разногласиях между Индией и Пакистаном, сопровождающих всю историю их существования в качестве независимых государств, во-вторых, о территориальных спорах между КНР и Индией, препятствующих достижению между ними глубоких доверительных отношений, и, в-третьих, о том, что решающим фактором дальнейшего развития ШОС становится взаимодействие в треугольнике РИК.

Индо-пакистанское соперничество потенциально является наиболее серьезной проблемой, способной привести к существенному ослаблению эффективности ШОС. Однако работа организации в расширенном составе в 2018 г. дает повод для осторожного оптимизма. Совершенно очевидно, что в 2018 г. и Пакистан, и Индия стремились к тому, чтобы их противоречия не сказались негативно на функционировании альянса. Возможно, руководство обеих стран хотело показать, что вступление в ШОС является для них серьезным внешнеполитическим достижением, тем более что индийская оппозиция (в частности, ряд видных деятелей Индийского национального конгресса) критиковали Н. Моди за «поспешное» присоединение Индии

к ШОС в качестве полноправного члена¹⁶. Но можно сказать и то, что новые участники организации прониклись «шанхайским духом» в достаточной степени, чтобы вместе работать по тем направлениям, где они могут извлечь взаимную выгоду. Разумеется, расчеты на то, что длящийся более 70 лет индо-пакистанский конфликт удастся урегулировать в формате ШОС, являются нереалистичными. В частности, Индия весьма негативно относится к каким-либо попыткам вывести этот вопрос за рамки двусторонних отношений. Однако одновременное участие в ШОС этих двух государств может расширить сферы и нарастить опыт их позитивного взаимодействия, создав со временем более благоприятную атмосферу для поиска путей урегулирования фундаментальных разногласий.

Россия весьма заинтересована в нормализации индо-пакистанских отношений, однако, не имея возможности оказать существенное влияние на этот процесс, фактически вынуждена балансировать между Нью-Дели и Исламабадом, рассматривая при этом Индию в качестве партнера первостепенного значения. Тем не менее в отношениях с этим партнером Москве подчас приходится искать нестандартные аргументы. Например, проведение Россией и Пакистаном в сентябре 2017 г. совместных антитеррористических учений «Дружба-2017» в районе подконтрольной Исламабаду территории Кашмира было понято Нью-Дели как четкий сигнал недовольства со стороны Москвы, связанного с готовностью индийских властей диверсифицировать источники поставок военной авиации. В результате Индия вновь нарастила закупки российской военной техники¹⁷.

Новая ситуация полноправного и одновременного участия Индии и Пакистана в ШОС позволяет России более решительно идти по пути укрепления сотрудничества с Пакистаном. Существенное сближение позиций по Афганистану и ухудшение отношений обеих стран с США создают возможности для вывода двустороннего взаимодействия на уровень продвинутого партнерства. Политические элиты России и Пакистана все более осознают, что стратегические интересы их стран продолжают сближаться, и не последнюю роль в этом играют их дружественные отношения с Китаем. Также весьма существенно,

¹⁶ «Индия идет по канату над пропастью, и периодически кажется, что падение неизбежно». Экс-замглавы МИД страны Шаши Тарур — о попытках балансировать между мировыми державами // Коммерсант. 22.01.2019. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/3859730> (дата обращения: 14.06.2019).

¹⁷ Там же.

что Пакистан поддерживает действия России в Сирии, хотя это и осложняет его отношения с таким важным партнером, как Саудовская Аравия¹⁸.

Россия заинтересована в расширении доступа на рынок Пакистана, даже несмотря на тяжелое положение, в котором сейчас находится экономика этой страны. В России растет интерес к использованию Китайско-пакистанского экономического коридора и порта Гвадар [Mirza, Lodhi, 2017; Garlick, 2018], хотя в силу географических и логистических факторов экономическая эффективность освоения значительным количеством российских грузоотправителей этого маршрута пока не до конца очевидна.

Таким образом, Россия будет стремиться использовать новые возможности сотрудничества в рамках ШОС как для содействия снижению степени напряженности в пакистано-индийских отношениях, так и для укрепления российско-пакистанского партнерства. Однако политика балансирования все же сохранится, хотя и будет применяться более выборочно и, вероятно, в более широком геостратегическом контексте. Так, можно предположить, что, расширяя военно-техническое сотрудничество с Исламабадом, Москва будет тем самым предостерегать Нью-Дели от чрезмерного сближения с США в формате Четырехстороннего диалога (Quad)¹⁹. В этом плане сотрудничество на базе ШОС представляется тем более перспективным, что увлечение индийской элиты концептом Индо-Тихоокеанского региона и особенно перспективами партнерства с США, Японией и Австралией обусловлено в решающей степени комплексом проблем китайско-индийских отношений.

Как известно, бывший премьер-министр России Евгений Примаков выступил с идеей трехстороннего диалога РИК еще

¹⁸ Ramani S. Russia and Pakistan: A durable anti-American alliance in South Asia // The Diplomat. 21.04.2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/04/russia-and-pakistan-a-durable-anti-american-alliance-in-south-asia/> (accessed: 10.06.2019).

¹⁹ Четырехсторонний диалог по проблемам безопасности (Quad), участниками которого являются Австралия, Индия, США и Япония, был инициирован в 2007 г. премьер-министром Японии С. Абэ. В ноябре 2017 г. руководители этих стран на встрече в Маниле приняли решение активизировать взаимодействие в четырехстороннем формате. Интенсификацию взаимодействия четырех стран по вопросам безопасности следует рассматривать в более широком контексте Индо-Тихоокеанской стратегии США, продвигаемой администрацией Д. Трампа. См. подробнее: Indo-Pacific strategy report. Preparedness, partnerships, and promoting a networked region // The Department of Defense. 01.06.2019. Washington, D.C., 2019. Available at: <https://www.defense.gov/Newsroom/Releases/Release/Article/1863396/dod-releases-indo-pacific-strategy-report/> (accessed: 14.06.2019).

в декабре 1998 г. Несмотря на первоначальный и едва ли не повсеместный скепсис, эта идея со временем стала все более обстоятельно обсуждаться экспертным сообществом, а уже в 2006 г. состоялась первая встреча лидеров РИК в Санкт-Петербурге, давшая «зеленый свет» формированию группы БРИК (в настоящее время — БРИКС). Трехстороннее взаимодействие России, Индии и Китая продолжает и сегодня выполнять функцию несущего каркаса БРИКС. Точно так же этот трехсторонний формат становится доминантой и в ШОС, хотя чисто гипотетически можно представить ситуацию, когда организация возвращается к прежнему составу участников и вновь фокусирует свое внимание на регионе Центральной Азии. РИК, разумеется, никогда не представлял собой антиамериканский альянс, тем не менее данный формат способствовал тому, что ведущие страны незападного мира все более уверенно заявляли о своих правах на достойное место в мировом порядке XXI века.

Можно говорить о двух сценариях взаимодействия России, Индии и Китая и их влияния на ШОС. Первый сценарий предполагает, что наиболее позитивными характеристиками в этом треугольнике будут отличаться российско-китайские и российско-индийские отношения, тогда как взаимодействие между Китаем и Индией будет более проблемным и иметь периоды как подъема, так и спада. В этом случае роль России будет состоять в том, чтобы способствовать достижению в рамках РИК работоспособных компромиссов по текущей повестке ШОС и БРИКС. При благоприятных обстоятельствах три страны смогут формулировать общую позицию по значимым международным проблемам или своевременно реагировать на те или иные кризисные процессы в сферах экономики или безопасности. Второй сценарий предполагает постепенное качественное углубление и расширение сотрудничества в формате РИК, основанное на общем видении геополитических трансформаций в Большой Евразии. В этом случае можно предположить, что именно ШОС с течением времени станет основой формирования Большого евразийского партнерства [Alimov, 2018].

В настоящее время более реалистичным выглядит первый вариант. Заявляя о многовекторности своей внешней политики, Индия стремится к укреплению своих позиций как крупной державы, дружественные отношения с которой хотят развивать все ведущие мировые игроки. Средствами достижения этих целей являются и диалог в формате РИК, и полноправное членство в ШОС, и участие в Quad вместе с США, Японией и Австрали-

ей. С точки зрения геополитики концепция Большой Евразии предлагает Индии роль одной из главных опор формирующегося макрорегиона. В свою очередь концепция Индо-Тихоокеанского региона «помещает Индию в центр региональной системы безопасности»²⁰, препятствуя установлению на этой территории чьего-либо единоличного преобладания. Правда, будучи доведенной до своего логического завершения, концепция Индо-Тихоокеанского региона означает вовлечение Индии в «сдерживание» Китая под руководством США. Но если Нью-Дели сделает этот шаг и интегрируется в руководимые Вашингтоном военно-политические альянсы, то это будет означать, что Индия окажется по другую сторону геополитического фронта и по отношению к России. Москва, безусловно, будет предостерегать своего партнера от движения в этом направлении. В самой Индии, несмотря на явное увлечение значительной части политической элиты и экспертного сообщества идеей Индо-Тихоокеанского региона, также звучат предостережения об опасностях слишком тесного сближения с США²¹.

Можно предположить, что как правительство Н. Модии, так и другие ответственные политические силы Индии, продолжая развитие отношений в рамках Quad и приближаясь затем к определенной черте риска (ее можно назвать и красной линией), вновь будут акцентировать постулат о стратегической автономии и многовекторности своей внешней политики. Ряд индийских экспертов рекомендуют сохранять участие Индии в различных многосторонних форматах сотрудничества, поскольку такое участие, во-первых, подтверждает рост ее авторитета на мировой арене и, во-вторых, отражает потребность в демонстрации своего повсеместного присутствия в качестве глобального игрока²². Нежелание нанести непоправимый ущерб исторически дружественным отношениям с Россией также может быть одним из

²⁰ Unjhwala Y.T. Quad needs both economic & military plan for Indo-Pacific // Economic Times. 23.02.2018. Available at: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/quad-needs-both-economic-military-plan-for-indo-pacific/articleshow/63049831.cms> (accessed: 10.06.2019).

²¹ Joshi M. Why India should be wary of the Quad // The Wire. 13.11.2017. Available at: <https://thewire.in/external-affairs/india-us-japan-australia-quadrilateral-alliance> (accessed: 10.06.2019).

²² Unnikrishnan N., Purushothaman U. Indian approaches to multilateral cooperation and institutions in Eurasia // Russia in Global Affairs. 09.01.2019. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/valday/Indian-Approaches-to-Multilateral-Cooperation-and-Institutions-in-Eurasia-19932> (accessed: 14.06.2019).

аргументов в пользу сдержанного подхода к вовлеченности в американский проект Индо-Тихоокеанского региона.

Вместе с тем участие Индии в ШОС, скорее всего, станет преградой для эволюции этой организации в направлении антизападного геополитического альянса, хотя немалая часть российских экспертов полагают возможным такое развитие событий [Балакин, 2018]. Очевидно, что совместное противостояние гегемонистскому курсу США — это в первую очередь ключевое направление стратегического партнерства России и Китая, а также группы поддерживающих их стран, перечень которых не полностью совпадает с нынешним составом ШОС.

Что касается российско-индийского элемента треугольника РИК, то здесь есть свои особенности. В отличие от всестороннего и постоянно совершенствующегося партнерства России и Китая, отношения Москвы с Нью-Дели в основном продолжают базироваться на инерции прежних советско-индийских связей, военно-технического сотрудничества и далекой от системной полноты торгово-экономической кооперации.

Вместе с тем отсутствие серьезного конфликта интересов и давние традиции дружбы являются важными, но недостаточными основаниями для дальнейшего развития российско-индийских отношений. В России еще не до конца осознали, что, в отличие от советской эпохи, Индия больше не будет играть роль младшего партнера, что по своему экономическому весу эта страна вошла в число мировых лидеров и что амбиции ее политической и экономической элиты очень серьезны. Очевидно, потребуются коррекция подходов с российской стороны. Не менее значимой является задача обновления модели торгово-экономического сотрудничества между Москвой и Нью-Дели. В данном случае обе стороны должны приложить значительные усилия к достижению существенного прогресса, включая ликвидацию имеющихся бюрократических барьеров и улучшение условий инвестирования. Недостаточная (особенно по сравнению с Китаем) экспортная ориентированность индийской экономики в известном смысле облегчает задачу формирования зоны свободной торговли между Индией, Россией и другими странами ЕАЭС. Большое значение для перспектив российско-индийской торговли и экономического сотрудничества будет иметь открытие мультимодального транспортного коридора Север—Юг, включающего также Иран и Азербайджан. Данный транспортный коридор является меридиональным и, с точки зрения России, служит важным дополнением, а не противовесом по отношению

к широтным транспортным коридорам, формируемым в рамках инициативы ОПОП.

В целом можно говорить о том, что дружественным российско-индийским отношениям еще предстоит пройти этап модернизации. Для обеих стран эти отношения имеют самостоятельное значение. По всей видимости, Индия и Россия и далее будут развивать сотрудничество таким образом, чтобы укреплять свое положение в качестве мощных и влиятельных игроков в трансформирующейся системе международных отношений. При этом Москва будет прилагать усилия, чтобы и взаимодействие в формате РИК было как можно более содержательным и конструктивным, позволяло находить решение все более масштабных проблем в интересах России, Индии и Китая, а также государств, с которыми эти страны сотрудничают в рамках ШОС и БРИКС. В конечном счете речь должна идти о формировании Большого евразийского партнерства с активным участием Индии. В любом случае Россия глубоко заинтересована в активном участии Нью-Дели в процессе становления Большой Евразии и, напротив, в предотвращении дрейфа Индии в сторону альтернативных геополитических проектов.

Динамика развития ШОС в целом благоприятствует дальнейшему расширению состава полноправных членов этой организации. Несомненно, первым кандидатом на получение этого статуса является Иран, причем к данной перспективе позитивно относятся и в Москве, и в Пекине. Тегеран играет активную и конструктивную роль в решении афганских проблем. Вместе с тем существуют факторы, в силу которых Исламская Республика все же не обретет статус члена ШОС в самом ближайшем будущем. Формально основным препятствием для этого служат возражения со стороны Таджикистана, однако можно предположить, что Россия и Китай при желании найдут убедительные аргументы для изменения его позиции. Скорее большую неопределенность создают кризисная динамика на Ближнем и Среднем Востоке, где Иран играет значительную роль, а также отказ администрации Д. Трампа от иранской ядерной сделки и санкционное давление Вашингтона на Тегеран. В этой связи можно ожидать дальнейшей интенсификации взаимодействия Ирана и стран — членов ШОС, но пока без формального изменения статуса ИРИ как наблюдателя.

Равным образом можно прогнозировать активное развитие контактов между ШОС и Турцией. Ее членство в организации пока представляется маловероятным; в любом случае, характер

взаимодействия Анкары с ШОС будет определяться прогрессом в урегулировании сирийского кризиса. Однако при этом очевидна общая тенденция расширения географического ареала сферы интересов ШОС: если первоначально это была главным образом Центральная Азия, то с присоединением Индии и Пакистана добавились Южная Азия и бассейн Индийского океана. Интенсификация взаимодействия ШОС с Ираном и Турцией будет означать, что в сферу интересов организации попадают также Средний и Ближний Восток, Северная Африка и Восточное Средиземноморье. Но одновременно из этого вытекает, что ШОС так или иначе будет стремиться к обеспечению безопасного формирования новых транспортных коридоров и цепочек добавленной стоимости в масштабе большей части Евразийского континента.

Ситуация в Афганистане как вызов для ШОС

В контексте расширения и обновления геополитической роли ШОС приобретает новое измерение и проблематика безопасности, традиционно являющаяся одним из приоритетных направлений деятельности организации вообще и в регионе Центральной Азии в частности. В первую очередь речь идет о функционировании Региональной антитеррористической структуры ШОС (РАТС), штаб-квартира которой располагается в Ташкенте. В Циндаоской декларации задачи РАТС определены в соответствии с предложениями китайской стороны как борьба с «тремя силами зла»: терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. В документах встречи в Циндао особый акцент был сделан на молодежном измерении этой борьбы, поскольку именно молодежь (особенно в Центрально-Азиатском регионе) является основной целевой группой, распространить влияние на которую стремятся террористические, сепаратистские и экстремистские организации²³. В такой постановке проблемы безопасности следует видеть еще один успех китайского председательства. Согласие всех членов ШОС с необходимостью противостояния «трем силам зла» также особенно важно в связи с тем, что в будущем внутри РАТС возможно усиление противоречий между Индией и Пакистаном по вопросу о том, какие конкретно группы следует считать террористическими и экстремистскими.

²³ Совместное обращение глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества к молодежи. Циндао // Центральный интернет портал Шанхайской организации сотрудничества. 10.06.2018. Доступ: <http://infoshos.ru/ru/?id=149> (дата обращения: 10.07.2019).

В то же время в связи с расширением ШОС новое значение приобретает ситуация в Афганистане. Если прежде он мог рассматриваться скорее в качестве внешнего фактора центрально-азиатской безопасности, то теперь урегулирование ситуации в этой стране оказывается столь же значимым для дальнейшей работы ШОС в целом. За исключением США все внешние участники афганского урегулирования являются полноправными членами ШОС или имеют статус наблюдателя (Иран). Разумеется, различие интересов отдельных стран-членов может и, вероятно, будет проявляться в отношении конкретных политических и военных параметров внутриафганского урегулирования, роли в этом процессе движения «Талибан» (запрещено в России), а также американского присутствия в Афганистане. Опасение, в частности, может вызывать проекция индо-пакистанских противоречий на афганский конфликт.

Вместе с тем очевидно, что в дальнейшем безопасность Центральной Азии и установление мира в Афганистане будут все чаще рассматриваться странами ШОС не как две отдельные, хотя и взаимосвязанные проблемы, но как единый процесс. Эффективное решение задач по борьбе с проникновением в регион международных террористических организаций и сетевых структур, ростом организованной преступности, наркотрафиком, распространением идей исламского экстремизма требует комплексного подхода. Именно такой подход был продемонстрирован в ходе подготовки и проведения Международной конференции высокого уровня по Афганистану «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие» (г. Ташкент, 27 марта 2018 г.), инициатором созыва которой стал президент Узбекистана Ш. Мирзиёев²⁴.

В 2018–2019 гг. Россия при поддержке стран ШОС также внесла значительный вклад в поиски внутриафганского урегулирования. Несмотря на официальный запрет «Талибана» в нашей стране, российская дипломатия исходила из реалистичной оценки развития событий в Афганистане, выстраивая диалог с основными группами, оказывающими влияние на военно-политическую ситуацию в этом государстве. Судя по всему, перспективы продвижения межафганского диалога в Московском формате наряду

²⁴ Ташкентская международная конференция высокого уровня по Афганистану «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие». 05.03.2018 // Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. Доступ: <https://mfa.uz/ru/press/statements/2018/03/14123/> (дата обращения: 12.07.2019).

с установкой Д. Трампа на прекращение или радикальное сокращение прямого американского военного участия в конфликтах на Ближнем и Среднем Востоке побудили США активизировать собственные дипломатические усилия. Под давлением Вашингтона правительство Ашрафа Гани на протяжении 2018 г. тормозило переговоры в многостороннем Московском формате, несмотря на постоянное ухудшение ситуации с безопасностью и расширение неконтролируемой этим правительством части территории Афганистана. В результате в начале 2019 г. американские дипломаты вступили в прямые переговоры с «Талибаном», а оставленному в стороне президенту А. Гани²⁵ пришлось напоминать афганцам о печальной участи своего предшественника Наджибуллы, казненного талибами в 1996 г.

Торможение межафганского диалога в Московском формате вовсе не означает, что у России, Китая, Пакистана, Индии, других стран — членов ШОС больше нет возможностей влиять на ситуацию в Афганистане. Скорее можно говорить о временной паузе, когда вопрос о выводе американских войск будет согласовываться напрямую США и талибами. Но даже на этом этапе и «Талибан», и правительство в Кабуле будут заинтересованы в расширении диалога со странами ШОС (включая также Иран, имеющий в этой организации статус наблюдателя). В случае вывода американских войск начнет усиливаться вакуум безопасности, и те власти, которые в тот момент будут фактически контролировать большую часть территории Афганистана, неизбежно активизируют взаимодействие с ведущими странами ШОС и, вероятно, с организацией в целом. Перед ШОС, таким образом, встанет задача широкого содействия (за исключением прямого военного вмешательства) дальнейшей стабилизации в Афганистане и недопущения переброски террористических группировок (прежде всего так или иначе связанных с «ИГ»²⁶) на территорию стран Центральной Азии.

Между тем в российском военно-дипломатическом и экспертном сообществе всерьез опасаются возможной преднаме-

²⁵ U.S., Taliban move closer to deal on American troop exit // The Washington Post. 28.01.2019. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/afghan-president-calls-for-direct-talks-with-taliban-us-tentatively-agrees-on-framework-that-could-lead-to-troop-withdrawal/2019/01/28/23ecbaba-22f9-11e9-81fd-b7b05d5bed90_story.html?utm_term=.d65100dd3cf2 (accessed: 10.06.2019).

²⁶ «Исламское государство» («ИГ») — террористическая организация, запрещенная на территории России.

ренной дестабилизации в Центрально-Азиатском регионе как «сопутствующего» результата американской «стратегии выхода»²⁷. Основная угроза в данном случае может исходить вовсе не от «Талибана», а от ряда других транснациональных экстремистских группировок, для которых Афганистан служит по большей части транзитной территорией. В зоне наибольшей уязвимости находятся Таджикистан, не входящий в ШОС и ОДКБ Туркменистан, а также Киргизия, государственные институты которой до сих пор остаются недостаточно консолидированными. Тем не менее наиболее реалистичный сценарий осложнения обстановки может быть связан вовсе не с переносом «джихада» в Центральную Азию, а с симбиозом экстремизма и наркоторговли, попытками отдельных государств региона вести борьбу против такого рода «комбинированной активности». Сложность ситуации может состоять в том, что активные действия могут начинаться как спецоперации национальных сил по борьбе с наркотрафиком и иными видами криминальной деятельности, но затем перерасти в более масштабный и интенсивный конфликт, урегулировать который будет сложно при опоре на силовой потенциал только одного государства. Очевидно, что при таком развитии событий необходима адекватная и своевременная реакция со стороны ОДКБ как организации региональной безопасности, а также со стороны ШОС и ее антитеррористической структуры. Насущной задачей становится усиление координации между ОДКБ и ШОС по вопросам безопасности и борьбы с «силами трех зол».

В целом следует подчеркнуть, что возможный уход США и НАТО из Афганистана будет означать фактическое признание ими своего поражения, имеющего чрезвычайно важные геостратегические последствия. В этом контексте активная роль ШОС и согласованность позиций входящих в нее стран становятся ключевыми внешними факторами стабилизации самого Афганистана, а вместе с ним — всей Центральной Евразии.

* * *

Функционирование ШОС после вступления в нее Индии и Пакистана дает основания для определенного оптимизма. Рас-

²⁷ «Нужно перестать шарахаться из одной крайности в другую». Спецпредставитель президента РФ по Афганистану об эскалации обстановки в стране // Коммерсант. 16.07.2018. Доступ: https://www.kommersant.ru/doc/3687753?from=doc_vrez (дата обращения: 14.06.2019).

ширение состава участников альянса не привело к тому, что его работа оказалась парализованной внутренними противоречиями стран-членов. Не оправдываются и предсказания некоторых российских аналитиков о том, что ШОС начнет превращаться «во все более помпезную, но все менее осмысленную и полезную организацию»²⁸, интерес к деятельности которой утратит сначала Китай, а затем и другие государства Евразии. Напротив, в успехе первого года работы ШОС в расширенном составе огромная заслуга принадлежит именно Китаю, осуществлявшему председательство в организации. Пекин в этот период предложил участникам ШОС конструктивную повестку совместной работы, точно так же, как он сделал это во время своего председательства в БРИКС в 2017 г. При этом продолжались реализация инициативы ОПОП и ее сопряжение с интеграционными процессами в рамках ЕАЭС. Для мировой политики это означало уверенное продолжение работы по формированию полицентричного мирового порядка, а для мировой экономики — диверсификацию транспортных коридоров и дальнейшую реструктуризацию глобальных цепочек добавленной стоимости в пользу Китая и некоторых других стран незападного мира²⁹. Россия, не будучи лидером этих процессов, внесла, тем не менее, очень крупный и самостоятельный вклад в противостояние гегемонии западных держав. Одновременно политическая координация между Москвой и Пекином вышла на беспрецедентно высокий уровень.

Пожалуй, наибольшее значение в 2018–2019 гг. имели усилия стран ШОС (по отдельности и в рамках организации) по достижению внутриафганского урегулирования и связанного с ним вывода контингентов США и НАТО из Афганистана. Эти процессы, ускорившиеся в начале 2019 г., останутся в фокусе внимания ШОС, равно как и недопущение прорыва экстремистских и террористических групп из северного Афганистана на территорию стран Центральной Азии.

Расширение организации за счет Индии и Пакистана, несомненно, укрепило репутацию ШОС как политического тяжеловеса в евразийской и мировой политике [Rosotti, 2018], но

²⁸ Габуев А. Больше, да хуже. Как Россия превратила ШОС в клуб без интересов // Московский центр Карнеги. 17.06.2017. Доступ: <https://carnegie.ru/commentary/71212> (дата обращения: 14.06.2019).

²⁹ Дисэн Г. Геоэкономика Китая и «новая холодная война» // Россия в глобальной политике. 26.12.2018. Доступ: <https://globalaffairs.ru/valday/Geoeconomika-Kitaya-i-novaya-kholodnaya-voina-19890> (дата обращения: 14.06.2019).

ожидаемо не привело к резкому повышению эффективности ее деятельности. Риск чрезмерного усиления позиций Китая в ШОС нивелирован, но это, помимо прочего, означает, что экономическая составляющая в работе организации останется в обозримом будущем на периферийных позициях. Однако даже при таких условиях Шанхайская организация сотрудничества будет играть важную роль в структурировании Большой Евразии и укреплении полицентричного мирового порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арис С. Шанхайская организация сотрудничества в материалах и оценках западных исследователей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2008. № 1. С. 91–98.
2. Балакин В.И. Интеграционные тенденции на пространстве ШОС и евразийская безопасность // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXIII: ежегодное издание. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 64–76. DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10006.
3. Бордачёв Т.В. Новое евразийство // Россия в глобальной политике. 2015. № 5. С. 194–205.
4. Ефременко Д.В. Рождение Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 2016. № 6. С. 28–45.
5. Колдунова Е.В. Роль Шанхайской организации сотрудничества в регионе Центральной Азии: сравнительный анализ исследовательских дискурсов // Сравнительная политика. 2013. Т. 12. № 2. С. 60–69.
6. Alimov R. The Shanghai Cooperation Organization: Its role and place in the development of Eurasia // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9. Iss. 2. P. 114–124. DOI: 10.1016/j.euras.2018.08.001.
7. Allison R. Regionalism, regional structures and security management in Central Asia // International Affairs. 2004. Vol. 80. No. 3. P. 463–483. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2004.00393.x.
8. Antonenko O. The EU should not ignore the Shanghai Cooperation Organization. Policy brief. London: Centre for European reform, 2007.
9. Aris S. Eurasian regionalism. The Shanghai Cooperation Organization. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. DOI: 10.1057/9780230307643.
10. Bader J.A. A framework for U.S. policy toward China. Asia Working Group Paper 3. Brookings Institution. Washington, D.C., 2016. Available at: <https://www.brookings.edu/research/a-framework-for-u-s-policy-toward-china/> (accessed: 14.06.2019).
11. Bailes A., Dunay P. The Shanghai Cooperation Organization as a regional security institution // The Shanghai Cooperation Organization. SIPRI Policy Paper No. 13 / Ed. by A. Bailes, P. Dunay, P. Guang, M. Troitsky. Stockholm International Peace Research Institute. 2007. P. 1–29. Available at: <https://www.sipri.org/publications/2007/sipri-policy-papers/shanghai-cooperation-organization> (accessed: 14.06.2019).
12. Contessi N. China, Russia and the leadership of the SCO: A tacit deal scenario // China and Eurasia Forum Quarterly. 2010. Vol. 8. No. 4. P. 101–123.

13. Diesen G. China's geoeconomics and 'the new Cold War'. Valdai Discussion Club papers No. 96. Moscow, 2018. Available at: <http://valdaiclub.com/a/valdai-papers/china-s-geoeconomics-and-the-new-cold-war/> (accessed: 14.06.2019).
14. Garlick J. Deconstructing the China–Pakistan economic corridor: Pipe dreams versus geopolitical realities // *Journal of Contemporary China*. 2018. Vol. 27. Iss. 110. P. 68–84. DOI: 10.1080/10670564.2018.1433483.
15. Guang P., Jian H. The first new regional cooperation organization at the 21st century — a comprehensive study on SCO. Beijing: CCCPC School Publishing House, 2006.
16. Huasheng Zh. China's view and expectations from the Shanghai Cooperation Organization // *Asian Survey*. 2013. Vol. 53. No. 3. P. 436–460. DOI: 10.1525/as.2013.53.3.436.
17. Kuznetsova A. Greater Eurasia: Perceptions from Russia, the European Union, and China // *Core Europe and Greater Eurasia: A roadmap for the future* / Ed. by P. Schulze. Frankfurt am Main; New York: Campus Verlag, 2017. P. 177–191.
18. Lanteigne M. Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization: Diverging security interests and the 'Crimea effect' // *Russia's turn to the East. Domestic policymaking and regional cooperation* / Ed. by H. Blakisrud, E. Wilson Rowe. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018. P. 119–138.
19. Luzyanin S., Huasheng Zh. et al. Russian–Chinese dialogue: The 2018 model. Russian International Affairs Council. Report No. 39. Moscow, 2018. Available at: <https://russiancouncil.ru/en/activity/publications/russian-chinese-dialogue-the-2018-model/> (accessed: 14.06.2019).
20. Malle S. Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behavior // *Journal of Eurasian Studies*. 2017. Vol. 8. Iss. 2. P. 136–150. DOI: 10.1016/j.euras.2017.02.003.
21. McClellan S.A. The Shanghai Cooperation Organization: Should the U.S. be concerned? United States Army War College. Philadelphia, 2013.
22. Mirza M., Lodhi A. The economic benefit of modern Silk Road: The China–Pakistan economic corridor (CPEC). The Association of Chartered Certified Accountants and Pakistan-China Institute. London, 2017. Available at: <https://www.accaglobal.com/ca/en/professional-insights/global-economics/the-economic-benefits-of-the-modern-silk-road.html> (accessed: 14.06.2019).
23. Rab A., Zhilong H. China and Shanghai Cooperation Organization (SCO): Belt and Road Initiative (BRI) perspectives // *International Journal of Humanities and Social Sciences*. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 166–171. DOI: 10.30845/ijhss.v9n2p21.
24. Rosotti T. The Shanghai Cooperation Organization in the context of the Chinese Grand Strategy // *Journal of Global Analysis*. 2018. Vol. 8. No. 2. P. 113–126.
25. Song W. Interests, power and China's difficult game in the Shanghai Cooperation Organization (SCO) // *Journal of Contemporary China*. 2014. Vol. 23. Iss. 23. P. 85–101. DOI: 10.1080/10670564.2013.809981.
26. Sutter R.G. Chinese foreign relations: Power and policy since the Cold war. London: Rowman & Littlefield, 2010.
27. Wishnick E. Russia, China and the United States in Central Asia: Prospects for great power competition and cooperation in the shadow of the Georgian crisis. Carlisle: Strategic Studies Institute, 2009.

D.V. Efremenko

**THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION
AFTER ENLARGEMENT:
NEW CHALLENGES AND PROSPECTS**

*The Institute of Scientific Information for Social Sciences,
The Russian Academy of Sciences
Krzyzhanovsky st. 15/2, Moscow, 117218*

The paper examines new challenges that confront the Shanghai Cooperation Organization (SCO) after India and Pakistan have joined it as full-fledged members. This enlargement of the SCO implies a considerable increase in its political and economic weight, as well as additional inter-state contradictions, which have previously had a peripheral significance for the SCO.

In that regard special attention is drawn to the new political dynamics within the SCO. The author argues that cooperation within the Russia-India-China triangle (RIC) will play a decisive role for the SCO development. In this context, two scenarios are outlined. The first one envisages that the Russo-Chinese and Russo-Indian relations will have a positive dynamics while the Chinese-Indian relations will remain troubled. It is stressed that India's participation in the SCO is likely to become another factor which will prevent the evolution of the Organization into anti-Western geopolitical alliance. Under favorable conditions, all three powers will be able to formulate a common position with regard to the most crucial international issues or to respond promptly to negative tendencies in the economic and security spheres. The second scenario involves a gradual deepening and extension of cooperation in the RIC format based on a common vision of geopolitical transformations within the Greater Eurasia. In this case, it can be assumed that over time the SCO will become the basis for the formation of the Greater Eurasian Partnership.

Another important topic covered in the paper is a security problem which is a traditional priority of the SCO policy in general and in the Central Asia region in particular. This issue has acquired new dimensions due to the Organization's enlargement and the growth of its geopolitical role. In 2018–2019 the SCO powers, together and separately, have made a decisive contribution to the settlement of inter-Afghanistan conflict when the US and NATO troops had been withdrawn from Afghanistan. Moreover, it was due to the SCO efforts that the breakthrough of extremist and terrorist groups from Afghanistan to the Central Asia countries was prevented. The author concludes that in the coming years the SCO will play the key role in structuring the Greater Eurasia and strengthening the multipolar world order.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization, Central Asian Security, Afghan Settlement, Russia-India-China Triangle, geopolitical transformations in Eurasia.

About the author: *Dmitry V. Efremenko* — Doctor of Sciences (Political Science), Deputy Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences, the Russian Academy of Sciences (e-mail: efdv2015@mail.ru).

REFERENCES

1. Aris S. 2008. Shangkhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva v materialakh i otsenkakh zapadnykh issledovatelei [Shanghai Cooperation Organization in the English language world]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov, seriya Politologiya*, no. 1. pp. 91–98. (In Russ.)
2. Balakin V.I. 2018. Integratsionnye tendentsii na prostranstve ShOS i evraziiskaya bezopasnost [Integrative tendencies in the SCO space and Eurasian security]. *Kitai v mirovoi i regionalnoi politike. Istoriya i sovremennost*. Iss. XXIII. Moscow, IDV RAN Publ., pp. 64–76. (In Russ.) DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10006.
3. Bordachyov T. 2015. Novoe evraziistvo [The new Eurasianism]. *Russia in Global Affairs*, no. 5, pp. 194–205. (In Russ.)
4. Efremenko D. 2016. Rozhdenie Bolshoi Evrazii [The birth of Greater Eurasia]. *Russia in Global Affairs*, no. 6, pp. 28–45. (In Russ.)
5. Koldunova E.V. 2013. Rol' Shangkhaiskoi organizatsii sotrudnichestva v regione Tsentral'noi Azii: Sravnitelnyi analiz issledovatel'skikh diskursov [The role of Shanghai Cooperation Organization in Central Asia region: A comparative analysis of research discourses]. *Comparative Politics Russia*, vol. 12, no. 2, pp. 60–69. (In Russ.)
6. Alimov R. 2018. The Shanghai Cooperation Organization: Its role and place in the development of Eurasia. *Journal of Eurasian Studies*, vol. 9, iss. 2, pp. 114–124. DOI: 10.1016/j.euras.2018.08.001.
7. Allison R. 2004. Regionalism, regional structures and security management in Central Asia. *International Affairs*, vol. 80, no. 3, pp. 463–483. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2004.00393.x.
8. Antonenko O. 2007. *The EU should not ignore the Shanghai Cooperation Organization*. Policy brief. London, Centre for European reform.
9. Aris S. 2011. *Eurasian regionalism. The Shanghai Cooperation Organization*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9780230307643.
10. Bader J.A. 2016. *A framework for U.S. policy toward China*. Brookings Institution Working Group Paper 3. Washington, D.C. Available at: <https://www.brookings.edu/research/a-framework-for-u-s-policy-toward-china/> (accessed: 14.06.2019).
11. Bailes A., Dunay P. 2007. The Shanghai Cooperation Organization as a regional security institution. In Bailes A., Dunay P., Guang P., Troitsky M. (eds.). *The Shanghai Cooperation Organization*. SIPRI Policy Paper. Stockholm International Peace Research Institute, pp. 1–29. Available at: <https://www.sipri.org/publications/2007/sipri-policy-papers/shanghai-cooperation-organization> (accessed: 14.06.2019).
12. Contessi N. 2010. China, Russia and the leadership of the SCO: A tacit deal scenario. *China and Eurasia Forum Quarterly*, vol. 8, no. 4, pp. 101–123.

13. Diesen G. 2018. *China's geoeconomics and 'the new Cold War'*. Valdai Discussion Club Papers, no. 96. Moscow. Available at: <http://valdaiclub.com/a/valdai-papers/china-s-geoeconomics-and-the-new-cold-war/> (accessed: 14.06.2019).
14. Garlick J. 2018. Deconstructing the China–Pakistan economic corridor: Pipe dreams versus geopolitical realities. *Journal of Contemporary China*, vol. 27, iss. 110, pp. 68–84. DOI: 10.1080/10670564.2018.1433483.
15. Guang P., Jian H. 2006. *The first new regional cooperation organization at the 21st century — a comprehensive study on SCO*. Beijing, CCCPC School Publishing House.
16. Huasheng Zh. 2013. China's view and expectations from the Shanghai Cooperation Organization. *Asian Survey*, vol. 53, no. 3, pp. 436–460. DOI: 10.1525/as.2013.53.3.436.
17. Kuznetsova A. 2017. Greater Eurasia: Perceptions from Russia, the European Union, and China. In Schulze P. (ed.). *Core Europe and Greater Eurasia — a road-map for the future*. Frankfurt-am-Main; New York, Campus Verlag, pp. 177–191.
18. Lanteigne M. 2018. Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization: Diverging security interests and the 'Crimea effect'. In Blakisrud H., Wilson Rowe E. (eds.). *Russia's turn to the East. Domestic policymaking and regional cooperation*. Basingstoke, Palgrave MacMillan, pp. 119–138.
19. Luzyanin S., Huasheng Zh. et al. 2018. *Russian–Chinese dialogue: The 2018 model*. Russian International Affairs Council. Report no. 39. Moscow. Available at: <https://russiancouncil.ru/en/activity/publications/russian-chinese-dialogue-the-2018-model/> (accessed: 14.06.2019).
20. Malle S. 2017. Russia and China in the 21st century. Moving towards co-operative behavior. *Journal of Eurasian Studies*, vol. 8, iss. 2, pp. 136–150. DOI: 10.1016/j.euras.2017.02.003.
21. McClellan S.A. 2013. *The Shanghai Cooperation Organization: Should the U.S. be concerned?* United States Army War College. Philadelphia.
22. Mirza M., Lodhi A. 2017. *The economic benefit of modern Silk Road: The China–Pakistan economic corridor (CPEC)*. The Association of Chartered Certified Accountants and Pakistan-China Institute. London. Available at: <https://www.ac-caglobal.com/ca/en/professional-insights/global-economics/the-economic-benefits-of-the-modern-silk-road.html> (accessed: 14.06.2019).
23. Rab A., Zhilong H. 2019. China and Shanghai Cooperation Organization (SCO): Belt and Road Initiative (BRI) perspectives. *International Journal of Humanities and Social Sciences*, vol. 9, no. 2, pp. 166–171.
24. Rosotti T. 2018. The Shanghai Cooperation Organization in the context of the Chinese Grand Strategy. *Journal of Global Analysis*, vol. 8, no. 2, pp. 113–126.
25. Song W. 2014. Interests, power and China's difficult game in the Shanghai Cooperation Organization (SCO). *Journal of Contemporary China*, vol. 23, iss. 23, pp. 85–101. DOI: 10.1080/10670564.2013.809981.
26. Sutter R.G. 2010. *Chinese foreign relations: Power and policy since the Cold War*. London, Rowman & Littlefield.
27. Wishnick E. 2009. *Russia, China and the United States in Central Asia: Prospects for great power competition and cooperation in the shadow of the Georgian crisis*. Carlisle, Strategic Studies Institute.

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

М.Г. Евтодьева, С.К. Ознобищев*

БОЕВЫЕ БЕСПИЛОТНЫЕ СИСТЕМЫ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ ОГРАНИЧЕНИЯ И КОНТРОЛЯ**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова
Российской академии наук» (ИМЭМО РАН)
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

В статье рассмотрены различные виды современных боевых беспилотных систем — беспилотные летательные аппараты (БПЛА), наземные робототехнические комплексы и морские робототехнические комплексы — в контексте развития соответствующих исследований и разработок в различных странах, динамики спроса на мировом рынке, а также возможностей и перспектив введения мер ограничения и контроля за подобными системами. Приведена классификация типов беспилотных систем. На основе динамики данных о разработках и объемах закупок сделаны выводы о том, что в ближайшей перспективе рост мирового рынка беспилотников продолжится. Это в свою очередь станет одним из препятствий на пути развития мер ограничения и контроля за беспилотными системами. С учетом этих факторов трудно ожидать расширения и ужесточения мер экспортного контроля в данной сфере. Более вероятно, что возобладают противоположные тенденции, связанные в том числе с «подгонкой» моделей беспилотников под категории продукции с более мягкими требованиями по экспорту. Констатируется, что трудно будет преодолеть и иные элементы несовершенства режимов экспортного контроля, включая возможности нематериальной передачи технологий и неприсоединение к соответствующим ограничительным режимам стран, являющихся крупными производителями и экспортерами беспилотных систем.

* *Евтодьева Марианна Георгиевна* — кандидат политических наук, руководитель Группы глобализации военно-экономических процессов Центра международной безопасности ИМЭМО РАН (e-mail: mariannaevt@imemo.ru); *Ознобищев Сергей Константинович* — кандидат исторических наук, заведующий сектором военно-политического анализа и исследовательских проектов Центра международной безопасности ИМЭМО РАН (e-mail: serko96@gmail.com).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00463).

В контексте ограничения и контроля за БПЛА рассмотрены два наметившихся трека таких дискуссий на международном уровне: дискуссии в ООН по вопросам ограничения применения беспилотников, относящихся к смертоносным автономным системам оружия, и пока еще в основном неформальные обсуждения возможностей включения беспилотников в систему соглашений по контролю над вооружениями. Авторами выявлены основные препятствия на пути введения эффективного контроля за развитием боевых БПЛА, даны прогнозы перспектив продвижения в этом направлении, сформулированы практически значимые предложения.

Ключевые слова: беспилотные системы, беспилотные летательные аппараты (БПЛА), наземные робототехнические комплексы, морские робототехнические комплексы, исследования и разработки, экспортный контроль, контроль над вооружениями, Режим контроля за ракетными технологиями, Вассенаарские договоренности, Договор о торговле оружием, ООН, смертоносные автономные системы, Договор о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД), контроль над обычными вооружениями в Европе (КОВЕ).

К концу 2010-х годов в области контроля над вооружениями, успешная история которого насчитывает не одно десятилетие, возник глубокий кризис. Обострение отношений между Россией и Западом привело сначала к резкому торможению процессов контроля, а затем и к полному тупику на целом ряде направлений по сокращению и ограничению ядерных и обычных вооружений. Приход к власти в США президента Дональда Трампа еще больше ухудшил положение. Новая администрация активизировала ревизию основополагающих соглашений в этой сфере, в первую очередь Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г. (ДРСМД).

В ситуации полного застоя в области контроля над вооружениями создаются, к сожалению, весьма благоприятные условия и открываются дополнительные возможности как для возобновления гонки вооружений, так и для ее распространения на новые сферы. Одним из таких направлений сегодня становится прогресс в развитии беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), которые находят все большее применение как в гражданской, так и в военной областях.

В настоящее время в целом ряде государств, в первую очередь в странах-лидерах на мировом рынке вооружений, наблюдается динамичное развитие разработок и производства беспилотных систем разного типа, включая БПЛА, беспилотные наземные и

морские аппараты (последние в отечественной литературе чаще обозначаются как наземные и морские робототехнические комплексы — НРК и МРК)¹ [Лопота, Николаев, 2015а, 2015b, 2016; Тебин, 2017]. Исследователи отмечают, что резкое повышение спроса на эти системы, начавшееся в 2000-е годы во многих ключевых странах мира, было обусловлено преимущественно тремя причинами: интенсификацией использования боевых беспилотных систем разного типа в конфликтах, в том числе в Ираке и Афганистане, ростом соответствующих военных расходов США и ряда других технологически динамично развивающихся стран, а также тем, что именно в этот период накопленный технологический задел в области беспилотных систем² позволил осуществить переход от исследований и разработок к их производству большими сериями [Тебин, 2017; Фетисов и др., 2014: 3–4]. Вместе с тем с 2000-х годов стали активно развиваться и сферы гражданского применения робототехнических и беспилотных систем, включая БПЛА и промышленных роботов, и тем самым спрос на них был стимулирован не только на военном, но и на гражданском рынке [Варламова, Тажиев, 2018; Лидеры производства военных БЛА выходят на коммерческий рынок, 2017]³.

Цель исследования состоит в углубленном изучении современных тенденций развития, а также перспектив ограничения и контроля за БПЛА, НРК и МРК, в первую очередь применяемых в военной сфере. В первом разделе данной работы освещаются вопросы развития беспилотных систем разных типов, в том

¹ В западных источниках утвердившимися терминами являются «беспилотные летательные аппараты» (unmanned aerial vehicles, UAV), «беспилотные наземные системы» (unmanned ground systems, UGS) и «беспилотные морские системы» (unmanned maritime systems, UMS). См., например: Unmanned Systems Integrated Roadmap. FY 2013-2038 // US Department of Defense. 2014. Available at: <https://info.publicintelligence.net/DoD-UnmannedRoadmap-2013.pdf> (accessed: 28.05.2019).

² К числу технологических прорывов, которые способствовали увеличению количества разработок по БПЛА и роботизированным комплексам, специалисты относят появление новых легких и прочных материалов (особенно композитных), развитие микроэлектронной компонентной базы (микроконтроллеров, микро-системных навигационных датчиков и др.), высокоэффективных возобновляемых источников питания (на основе литий-полимерных аккумуляторов), разработки в области высокоресурсных двигателей, развитие спутниковых систем глобального позиционирования [Фетисов и др., 2014].

³ См. также: Ewers E.C., Fish L., Horowitz M.C. et al. Drone proliferation: Policy choices for the Trump administration. CNAS Report. Papers for the President. June 2017 // Center for a New American Security. Available at: <http://drones.cnas.org/wp-content/uploads/2017/06/CNASReport-DroneProliferation-Final.pdf> (accessed: 28.05.2019).

числе с точки зрения итогов программ их разработки, динамики и перспектив их продаж на мировом рынке. Далее приведено общее описание возможностей по контролю и ограничению этих систем в соответствии с существующими международными соглашениями и режимами.

Возможности контроля за распространением беспилотных систем в первую очередь связаны с действующими международными требованиями к их экспорту, которые применяются уже около двух десятилетий, причем вследствие роста производства и продаж беспилотников трансформируются также параметры и общие тенденции этого контроля, что показано в третьем разделе. Меры по ограничению беспилотных систем к настоящему времени в силу ряда причин не получили активного развития. Однако ход дискуссий по данной проблематике в научных кругах и на различных международно-политических площадках позволяет говорить о двух направлениях, по которым могут быть намечены соответствующие ограничительные меры.

Во-первых, речь может идти о включении БПЛА и других типов беспилотных систем в действующие международные соглашения по контролю над вооружениями, во-вторых — об их ограничении на основе других международно-правовых инструментов, таких, например, как принятая под эгидой ООН Конвенция о запрещении или ограничении конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Конвенция о негуманных видах оружия, КНО)⁴. Как показывают обсуждения в рамках ООН по боевым беспилотным системам и смертоносным автономным системам (САС), главные опасности в связи с применением беспилотников эксперты видят в нарушении принципов международного гуманитарного права, а также в перспективах создания полностью автономных боевых систем или боевых систем с высокой степенью автономизации. Указанным двум возможным направлениям ограничения беспилотных систем посвящены последние два раздела исследования, после чего сделаны общие выводы.

Значительная часть современной научной литературы, касающейся боевых беспилотных систем, — как в России, так и за

⁴ Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие // ООН. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/conweapons.pdf (дата обращения: 08.07.2019).

рубежом — посвящена преимущественно вопросам их развития с точки зрения боевого применения [Белоусов, 2016; Климов и др., 2015; Кокошин и др., 2015; Boyle, 2013; Zaloga, Palmer, 2008], хода научно-технологических разработок в ведущих странах [Кошкин, 2016; Лопота, Николаев, 2015а; Фетисов и др., 2014; Garcia, 2016; Weiss, 2018], а также тенденциям на мировом рынке беспилотников [Лидеры производства военных БЛА выходят на коммерческий рынок, 2017; Тебин, 2017; Herrick, 2000]. Весьма актуальными являются и темы применения беспилотных систем, в первую очередь БПЛА, в конфликтах, включая последствия (в том числе гуманитарные) [Drone wars, 2015; Horowitz et al., 2016], а также перспективы распространения беспилотников и беспилотных технологий [Fuhrmann, Horowitz, 2017; Gilli A., Gilli M., 2016].

При этом в российской и зарубежной научной литературе весьма незначительно число исследований, в которых анализируются возможные меры ограничения боевых беспилотных систем в контексте действующих режимов (договоров) по контролю над вооружениями. Чаще всего в этом контексте рассматриваются Режим контроля за ракетными технологиями (РКРТ) и Вассенаарские договоренности по экспортному контролю за обычными вооружениями и товарами и технологиями двойного назначения (ВД), а также особенности экспортного контроля в конкретных странах и регионах (в частности, в США и государствах ЕС) [Голубенко, 2017; Мясников, 2004; Boulanin, Verbruggen, 2017]. Это особенно бросается в глаза, поскольку в целом анализу проблематики контроля над вооружениями уделяется очень большое внимание [Арбатов, 2017; Савельев, 2018; Веселов, 2016; Дворкин, 2018; Кокошин, 2011; Российско-американское сотрудничество и противоборство, 2017].

Наконец, отдельным направлением исследований стало изучение вопросов, связанных с перспективами использования автономных систем оружия [Голубенко, 2017; Козюлин и др., 2016; Drone wars, 2015; Scharre, 2018].

Однако практически не встречаются работы, в которых бы рассматривались перспективы контроля и ограничения беспилотных систем в комплексе, т.е. был бы представлен целостный взгляд на существующие в данной сфере проблемы и сложности. Настоящее исследование нацелено на то, чтобы восполнить этот пробел, что придает ему новизну и актуальность.

Современная динамика развития беспилотных систем военного назначения

В настоящее время в 60 странах мира разрабатывается более 2000 проектов БПЛА военного назначения⁵. В числе уже разработанных существует достаточно много видов и типов БПЛА, которые классифицируют по принципу полета (вертолетного, самолетного типа, с гибким крылом и др.), высоте и длительности полета (высотные, средневысотные, низковысотные БПЛА, а также БПЛА большой, средней и малой продолжительности полета) и по назначению (военные и гражданские). Военные БПЛА по функциональному назначению подразделяются на наблюдательные, разведывательные, ударные (для ударов по наземным целям ракетным оружием), разведывательно-ударные, БПЛА РЭБ (для целей радиоэлектронной борьбы), БПЛА-мишени и некоторые другие [Фетисов и др., 2014: 76].

Широкое распространение и востребованность (с точки зрения закупок для вооруженных сил) получили высотные и средневысотные аппараты большой продолжительности полета — HALE (high altitude / long endurance) и MALE (medium altitude / long endurance), а также мини-БПЛА. К высотным аппаратам такого рода относятся, в частности, БПЛА MQ-9 Reaper производства «General Atomics», RQ-4 Global Hawk и морской разведывательный беспилотник MQ-4C Triton (оба — производства «Northrop Grumman»). К средневысотным БПЛА большой продолжительности полета относятся MQ-1A Predator, MQ-1C Gray Eagle, к категории мини/микро-БПЛА — RQ-11 Raven, Wasp, Puma. На БПЛА типа MALE и HALE, по прогнозам мирового рынка на ближайшее десятилетие, будет приходиться наибольшая часть продаж в стоимостном выражении, а более узкие сегменты, как считается, займут тактические, малые и мини/микро-БПЛА⁶. Определенную долю рынка будут удерживать также беспилотные аппараты для боевых кораблей.

Автономные или дистанционно управляемые НРК по размерам и типу передвижения делятся на малые или носимые (до 12 кг), переносимо-возимые (13–200 кг) и возимо-самоходные

⁵ Более 60 стран мира вывели на рынок или разрабатывают более 2000 проектов по БПЛА // Российские беспилотники. 27.07.2017. Доступ: https://russiandrone.ru/news/bolee_60_stran_mira_vyveli_na_rynok_ili_razrabatyvayut_bolee_2000_proektov_po_bppla-1501182177/ (дата обращения: 28.05.2019).

⁶ Divis A. Military UAV market to top \$83B // Inside Unmanned Systems. 24.04.2018. Available at: <http://insideunmannedsystems.com/military-uav-market-to-top-83b/> (accessed: 28.05.2019).

(200–2500 кг) [Лопота, Николаев, 2015b: 4–5]. В зависимости от характера задач или сфер применения они подразделяются на инженерные машины (в США это программы HMDS, ESR, ARTS, SMET), логистические комплексы (RCIS, Wingman и др.), транспортные машины (автономные системы мобильного применения — HMMWV, JLTV, FMTV, HEMTT, MRAP, MTVR), разведывательные машины (ULRR, нано- и микророботы), а также комплексы для выполнения задач, связанных с разминированием и обезвреживанием боеприпасов (AEODRS, MTRS, CRS-1)⁷. О темпах разработки и производства НПК свидетельствует тот факт, что только в армии США согласно «Интегрированной дорожной карте развития безэкипажных систем» на период до 2034 г. планируется создать и внедрить в войска около 200 типов наземных роботов, а уже к 2020 г. — оснастить НПК различного назначения не менее 30% общего количества боевой техники сухопутных войск [Лопота, Николаев, 2015b: 3].

Морские беспилотные системы, или МРК, подразделяются на необитаемые подводные аппараты (НПА), к числу которых относятся автономные и дистанционно управляемые НПА, а также дистанционно управляемые и автономные необитаемые надводные аппараты (ННА) [Белоусов, 2016; Лопота, Николаев, 2016].

Необитаемые подводные системы предназначены в основном для решения двух типов задач: обнаружения и обезвреживания мин (примеры — американские проекты SMCM, BRAUV) и морской разведки (проекты LDUUV, HULS, аппараты-глайдеры)⁸. Запускаться НПА могут с надводных судов и с берега, а благодаря наиболее современным разработкам в области МРК — также с подводных лодок и с торпедных аппаратов подводных лодок [Лопота, Николаев, 2016: 3–4]. По размерам подводные беспилотные комплексы торпедного типа классифицируются на НПА малых (до 30 см в диаметре, например Mk-18 UUV), средних (до 50 см в диаметре), больших (до 200 см в диаметре, например подводные роботы, запускаемые через торпедные аппараты модулей Virginia Payload Module для подлодок «Virginia») и сверхбольших размеров (более 200 см в диаметре, запускаются такие НПА с берега или больших кораблей). На малые, средние и большие в зависимости от размеров и массы аппарата подразделяются

⁷ Unmanned Systems Integrated Roadmap. FY 2013-2038 // US Department of Defense. 2014. P. 6–7. Available at: <https://info.publicintelligence.net/DoD-UnmannedRoadmap-2013.pdf> (accessed: 28.05.2019).

⁸ Ibid. P. 7–8.

также телеуправляемые НПА и переносные подводные аппараты — ликвидаторы мин.

К ННА в свою очередь относятся беспилотные катера и суда с задачами по уничтожению мин, подводных лодок и других аппаратов (американские проекты MCM и RMS AS/WLD-1), противодиверсионной защите своих сил, выполнению задач разведки и наблюдения (проекты SeaFox и MUSCL).

На вооружении армии США по состоянию на 2012 г. находилось около 7 тыс. единиц беспилотных авиационных систем и около 12 тыс. единиц беспилотных наземных систем⁹. Сегодня количество НРК на вооружении США существенно сократилось, в том числе в связи с не очень удачными результатами и последовавшим закрытием американской программы «Future Combat System» («Перспективная боевая система») [Тебин, 2017]. Число имеющихся на вооружении БПЛА, напротив, увеличилось и на начало 2019 г. составляет около 11 тыс. единиц¹⁰.

В следующем десятилетии на мировом рынке БПЛА, на котором начиная с 2000-х годов происходил самый настоящий бум, прогнозируется дальнейший существенный рост. По имеющимся данным, объем мирового рынка БПЛА в течение следующих 10 лет вырастет в несколько раз и составит более 60 млрд долл., из которых доля приблизительно в 60% будет приходиться на военные беспилотники [Лидеры производства военных БЛА выходят на коммерческий рынок, 2017]. В свою очередь на рынках НРК и МРК, как ожидается, не будет наблюдаться столь активного роста, они прогнозируются и как существенно меньшие по объему¹¹, и как более труднопредсказуемые в отношении направлений, по которым будут развиваться ключевые разработки

⁹Singer P.W. Do drones undermine democracy? // The New York Times. 21.01.2012. Available at: <https://www.nytimes.com/2012/01/22/opinion/sunday/do-drones-undermine-democracy.html> (accessed: 28.05.2019).

¹⁰DoD Unmanned Aircraft Systems (UAS). DoD Purpose and Operational Use // U.S. Department of Defense. Available at: <https://dod.defense.gov/UAS/> (accessed: 28.05.2019).

¹¹Согласно прогнозу Jane's 2017 г. продажи НРК в 2016–2025 гг. будут составлять около 4,9 млрд долл., а МРК — 9,4 млрд долл. По итогам 2016 г. продажи на рынке НРК составляли около 200 млн долл., на рынке МРК — чуть более 400 млн долл. См.: Militaries ramping up use of unmanned ground, sea and air vehicles // IHS Jane's. 20.02.2017. Available at: <https://ihsmarkit.com/research-analysis/militaries-ramping-up-use-of-unmanned-ground-sea-and-air-vehicles.html> (accessed: 28.05.2019). Продажи БПЛА в 2016–2025 гг. были оценены Jane's в 82 млрд долл. Это означает, что данный рынок, по прогнозам, будет иметь в 10–15 раз большую емкость, чем рынки НРК и МРК.

и производство. Это в значительной степени связано с тем, что, в отличие от БПЛА, НРК и МРК еще не оформились окончательно как полноценные типы военной техники и пока смогли занять в вооруженных силах лишь несколько узких специфических ниш с точки зрения применения и боевого оснащения [Тебин, 2017].

США, как ожидается, в ближайшем десятилетии будут удерживать лидерство на рынке военных БПЛА и других беспилотных систем благодаря как высоким продажам, так и достаточно высокому уровню расходов на исследования и разработки. В то же время остро конкурировать с ними будут страны-производители из Азиатско-Тихоокеанского региона (прежде всего КНР), а также из Европы. Компания «Teal Group», специализирующаяся на анализе и прогнозах рынков, предсказывает, что с 2019 по 2028 г. мировые расходы на закупки БПЛА составят около 90 млрд долл., а дополняющие эту сумму расходы на исследования и разработки по БПЛА — около 34 млрд долл.¹²

Рост продаж на мировом рынке беспилотных систем разного типа обусловлен в значительной мере интенсивным увеличением в последние два десятилетия масштабов их применения в современных боевых действиях и военных конфликтах. БПЛА стали играть важную роль в осуществлении тактической разведки и связи, выборе целей для нанесения артиллерийских или авиационных ударов, они оказывают большое влияние на развитие и корректировку принципов боевого применения управляемой авиации [Веселов, Фененко, 2016: 24]. Все чаще беспилотные системы используют для ударов по целям на территории других стран. Достаточно активно в конфликтах начали применять и различные автономные или полуавтономные НРК и МРК — для защиты и перехвата нападения с воздуха (ракет, самолетов, снарядов, мин), обнаружения других боевых систем противника (радаров и т.п.)¹³. Беспилотные разведывательно-ударные комплексы активно развиваются в современных армиях вместе с роботизированными ударными и вспомогательными средствами,

¹² Teal Group predicts worldwide military UAV production of \$90 Billion over the next decade // Teal Group Corporation. 19.02.2018. Available at: <https://www.tealgroup.com/index.php/pages/press-releases/56-teal-group-predicts-worldwide-military-uav-production-of-90-billion-over-the-next-decade> (accessed: 28.05.2019).

¹³ В частности, речь идет об американских системах Phalanx для эсминцев Aegis, автоматически обнаруживающих и перехватывающих угрозы ударов с воздуха, системах лазерной обороны от ракетного, артиллерийского и минометного обстрела С-РАМ, израильских беспилотниках «Гарпия», предназначенных для обнаружения и уничтожения радаров противника, и ряде других.

а также средствами РЭБ, роль которых все больше возрастает, в том числе в стратегическом ключе [Кокошин, 2011: 8]. Большая грузоподъемность средних и тяжелых БПЛА позволяет рассматривать их в качестве эффективных средств доставки ядерного оружия¹⁴. Таким образом, вокруг боевых беспилотных систем возникает целый комплекс проблем, который объективно требует новых подходов, а возможно, и выработки дополнительных ограничений военно-технического и международно-правового характера.

Возможности контроля над беспилотными системами

В связи с активным ростом как производства, так и продаж военных беспилотных систем всё большее значение в дальнейшем будут приобретать меры контроля за этими системами, в том числе в связи с угрозами, которые они представляют с точки зрения боевого применения, а также распространения оружия массового уничтожения (ОМУ). Можно обозначить несколько ключевых направлений, в рамках которых принимаются и будут в перспективе развиваться меры в области ограничения и контроля над беспилотными системами рассмотренных типов.

Первым и важнейшим направлением является применение инструментов экспортного контроля на международном и национальном уровнях. Так, некоторые типы БПЛА включены в контрольные списки РКРТ¹⁵, а продажи определенных типов БПЛА, НРК и МРК регулируются также ВД¹⁶ и с недавнего времени — Международным договором о торговле оружием 2014 г. (МДТО)¹⁷.

В то же время с 2010 г. идут активные дискуссии в ООН по вопросам ограничений на применение САС, составной частью которых (в зависимости от того, как определять эту категорию

¹⁴ Шерыханов А. США строят беспилотник, способный нести ядерное оружие // Утро.ру. 09.02.2017. Доступ: <https://utro.ru/articles/2017/02/09/1315885.shtml> (дата обращения: 28.05.2019).

¹⁵ Missile Technology Control Regime. Equipment, Software and Technology Annex. 30.11.2018. Available at: http://mtcr.info/wordpress/wp-content/uploads/2018/12/MTCR-TEM-Technical_Annex_2018-11-30.pdf (accessed: 08.07.2019).

¹⁶ Wassenaar Arrangement on Export Controls for Conventional Arms and Dual-Use Goods and Technologies. List of Dual-Use Goods and Technologies and Munitions List. December 2018. Available at: <https://www.wassenaar.org/app/uploads/2018/12/WA-DOC-18-PUB-001-Public-Docs-Vol-II-2018-List-of-DU-Goods-and-Technologies-and-Munitions-List-Dec-18.pdf> (accessed: 08.07.2019).

¹⁷ Arms Trade Treaty (2013) // ATT Baseline Assessment Project. Available at: <http://www.armstrade.info/wp-content/uploads/2014/05/ATT-Text.pdf> (accessed: 08.07.2019).

вооружений) могут быть в том числе ряд БПЛА и других беспилотных систем. В 2010–2014 гг. эта проблематика рассматривалась в рамках Совета ООН по правам человека и касалась регулирования применения беспилотных систем¹⁸, а с 2014 г. обсуждается преимущественно в контексте КНО¹⁹. Эти дискуссии, затрагивающие как определение САС (вопросы разграничения гражданских и военных систем, систем летального и нелетального действия и определения «степени автономии» для причисления к САС) [Davis et al., 2017: 559–561], так и возможные ограничения по ним, уже начали приводить к определенному консенсусу в позициях сторон. Так, имеется общее понимание, что государства должны нести юридическую и политическую ответственность за применение САС в нарушение международного права, в том числе — международного гуманитарного права (МГП).

Наконец, третье направление обсуждения вопросов контроля за беспилотными боевыми системами может быть связано с возможностями их «встраивания» в действующие режимы ограничения и контроля над вооружениями и комплекс мер доверия. К современным имеющимся на вооружении беспилотным системам могли бы быть применены такие элементы режима контроля и ограничения вооружений, как ДРСМД или соглашение, которое могло бы прийти ему на смену. Соответствующие ограничения можно было бы также рассмотреть в рамках диалога по контролю над обычными вооружениями в Европе (КОВЕ) и Венского документа по мерам укрепления доверия и безопасности.

Важным направлением могут стать поиски договорных механизмов, которые охватывали бы отдельные перспективные беспилотные и автономные системы в контексте их влияния на стратегическую стабильность. Речь идет, в частности, о беспилотных космических кораблях (Boeing X-37B Orbital Test Vehicle и XS-1 Spaceplane) [Веселов, 2016], гиперзвуковых беспилотниках (например, X-43A Hypersonic Experimental Vehicle)²⁰, ударных

¹⁸ См., например: Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях Кристофа Хейнса. A/HRC/23/47 // ООН. 09.04.2013. Доступ: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/HRC/23/47> (дата обращения: 08.06.2019); Report of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions, Philip Alston. A/HRC/14/24/ADD.6 // United Nations. 28.05.2010. Available at: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf/xpSearchResultsM.xsp> (accessed: 08.07.2019).

¹⁹ КНО вступила в силу в 1983 г., депозитарием по Конвенции является Генеральный секретарь ООН.

²⁰ Козюлин В. Три группы угроз смертоносных автономных систем // Российский совет по международным делам. 01.11.2018. Доступ: <https://russiancouncil.ru/>

БПЛА большой дальности как потенциальных носителях ядерного оружия, а также о проектах создания систем подводных беспилотников, развертывание которых может повлиять на отслеживание стратегических подводных ракетоносцев²¹.

Представляется целесообразным теперь подробнее рассмотреть наиболее перспективные направления контроля над беспилотными системами и сопряженные с ними проблемы.

БПЛА, НРК и МРК в рамках режимов экспортного контроля

Различные меры экспортного контроля — по полезной нагрузке, дальности полета (для БПЛА), дальности подачи сигналов (для НПА), другим техническим параметрам — охватывают не все, а только определенные типы беспилотных систем, а также связанных с ними оборудования, компонентов и технологий.

Так, РКРТ 1987 г. вводит меры по контролю за экспортом баллистических ракет, космических ракет-носителей, крылатых ракет, а также БПЛА с дальностью полета от 300 км как потенциальных средств доставки ОМУ [Ознобищев, 2012]. В Категорию I контрольных списков РКРТ отнесены БПЛА с дальностью полета от 300 км и полезной нагрузкой от 500 кг, а также соответствующее испытательное и производственное оборудование, материалы, программное обеспечение, подсистемы, компоненты и технологии для их разработки, к Категории II — менее опасные с точки зрения распространения БПЛА с дальностью полета от 300 км, но полезной нагрузкой менее 500 кг и соответствующее оборудование, материалы, компоненты и технологии²². Кроме того, к Категории II отнесены БПЛА, имеющие автономные системы контроля за полетом и навигационные системы, а также способные осуществлять полет вне визуального контроля оператора и оснащенные системами аэрозольного распыления, рассчитанными на объемы более 20 л [Мясников, 2004]. Продукцию Категории I, под которую подпадают высотные и значительная часть средневысотных БПЛА большой продолжительности по-

analytics-and-comments/analytics/tri-gruppy-ugroz-smertonosnykh-avtonomnykh-sistem/ (дата обращения: 28.05.2019).

²¹ Hambling D. The inescapable net. Unmanned systems in anti-submarine warfare // The British American Security Information Council. 2016. Available at: https://www.basicint.org/wp-content/uploads/2018/06/BASIC_Hambling_ASW_Feb2016_final_0.pdf (accessed: 28.05.2019).

²² Missile Technology Control Regime. Equipment, Software and Technology Annex. 30.11.2018 // Missile Technology Control Regime. Available at: http://mtrc.info/wordpress/wp-content/uploads/2018/12/MTCR-TEM-Technical_Annex_2018-11-30.pdf (accessed: 28.05.2019).

лета (как отмечено ранее, имеющих хорошие перспективы для продаж на мировом рынке), разрешается экспортировать в рамках РКРТ только при определенных условиях, а экспорт производственного оборудования по этой категории запрещен.

В свою очередь ВД нацелены на противодействие дестабилизирующим накоплениям обычных вооружений и связанных с ними технологий. Задачей этих договоренностей является предотвращение неофициальных поставок или ретрансфера товаров, содержащихся в двух контрольных списках режима: по вооружениям (Munitions List), а также товарам и технологиям двойного назначения (Dual-UseList). БПЛА как системы вооружения (включая компоненты и оборудование: средства запуска, наземные пункты управления и др.) контролируются разделом списка ML10 по летательным аппаратам, в который также включены самолеты, «летательные аппараты легче воздуха», авиадвигатели и все относящиеся к этим категориям оборудование и компоненты. В Список товаров и технологий двойного назначения ВД (категорию 9, п. А.12) входят БПЛА, способные осуществлять полет вне визуального контроля (прямой видимости) оператора и имеющие: а) максимальную продолжительность полета более чем 30 минут; б) возможности самостоятельного взлета и стабильного полета в потоках ветра со скоростью 46,3 км/ч²³. К этой же категории отнесены и автономные системы контроля за полетом; оборудование для контроля и производств БПЛА; специальное программное обеспечение для БПЛА; системы навигации, стабилизации (ориентации), наведения и управления; двигатели, позволяющие запускать БПЛА на высоту более 50 тыс. футов (15,24 км). Технические эксперты уже несколько лет обсуждают вопрос о включении в режим средств радиоэлектронного подавления (постановки помех) БПЛА, однако пока соответствующие решения не приняты²⁴.

В рамках ВД меры экспортного контроля распространяются, кроме того, на наземные боевые системы, военно-морские

²³ List of Dual-Use Goods and Technologies and Munitions List. Compiled by the Wassenaar Arrangement Secretariat. 2017. P. 157, 196 // The Wassenaar Arrangement. Available at: <https://www.wassenaar.org/app/uploads/2018/01/WA-DOC-17-PUB-006-Public-Docs-Vol.II-2017-List-of-DU-Goods-and-Technologies-and-Munitions-List.pdf> (accessed: 28.05.2019).

²⁴ Fleuriot V. The Wassenaar Arrangement Munitions List. ATT sub-working group on Article 5 // The Arms Trade Treaty. 30.05.2018. P. 23. Available at: https://www.thearmstradetreaty.org/hyper-images/file/Wassenaar_Arrangement_National_Control_Lists_30_May_2018/Wassenaar_Arrangement_National_Control_Lists_30_May_2018.pdf (accessed: 28.05.2019).

надводные и подводные суда и комплексы и ряд небоевых наземных и морских комплексов с определенными техническими характеристиками (ML6 и ML9 Списка по вооружениям). И хотя в документах ВД нет конкретных указаний, что в эти разделы контролируемых товаров включаются НРК или МРК, из содержания и определений продукции обоих списков (ground vehicles / submersible vehicles and surface vessels) следует, что данные типы систем подпадают под эти две ключевые категории вооружений. Из невоенных наземных машин и комплексов мерами контроля охвачены системы с третьим уровнем баллистической защиты, общей массой с полезной нагрузкой более 4,5 т, которые могут применяться в бездорожных условиях²⁵; из невоенных морских комплексов — соответственно те, которые имеют системы радиологической, химической и биологической защиты, снижения уровней физических полей (в том числе снижения заметности) и оснащены некоторыми элементами из категории вооружений (лазерными установками, артиллерийскими системами и др.).

В контрольный Список товаров и технологий двойного назначения ВД отдельно включены беспилотные неавтономные подводные аппараты, предназначенные для действий на глубине свыше 1 км, беспилотные автономные подводные аппараты с каналами управления и передачи данных посредством акустических или оптических средств (передающих данные более чем на 1 км) и ряд подводных роботов²⁶.

В связи с угрозой терроризма, а именно возможностей использования беспилотников различных типов для нанесения «точечных ударов», подрывов, а также в качестве средств доставки ядерного, биологического и химического оружия [Мясников, 2004: 7], одинаково важную роль наряду с РКРТ и ВД играют и другие режимы экспортного контроля: Группа ядерных поставщиков (контроль за поставками ядерных материалов) и Австралийская группа (контроль за экспортом компонентов, связанных с созданием химического и биологического оружия). Они, однако, нацелены в основном на контроль не над самими беспилотниками и безэкипажными системами, а над вооружениями, которыми эти системы оснащаются. Как отмечают зарубежные

²⁵ List of Dual-Use Goods and Technologies and Munitions List. Compiled by the Wassenaar Arrangement Secretariat. 2017. P. 181, 194–195 // The Wassenaar Arrangement. Available at: <https://www.wassenaar.org/app/uploads/2018/01/WA-DOC-17-PUB-006-Public-Docs-Vol.II-2017-List-of-DU-Goods-and-Technologies-and-Munitions-List.pdf> (accessed: 28.05.2019).

²⁶ Ibid. P. 146–151.

эксперты, крупные и средние БПЛА могут представлять особую угрозу как потенциальные носители ядерного оружия, тогда как меньшие (по массе) БПЛА — биологического и химического оружия²⁷. Иными словами, эти системы могут способствовать дальнейшему размыванию режимов нераспространения ОМУ.

Существенный рост экспорта БПЛА, как отмечают эксперты, происходит преимущественно за счет малых беспилотников и связанных с ними технологий, относящихся к Категории II РКРТ, тогда как более чувствительные системы и технологии Категории I достаточно редко экспортируются. Из крупных экспортных поставок БПЛА, относящихся к Категории I, можно отметить продажу Соединенными Штатами БПЛА MQ-9 Великобритании, Италии и Турции и RQ-4E EuroHawk Германии. Продажи систем этой категории были также одобрены США для Австралии, Японии, Нидерландов и Южной Кореи [Бауэр, Виски, 2014: 496–497].

Острой критике РКРТ и ВД в основном подвергаются в связи с тем, что они не в состоянии купировать угрозы распространения БПЛА и других беспилотных систем со стороны не являющихся членами этих режимов Китая, Израиля и Ирана²⁸, равно как и угрозы распространения ракет и ракетных технологий еще в более широком круге стран [Ознобишев, 2012]. К тому же, что немаловажно, эти режимы не носят юридически обязывающего характера, а это существенно снижает их значимость. Израиль на сегодня является крупнейшим лидером по продажам беспилотных аппаратов по показателю числа экспортируемых единиц, а Китай и Иран наращивают возможности по созданию передовых воздушных беспилотников и экспортируют разведывательные БПЛА²⁹.

По мнению некоторых аналитиков, существующие критерии присоединения к этим режимам являются слишком жесткими, что создает препятствия для вхождения в них как указанных, так и ряда других ключевых стран-разработчиков и экспортеров беспилотных систем³⁰. Негативную роль играет и то, что РКРТ и ВД опираются в своем функционировании только на национальные органы экспортного контроля (которые принимают

²⁷ UAV export control and regulatory challenges. Working group report // Stimson Center. 2015. Available at: <https://www.stimson.org/sites/default/files/file-attachments/ECRC%20Working%20Group%20Report.pdf> (accessed: 28.05.2019).

²⁸ Ibid. P. 8–10.

²⁹ Ibid. P. 10.

³⁰ Ibidem.

конкретные меры по выдаче лицензий и разрешении/запрете экспорта), тогда как многосторонних мер по инспектированию, даже в случае с поставками наиболее чувствительных с точки зрения распространения систем, ими не предусматривается. Другими словами, фактически отсутствуют процедуры проверки соблюдения режимов экспортного контроля³¹.

Дополнительными проблемами, с которыми связана низкая эффективность РКРТ и ВД, являются: отсутствие выверенной системы контроля за конечными пользователями беспилотных систем и технологий; слабая проработанность вопросов, касающихся нематериальной передачи технологий; недостаточная приспособленность указанных режимов к рассмотрению и регулированию проблем, связанных с изменениями в технологиях разработки и производства беспилотных аппаратов [Boulanin, Verbruggen, 2017]. Кроме того, некоторые компании и страны-производители прилагают усилия к тому, чтобы обойти или облегчить для себя условия экспортно-контрольного регулирования, в частности, путем «подгонки» модифицируемых моделей беспилотных систем под более мягкие требования Категории II РКРТ или снятия с поставляемых платформ систем и компонентов, связанных с боевым применением беспилотных аппаратов (ракетные вооружения поставляются отдельно)³². Такого рода практики представляют все возрастающую угрозу с точки зрения распространения беспилотных технологий.

Эти недостатки режимов экспортного контроля могут быть частично компенсированы за счет того, что определенные контрольные меры в отношении наиболее чувствительной категории БПЛА (боевых или ударных) вводятся в рамках принятого на Генеральной Ассамблее ООН в 2013 г. и вступившего в силу в 2014 г. МДТО³³. В этом договоре практически без изменений

³¹ Так, практически невозможно проверить обоснованность критики в адрес Китая и Израиля, которые хотя и объявили о соблюдении режимов РКРТ и ВД по экспорту соответствующих систем и технологий, но, по мнению экспертов, на деле их не придерживаются. См.: UAV export control and regulatory challenges. Working group report // Stimson Center. September 2015. Available at: <https://www.stimson.org/sites/default/files/file-attachments/ECRC%20Working%20Group%20Report.pdf> (accessed: 28.05.2019).

³² Например, «General Atomics» переделала беспилотник Predator в версию MQ-1C Grey Eagle, уменьшив длину и взлетную массу аппарата и сняв с него часть боевого оснащения. В итоге Grey Eagle с максимальной полезной нагрузкой, не превышающей 500 кг, стал подпадать под Категорию II вместо Категории I РКРТ.

³³ Arms Trade Treaty. 2013 // ATT Baseline Assessment Project. Available at: <http://www.armstrade.info/wp-content/uploads/2014/05/ATT-Text.pdf> (accessed: 08.06.2019).

отражены категории вооружений Регистра ООН по обычным вооружениям, а согласно недавнему (2013–2016) пересмотру Регистра боевые БПЛА включены в его категорию 4³⁴. Это означает, что на участников МДТО будут распространяться договорные ограничительные меры и обязательства по оценке экспорта (статьи 6 и 7 договора) по боевым БПЛА. Не исключено, что в будущем, по мере развития технологий и производства НРК и МРК, меры контроля по МДТО могут быть распространены и на эти системы ударного типа. В целом, учитывая, что МДТО ратифицировали по состоянию на июль 2019 г. 104 страны³⁵, тогда как в РКРТ входят лишь 35 государств³⁶, а в ВД — 42³⁷, можно говорить о некотором расширении охвата мер контроля за экспортом БПЛА.

ООН и поиск международно-правовых основ регламентации боевых автономных систем

Отдельную проблему с точки зрения международно-правового регулирования представляет собой также развитие автономных систем оружия, или так называемых боевых автономных роботизированных систем (БАРС), которые в настоящее время ввиду заметной автоматизации боевых действий и увеличения автономности систем оружия широко применяются в конфликтах. В современных условиях наиболее значительную часть БАРС составляют боевые БПЛА, но в их число входят также ряд НРК и МРК. В рамках ООН проблематика «растущей автономности» беспилотных систем, их влияния на характер войны и примене-

³⁴ Теперь в эту категорию помимо боевых самолетов входят также «беспилотные летательные аппараты с фиксированным крылом или крылом любой геометрии, разработанные, оснащенные или переделанные под нанесение ударов с использованием управляемых и неуправляемых ракет, бомб, пушек и другого оружия уничтожения». См.: GGE on the UN Register of Conventional Arms. 04.01.2018 // The Nuclear Threat Initiative. Available at: <https://www.nti.org/learn/treaties-and-regimes/united-nations-groups-governmental-experts/#register> (accessed: 28.05.2019); United Nations Register on Conventional Arms. Categories on major conventional arms. Available at: <https://www.unroca.org/categories> (accessed: 28.05.2019).

³⁵ United Nations Treaty Collection. Arms Trade Treaty // United Nations. 08.07.2019. Available at: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtsg_no=XXVI-8&chapter=26&clang=_en (accessed: 08.07.2019).

³⁶ Missile Technology Control Regime. Frequently asked questions. Who belongs to the MTCR? // Missile Technology Control Regime. Available at: <http://mtcr.info/frequently-asked-questions-faqs/> (accessed: 08.07.2019).

³⁷ Wassenaar Arrangement. Frequently asked questions: How many countries participate in the Wassenaar Arrangement? // Wassenaar Arrangement. Available at: <https://www.wassenaar.org/about-us/#faq> (accessed: 08.07.2019).

ния МГП [Голубенко, 2017] наряду с вопросами о возможностях ограничения этих систем обсуждаются с 2010 г.

Согласно «широкому определению» автономных систем оружия, представленному в 2012 г. в директиве Министерства обороны США, к ним относятся системы, которые могут «выбирать и захватывать цели без дальнейшего вмешательства человека в качестве оператора» (исходя из таких характеристик, к автономным системам относятся артиллерийские орудия и ракеты, обнаруживающие цель без внешнего вмешательства и атакующие ее), или же «находятся под наблюдением человека» и позволяют людям-операторам «вмешиваться и прекращать боевые действия»³⁸. В то же время эксперты и представители международных неправительственных организаций сформулировали и другой, узконаправленный подход к определению автономного оружия как «запрограммированного на обучение или адаптацию своего функционирования к изменению условий среды, в котором оно размещено» [Бромли и др., 2016: 457–459]. Другими словами, речь идет о том, что, в отличие от автоматических и автоматизированных систем, автономные системы способны самостоятельно работать «в незнакомых и динамично меняющихся условиях»³⁹. Но если исходить из такого «узкого» определения, то «полностью автономных» систем оружия, способных к самостоятельному поиску и нанесению удара по цели без вмешательства человека или контроля человеком, пока не существует [Бромли и др., 2016: 457–459].

Как показывает сложность приведенных в этих определениях критериев, даже для экспертов может быть проблематичным определение «степени автономности» тех или иных боевых систем (отнесение их к автономным, полуавтономным и т.п.), в том числе в силу того, что в реальных боевых или небоевых условиях они могут работать в разных режимах, т.е. с разной степенью (интенсивностью) взаимодействия с оператором.

С точки зрения МГП⁴⁰ важнейшими критериями в отношении боевых автономных систем являются обеспечение избиратель-

³⁸ Department of Defense Directive No. 3000.09 // U.S. Department of Defense. 21.11.2012. Available at: <https://www.hsdl.org/?view&did=726163> (accessed: 08.07.2019).

³⁹ Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях Кристофа Хейнса. A/HRC/23/4 // United Nations. 09.04.2013. P. 9–10. Доступ: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/HRC/23/47> (дата обращения: 08.06.2019).

⁴⁰ Международное гуманитарное право применяется в ситуациях и/или боевых действиях, квалифицирующихся как международный вооруженный конфликт

ности их применения (например, запрет осуществления с их помощью атак против мирного населения) и его соразмерность (предотвращение случайной гибели гражданского населения, ранений, разрушения объектов инфраструктуры, которые были бы чрезмерными по отношению к военному преимуществу, получаемой воюющей стороной). При использовании БАРС эти принципы зачастую являются невыполнимыми или сложновыполнимыми. Так, в силу несовершенства алгоритмов распознавания и сенсоров боевые автономные системы могут «ошибаться» с выбором цели атаки, приняв мирных жителей за комбатантов, они не способны определять и статус комбатантов — отличать из них раненых, находящихся в процессе сдачи в плен и т.п. Очень важный момент состоит также в том, что крайне затруднена и «атрибуция» ответственности при использовании автономных систем в боевых действиях за конкретными субъектами права.

Международное законодательство по правам человека в свою очередь привержено основополагающему принципу сохранения в приоритетном порядке человеческой жизни. При этом речь идет не только о защите жизни в условиях войны и мира, но также о перспективах развития технологий САС: в какой степени их можно программировать на соблюдение принципов МГП и стандартов защиты жизни в соответствии с нормами в области прав человека [Бромли и др., 2016]⁴¹. Эксперты, безусловно, принимают во внимание тот факт, что разработки в сфере автономных и робототехнических систем с трудом могут поддаваться регулированию. Это обусловлено тем, что эти разработки носят характер инкрементных изменений, что сами БАРС часто представляют собой соединение разных технологий многоцелевого назначения и что не существует четких критериев разделения военных и невоенных технологий, военных и гражданских роботизированных платформ⁴².

(МВК). В ситуациях, не являющихся МВК, применяется международное законодательство по правам человека. В то же время, как подтверждают Международный суд и другие структуры ООН, защита международного законодательства по правам человека продолжается и в условиях МВК.

⁴¹ См. также: Alston Ph. Report of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions. A/HRC/14/24/ADD.6 // United Nations. 28.05.2010. Available at: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf/xpSearchResultsM.xsp> (accessed: 08.07.2019).

⁴² Так, одни и те же роботизированные платформы могут использоваться в невоенных целях (например, для обезвреживания самодельных взрывных устройств) или боевых, имея оснащение большой поражающей силы (например, БАРС). См.: Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях Кристофа

Ввиду актуальности проблематики регулирования применения БПЛА и роботизированных комплексов в рамках Группы советников по разоружению Генерального секретаря ООН были инициированы дискуссии по этим вопросам, а также по проблемам соответствия имеющихся практик использования подобных систем нормам МГП и международного права по правам человека. Активное участие в дискуссиях в ООН по автономным боевым системам приняли представители неправительственных организаций. После подробного рассмотрения вопроса о том, должны ли угрозы со стороны БПЛА регулироваться на основе особых международных норм и правил, в 2013 г. Группа советников по разоружению пришла к выводу, что поскольку существующие ударные БПЛА «постоянно находятся под дистанционным контролем оператора» и «сами по себе не способны наносить неизбирательные удары», озабоченности международного сообщества по поводу их применения должны относиться прежде всего к «политическим и правовым аспектам их использования» [Энтони, Холланд, 2015: 463–465].

К близким по содержанию выводам в 2013 г. пришел также Совет по правам человека ООН. Он поручил специальным докладчикам подготовить доклады, в том числе по проблеме применения боевых БПЛА в борьбе с терроризмом. В итоговых докладах была акцентирована необходимость соблюдения принципов избирательности и соразмерности при использовании БПЛА и других роботизированных комплексов в рамках конфликтов, но также утверждалось, что применимость к проблематике использования боевых БПЛА всего комплекса существующего международного права, МГП и внутреннего законодательства государств не ставит пока на повестку дня необходимость отдельного законодательного регулирования рассматриваемых систем [Энтони, Холланд, 2015: 463–465]. Итоговой инициативой в этой работе стало принятие в 2014 г. Советом по правам человека ООН специальной резолюции по боевым дронам, в которой содержался призыв к странам при использовании этих систем соблюдать нормы международного права, обеспечивать гарантии транспарентности, подотчетности и возмещения ущерба⁴³.

Хейнса. A/HRC/23/47 // United Nations. 09.04.2013. Доступ: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/HRC/23/47> (дата обращения: 08.07.2019).

⁴³ United Nations, General Assembly, Human Rights Council, Resolution 25/22. Ensuring use of remotely piloted aircraft or armed drones in counter-terrorism and military operations in accordance with international law, including international human rights and humanitarian law' A/HRC/25/L.32 // United Nations, General Assembly,

Еще одна резолюция по вооруженным БПЛА была принята в 2016 г. под эгидой Управления ООН по разоружению и касалась вопросов транспарентности: в ней, в частности, давались рекомендации включать сведения по поставкам (экспорту) ударных БПЛА отдельной строкой в отчетность в рамках Регистра ООН по обычным вооружениям⁴⁴.

Начиная с 2014 г. в рамках ООН основной фокус дискуссий по рискам применения беспилотных систем и САС был смещен из Совета по правам человека в формат экспертных обсуждений в рамках КНО. В 2014–2016 гг. были проведены три неформальные встречи экспертов по проблемам, связанным с САС, а в ходе пятой Обзорной конференции по КНО в декабре 2016 г. было уже принято специальное решение [Bromley, 2017] об учреждении Группы правительственных экспертов (ГПЭ) открытого состава по проблематике САС «с дискуссионным мандатом».

В ходе встречи ГПЭ в 2016 г. впервые были выработаны и приняты рекомендации относительно предмета дискуссии (САС в контексте КНО), идентифицированы ряд отличительных характеристик САС и сформулированы различные аспекты применимости принципов и положений международного права к использованию этих систем. В числе рассматриваемых вопросов были характеристики и развитие «автономности» (техническая сессия); разработка определений САС; проблематика их соответствия нормам МГП⁴⁵, а также ответственности и подотчетности в случае нарушения этих норм; риски, которые развитие и применение САС влекут для глобальной и региональной стабильности и распространения вооружений [Davis et al., 2017]⁴⁶.

Из-за финансовых ограничений (что само по себе свидетельствует о невысокой приоритетности данной проблемы для

Human Rights Council. 24.05.2015. Available at: <http://www.humanrightsvoices.org/site/developments/?d=12060> (accessed: 28.05.2019).

⁴⁴ Continuing operation of the United Nations Register of Conventional Arms and its further development. A/71/259 // United Nations, General Assembly. 29.07.2016. Available at: <https://www.nti.org/learn/treaties-and-regimes/united-nations-groups-governmental-experts/#register> (accessed: 28.05.2019).

⁴⁵ В этой сессии рассматривались в том числе конкретные вопросы соответствия ряда созданных новых систем автономного оружия статье 36 Дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г.

⁴⁶ См. также: Конвенция о «негуманном» оружии // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 25.01.2019. Доступ: http://www.mid.ru/web/guest/obychnye-vooruzheniya/-/asset_publisher/MIJdOT56NKIk/content/id/1130752 (дата обращения: 28.05.2019).

ООН) из двух намеченных на 2017 г. сессий ГПЭ состоялась только одна —13–17 ноября [Davis, Verbruggen, 2018: 384–385]. На этом заседании не было достигнуто согласие относительно универсального определения САС, однако состоялось профессиональное обсуждение проблематики влияния новых технологий на использование и принятие на вооружение подобных систем. Дискуссии прошли по трем важнейшим направлениям (им же соответствовали три панели сессии ГПЭ в 2017 г.): техническому, военному и юридическо-этическому.

В рамках первой панели, где обсуждались проблемы повышения автономности САС и надежности/безопасности использования искусственного интеллекта (ИИ) в этих системах, один из практически значимых выводов участников состоял в том, что гипотетический запрет на САС вряд ли мог бы помешать мирному использованию систем с ИИ. На заседаниях второй сессии была достигнута высокая степень согласия экспертов по вопросу о необходимости «человеческого контроля» (контроля операторов) за САС, особенно при выборе целей и принятии решений о применении средств поражения. Были, однако, выражены и обоснованные сомнения относительно степени эффективности такого контроля и высказано предположение, что не все риски, связанные с применением САС, могут быть нивелированы за счет элемента «человеческого контроля»⁴⁷. В ходе заседаний третьей панели было достигнуто согласие только по наиболее общим вопросам. Представители большинства стран подтвердили, что статья 36 Дополнительного протокола от 8 июня 1977 г.⁴⁸ (к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г.), касающегося защиты

⁴⁷ Evans H. Lethal autonomous weapons systems at the first and second U.N. GGE meetings // The Lawfare Institute. 09.04.2019. Available at: <https://www.lawfareblog.com/lethal-autonomous-weapons-systems-first-and-second-un-gge-meetings> (accessed: 08.07.2019).

⁴⁸ Дополнительный протокол развивал и конкретизировал положения Женевских конвенций и протоколов к ним 40-х годов XX в., представляющих собой основу современного гуманитарного права. Статья 36 Дополнительного протокола специально посвящена новым видам оружия. В соответствии с ее положениями «при изучении, разработке, приобретении или принятии на вооружение новых видов оружия, средств или методов ведения войны» каждая из сторон должна определить, «подпадает ли их применение под запрещения широкого гуманитарного характера, содержащиеся в настоящем Протоколе или в каких-либо других нормах международного права». См.: Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) // Международный комитет Красного Креста. Доступ: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения: 08.07.2019).

жертв международных вооруженных конфликтов, является на сегодня универсальной нормой для обеспечения применимости МГП к средствам вооруженной борьбы.

Примечательно, что у определенного числа экспертов возникли серьезные сомнения относительно того, что имеющихся норм права достаточно для разрешения всех проблем, связанных с появлением САС. В связи с этим представители некоторых стран выразили стремление перейти к разработке конкретных политических и юридических ограничений в этой области, для чего, однако, может потребоваться отсутствующее пока общее согласие [Davis, Verbruggen, 2018: 385–386].

В апреле и августе 2018 г. состоялись еще две сессии ГПЭ. В докладе по итогам этих заседаний были очерчены направления политики, включая возможные юридические рамки, которые могут быть сформированы на основе десяти руководящих принципов, связанных с регулированием САС. В качестве таких принципов были обозначены: соблюдение норм МГП, делегирование «ответственности человека» собственным автоматизированным системам; контролируемое использование силы в соответствии с международным правом; осуществление проверок систем вооружений до стадии их развертывания; обеспечение физической и киберзащиты, а также соблюдение режимов нераспространения; оценка рисков и последствий на стадии создания систем; оценка новых технологий в области САС в контексте их совместимости с принципами МГП; ненанесение ущерба исследованиям, развитию и использованию гражданских аппаратов; необходимость исключения антропоморфной перспективы развития систем с искусственным интеллектом; наконец, признание КНО в качестве удачной рамочной структуры для обсуждения и решения проблем, связанных с САС⁴⁹. В целом начатая ГПЭ работа по формулированию возможных руководящих принципов гуманитарного права применительно к САС достигла к 2018 г. определенных значимых результатов, которые могут получить развитие в будущем⁵⁰.

⁴⁹ Gill A.S. The role of the United Nations in addressing emerging technologies in the area of lethal autonomous weapons systems // UN Chronicle. 2018. Vol. LV. No. 3–4. Available at: <https://unchronicle.un.org/article/role-united-nations-addressing-emerging-technologies-area-lethal-autonomous-weapons-systems> (accessed: 28.05.2019).

⁵⁰ В то же время следует отметить, что ряд ведущих стран (в том числе США, Россия, Израиль и Южная Корея) выступили в 2018 г. против заключения юридически обязывающего документа об ограничении применения САС.

Режим контроля над вооружениями и меры доверия

На протяжении последнего десятилетия был предпринят ряд попыток предложить меры ограничения боевых беспилотников, в первую очередь БПЛА, в рамках системы контроля над вооружениями и мер доверия. В частности, Российская Федерация в течение многих лет предлагала включить ударные БПЛА в меры ограничения и контроля ДРСМД, опираясь на то, что это может быть сделано без каких-либо изменений в тексте документа⁵¹. Кроме того, выдвигались предложения о том, что контроль над БПЛА может быть интегрирован в диалог в случае «перезапуска» КОВЕ. Соответствующие предложения были озвучены министром иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайером в 2016 г.⁵², когда Германия председательствовала в ОБСЕ.

Диалога по вопросу об ограничениях на БПЛА в рамках ДРСМД с США, одним из ведущих мировых производителей ударных беспилотных систем, как и следовало ожидать, не получилось. Российские официальные представители, отмечая, что «США уже долгие годы наращивают производство и применение ударных беспилотных летательных аппаратов», констатировали: «...такие <...> средства доставки ОМУ со всей очевидностью подпадают под содержащееся в ДРСМД определение крылатых ракет наземного базирования»⁵³. США этот подход отвергали, ссылаясь на принципиальные различия как в самих определениях, так и в техническом устройстве и облике крылатых ракет и БПЛА⁵⁴.

⁵¹ В ДРСМД дано определение крылатой ракеты как «беспилотного, оснащенного собственной двигательной установкой средства, полет которого <...> обеспечивается за счет аэродинамической подъемной силы». БПЛА, таким образом, подпадают под это определение. См.: Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности (1987) // ООН. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (дата обращения: 08.07.2019).

⁵² Steinmeier F.-W. More security for everyone in Europe: A call for a re-launch of arms control // Organization for Security and Co-operation in Europe. 26.08.2016. Available at: <https://www.osce.org/cio/261146?download=true> (accessed: 28.05.2019).

⁵³ Комментарий МИД Российской Федерации в связи с опубликованием очередного доклада Государственного департамента США о соблюдении государствами соглашений в области контроля над вооружениями и нераспространения. 29.04.2017 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2740264 (дата обращения: 28.05.2019).

⁵⁴ Так, в Дорожной карте США по беспилотникам 2005 г. и в последующих документах США по беспилотникам специально отмечалось, что отличает крылатую ракету и БПЛА: во-первых, беспилотные аппараты ориентированы на возвращение по окончании полета/выполнения поставленной задачи/миссии, а крылатые раке-

Вашингтон в конечном счете не признал ни эту, ни ряд других претензий Москвы по ДРСМД, выдвинув со своей стороны обвинения в адрес России в нарушении Договора [Арбатов, 2017; Савельев, 2018].

С 2018 г. США под предлогом имеющегося, на их взгляд, нарушения ДРСМД со стороны России — в первую очередь в связи с созданием и испытаниями крылатой ракеты 9М729 — в одностороннем порядке взяли курс на выход из Договора. Таким образом, была похоронена сама возможность рассмотрения в его контексте запрета на производство и проведение летных испытаний отдельных типов беспилотников — ограничений, следующих из статьи VI данного документа⁵⁵.

Однако, несмотря на выход США из ДРСМД, вопросы об ограничении определенных типов БПЛА — а эти ограничения могут рассматриваться в контексте создания (производства), испытания и развертывания соответствующих систем (как по отдельности, так и вместе по трем этим типам ограничений) — не сняты с повестки дня контроля над вооружениями [Дворкин, 2018]. Из возможных «рамочных ограничений» для БПЛА можно иметь в виду либо перспективу заключения нового соглашения по ограничению числа ракет малой и средней дальности на Европейском континенте, либо заключение новых договоренностей по КОВЕ. В контексте последнего ударные БПЛА (разумеется, при согласованном определении таких систем) могут стать одним из новых видов вооружений, по которым можно было бы согласовать определенные обязательства сторон по ограничению и даже инспектированию, созвучные, например, системе мер контроля и инспекций, действовавшей в соответствии с Договором об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). При этом если говорить о переговорном процессе по КОВЕ, то можно было бы предусмотреть те или иные ограничения не только по

ты — нет; во-вторых, вооружения, которыми оснащены беспилотники, не являются интегрированными в саму конструкцию системы, они отдельно расположены, могут сниматься и т.д., в отличие от крылатой ракеты, где головная часть встроена. См.: Unmanned Aircraft Systems Roadmap 2005–2030 // Office of the Secretary of Defense. 20.07.2005. Available at: https://fas.org/irp/program/collect/uav_roadmap2005.pdf (accessed: 08.06.2019); Refuting Russian Allegations of U.S. Noncompliance With the INF Treaty // U.S. Department of State. 16.11.2018. Available at: <https://www.state.gov/t/avc/inf/287413.htm> (accessed: 08.06.2019).

⁵⁵ В соответствии с принятыми по данной статье обязательствами каждая из сторон не производит никаких ракет средней или меньшей дальности, не проводит летные испытания таких ракет и не производит никаких ступеней таких ракет и никаких пусковых установок таких ракет.

БПЛА, но также по НРК, а при соответствующем консенсусе сторон — и по МРК определенных типов.

Другими словами, не обязательно можно идти по пути заключения специальных соглашений по ограничению тех или иных видов беспилотных средств (авиационных, наземных или морских) — можно было бы также ориентироваться на их встраивание в уже имеющиеся договоренности. В этом смысле представляется целесообразным учесть опыт, например, советско-американского Договора об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г., в котором помимо основного текста, содержащего обязательства сторон, имелся целый набор «согласованных заявлений» в связи с Договором (парафированных главами делегаций), а также «общих пониманий» и «односторонних заявлений»⁵⁶. В итоге все они в равной степени составляли «ткань» договоренности и принимались во внимание сторонами вплоть до одностороннего выхода США из Договора в 2002 г.

История знает немало примеров, когда в ходе переговорного процесса по контролю над вооружениями и повестка, и сфера охвата договоренностями различных типов вооружений то расширялись, то сужались. В настоящий момент, например, в отношении морских (включая подводные) беспилотных систем, равно как и ракетных систем морского старта, никаких механизмов ограничений не выработано, если не считать правил прохода для военных судов, закрепленных в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Однако можно вспомнить, что в 1989 г. в начале переговоров, закончившихся подписанием ДОВСЕ, Москва настаивала на включении в процесс ограничений морских вооружений. Но в итоге последние в число ограничиваемых договором вооружений и техники (ОДВТ) не вошли, а консенсус на тот момент (1990) выразился в согласии 23 стран — участниц переговоров на сокращение и ограничения по пяти категориям вооружений: боевым танкам, боевым бронированным машинам, артиллерии, ударным вертолетами боевым самолетам. Но это

⁵⁶ См.: Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны. 26.05.1972 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: http://www.mid.ru/web/guest/voenno-strategiceskie-problemy/-/asset_publisher/hpkjeev1aY0p/content/id/609080 (дата обращения: 09.07.2019); Treaty Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on the Limitation of Anti-Ballistic Missile Systems (ABM Treaty) // Nuclear Threat Initiative. Available at: <https://www.nti.org/learn/treaties-and-regimes/treaty-limitation-anti-ballistic-missile-systems-abm-treaty> (accessed: 08.07.2019).

не означает, что вопросы контроля над морскими ракетными и беспилотными средствами (включая автономные НПА) не могут быть рассмотрены по мере ревитализации диалога по КОВЕ. Представляется, что при желании сторон в рамках обсуждений по КОВЕ можно было бы поставить вопросы как о БПЛА, так и о наземных и морских беспилотных системах, в частности сформировать рабочую группу по этому вопросу.

Венский документ о мерах укрепления доверия и безопасности (в своем нынешнем виде он был согласован в 2011 г.)⁵⁷ мог бы при согласии всех стран-участниц стать еще одним инструментом, закрепляющим определенные ограничения в отношении БПЛА и наземных роботизированных систем. Эти ограничения соответственно были бы связаны не с запретом на их размещение (в тех или иных зонах), но с механизмами обмена информацией о них, наблюдений и инспекций. Для этого для начала странам-участницам можно было бы согласиться на включение БПЛА и НРК в регулярный обмен информацией по документу. Но сегодня прогресс на пути совершенствования Венского документа стал невозможен. В настоящее время Российская Федерация не принимает участия в диалоге по обычным вооружениям в Европе. В связи с несогласием западных стран ратифицировать Соглашение об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе 1999 г. (очередного этапа КОВЕ) [Евтодьева, 2009] Россия «полностью приостановила» свое участие в ДОВСЕ. Что касается Венского документа, то обсуждение его изменений также заблокировано после 2013 г. Западные участники ВД-2011 на протяжении последних лет, указывая на застой в области КОВЕ и разногласия по вопросу о «параметрах работы мер доверия», призывают к модернизации этого документа. Однако Российская Федерация со своей стороны заняла принципиальную позицию, констатируя, что «в отсутствие ясности в отношении судьбы КОВЕ, когда прежний ДОВСЕ практически прекратил существование, а ничего нового ему на замену нет и не предвидится, всерьез заниматься глубокой модернизацией ВД-2011 попросту невозможно»⁵⁸.

⁵⁷ Венский документ 2011 года о мерах укрепления доверия и безопасности. 30.11.2011 // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Доступ: <https://www.osce.org/ru/fsc/86600?download=true> (дата обращения: 08.07.2019).

⁵⁸ Комментарий МИД России по поводу статьи Генерального секретаря НАТО // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 27.11.2015. Доступ: http://www.mid.ru/kommentarii/-/asset_publisher/2MrVt3CzL5sw/content/id/1955311 (дата обращения: 28.05.2019).

В целом следует заключить, что диалог по тематике ограничения беспилотных аппаратов в рамках системы контроля над вооружениями и мер доверия ведется недостаточно интенсивно и не соответствует уровню и масштабу быстрорастущих проблем в этой области. В значительной степени это является следствием продолжающегося кризиса в отношениях России с США и другими странами НАТО, из-за чего многие возможности для обсуждения блокируются. Помимо политических причин неготовность сторон к переговорам обусловлена также военно-техническими и экономическими условиями. Во-первых, применительно к БПЛА и другим беспилотным системам речь идет о не вполне ясных перспективах развития соответствующих боевых средств (по степени автономности, масштабам принятия на вооружение, влиянию на развитие стратегических сил). Во-вторых, в связи с ростом объемов продаж и производства беспилотников в различных странах и их хорошими перспективами на мировом рынке вооружений мощные лоббистские усилия со стороны компаний и государств, являющихся их крупнейшими производителями, направлены на поддержку не ограничительных мер, а роста их производства и распространения.

Такое положение дел в определенной степени контрастирует с ситуацией в рамках ООН, где ведется достаточно развернутое обсуждение проблем контроля за автономными системами оружия. По этому направлению продолжается весьма скрупулезная коллективная работа в рамках КНО, направленная на согласование целесообразности и путей ограничения внушающих опасение смертоносных автономных систем. Эта работа уже вышла на уровень совместного осмысления и анализа применимости к данной области всего свода МГП, и в перспективе не исключено, что она может привести к введению тех или иных ограничений и/или мер контроля. Одним из важных шагов в русле такого подхода стало, в частности, предложение Китая о согласовании специального юридически обязывающего протокола к КНО, касающегося использования САС⁵⁹, аналогичного уже имеющемуся Протоколу об ослепляющем лазерном

⁵⁹ Government of China. The position paper submitted by the Chinese delegation to the CCW 5th Review Conference // United Nations. Available at: [https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/\(httpAssets\)/DD1551E60648CEBBC125808A005954FA/\\$file/China%27s+Position+Paper.pdf](https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/DD1551E60648CEBBC125808A005954FA/$file/China%27s+Position+Paper.pdf) (accessed: 28.05.2019).

оружии⁶⁰. Такие меры могут быть достаточно комплексными и детализированными, а накладываемые ограничения могут представлять собой развитие изложенных десяти согласованных принципов, касающихся регулирования САС.

Оптимальным сценарием, к которому следовало бы стремиться с точки зрения эффективного регулирования распространения и применения боевых беспилотных систем, является взаимосвязанное развитие разнонаправленных мер по их ограничению и контролю, включая меры экспортного контроля, ограничения на применение беспилотников и автономных систем в рамках КНО и норм МГП, а также ограничения на беспилотные системы, которые могли бы быть согласованы в рамках системы контроля над вооружениями. Режимы экспортного контроля в таком случае ограничивали и контролировали бы распространение беспилотных систем, их компонентов и технологий, возможные соглашения по контролю и ограничению вооружений охватывали бы платформы определенного типа боевого применения, а нормы МГП и меры регулирования САС касались бы, например, ограничений на тип принятия решений (например, решений оператора или принимаемых системами автоматически) о боевом применении этих платформ.

Регламентация области боевых беспилотных систем (за исключением мер экспортного контроля) в настоящее время только делает первые шаги. До сих пор нет ответа на основополагающие вопросы, связанные с целесообразностью ограничений вообще и выбора областей для таких ограничений в частности. Не подкреплены отдельными решениями проблемы соблюдения суверенитета государств при полетах дронов над их территориями. Неясен юридический статус операторов САС, которые фактически ведут боевые действия, находясь далеко вне их зоны. Вокруг уже начавшегося активного применения дронов и других полуавтономных систем оружия нарастает объем проблем,

⁶⁰ Однако принятые странами обязательства по лазерному оружию в соответствии с Протоколом носят достаточно узкий характер: речь идет о запрещении применения и передачи другим государствам лазерного оружия, предназначенного «исключительно или в том числе для того, чтобы причинить постоянную слепоту органам зрения человека». См.: Дополнительный протокол к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Протокол об ослепляющем лазерном оружии) // Кодекс. Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/901755153> (дата обращения: 28.05.2019).

решение которых явно запаздывает по сравнению с динамикой военно-технического прогресса в этой сфере.

Однако постепенно складывается определенный консенсус относительно необходимости ограничений в отношении ударных систем, способных, как отмечается в КНО, наносить «чрезмерные повреждения или имеющих неизбирательное действие»⁶¹. Есть понимание и относительно применимости к САС (к числу которых могут быть отнесены определенные типы БПЛА) норм МГП.

Ряд БПЛА, а также НРК и МРК находятся в зоне действия нескольких режимов экспортного контроля, однако эффективность этих режимов подвергается обоснованной критике, в том числе в связи с их ограниченным и юридически необязательным характером. В попытках обеспечения контроля за беспилотными системами в целом пока явно наблюдается крен в сторону экспортного контроля при очевидном дефиците усилий в направлении введения ограничений на оснащение вооруженных сил такими системами и/или на применение наиболее опасных из них. Это обусловлено, помимо активного развития рынка и экспорта БПЛА и других беспилотных систем, тем, что многие страны-лидеры в области производства этих систем рассматривают меры экспортного контроля в качестве более удобных для исполнения и менее обязывающих, нежели возможные более строгие юридически обязывающие ограничения.

На современном этапе перспектива включения ограничений на беспилотные аппараты в систему контроля над вооружениями представляется весьма неопределенной в связи с глубоким кризисом последней, принципиальными разногласиями среди ее ключевых участников. Тем более проблематичным видится заключение отдельного соглашения по контролю над беспилотными системами (или, в частности, над БПЛА) с участием основных стран-производителей.

Современная история, однако, свидетельствует, что серьезным стимулом для разрешения проблем на отдельных участках процесса сокращения и ограничения вооружений может стать продвижение на его «центральных направлениях». Так, в 1970-х годах прогресс на пути сокращения и ликвидации ядерных вооружений, который по праву считается «центральным»

⁶¹ Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие // ООН. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/conweapons.pdf (дата обращения: 08.07.2019).

направлением всего контроля над вооружениями, дал старт целой плеяде соглашений в этой области в целом (к их числу относятся и упомянутые в данной работе ДРСМД и ДОВСЕ).

Взаимосвязанность отдельных элементов системы контроля над вооружениями хорошо видна на примере такого важного соглашения, как ДОВСЕ. Приостановка его действия сделала, как было отмечено, невозможным какие-либо подвижки в модернизации и совершенствовании Венского документа по мерам доверия.

К настоящему моменту развитие системы контроля над вооружениями зашло в тупик практически на всех направлениях. Однако если между Вашингтоном и Москвой наметится прогресс в переговорах в области стратегических наступательных вооружений (например, хотя бы в виде продления важного Пражского договора 2010 г. и дальнейшего продолжения соответствующих консультаций), то это станет заметным шагом на пути разрядки напряженности в отношениях России с США и странами Запада в целом. Тем самым будут созданы условия для возобновления и интенсификации диалога по другим направлениям контроля над вооружениями. При таком сценарии развития событий откроются и новые возможности для проработки ограничений в сфере беспилотных систем, бесконтрольное развитие которой чревато угрозой безопасности и стратегической стабильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбатов А. Договор о ракетах средней дальности — 30 лет спустя // Ежегодник СИПРИ 2016: вооружение, разоружение, международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 873–883.
2. Бауэр С., Виски А. Режим контроля над экспортом // Ежегодник СИПРИ 2013: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 491–502.
3. Белоусов И. Современные и перспективные необитаемые подводные аппараты ВМС ведущих европейских стран // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 3. С. 79–85.
4. Бромли М., Фербрюгген М., Веземан С. Транспарентность поставок оружия // Ежегодник СИПРИ 2015: вооружение, разоружение, международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 453–461.
5. Варламова Л.А., Тажиев Ж.А. Роботы и дроны // Молодой ученый. 2018. № 29 (206). С. 121–125.
6. Веселов В.А. Противоспутниковое оружие и стратегическая стабильность: уроки истории // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. № 4. С. 3–22.
7. Веселов В.А., Фененко А.В. «Воздушная мощь» в мировой политике // Международные процессы. 2016. № 3. С. 6–27. DOI 10.17994/IT.2016.14.3.46.2.

8. Голубенко Е.А. Автономные системы вооружения и международное гуманитарное право // Вестник Академии военных наук. 2017. № 2 (59). С. 101–106.
9. Дворкин В.З. Как сохранить Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 10. С. 22–25. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-10-22-25.
10. Евтодьева М.Г. ДОВСЕ: кризис доверия и нарушение баланса сил // Безопасность Евразии. 2009. № 1 (35). С. 322–325.
11. Климов Р.С., Лопота А.В., Спасский Б.А. Тенденции развития наземных робототехнических систем военного назначения // Робототехника и техническая кибернетика. 2015. № 3 (8). С. 3–10.
12. Козюлин В.Б., Грант Т., Гребенщиков А.В. и др. Боевые роботы: угрозы учтенные или непредвиденные // Индекс безопасности. 2016. № 3–4. С. 79–96.
13. Кокошин А.А. Проблемы обеспечения стратегической стабильности: теоретические и прикладные вопросы. М.: Едиториал УРСС, 2011.
14. Кокошин А.А., Балуевский Ю.Н., Потапов В.Я. Влияние новейших тенденций в развитии технологий и средств вооруженной борьбы на военное искусство // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 4. С. 3–22.
15. Кошкин Р.П. Беспилотные авиационные системы. М.: Стратегические приоритеты, 2016.
16. Лидеры производства военных БЛА выходят на коммерческий рынок // Военно-техническое сотрудничество. 2017. № 4. С. 27–30.
17. Лопота А.В., Николаев А.Б. Беспилотные летательные аппараты. СПб.: ГНЦ РФ ЦНИИ робототехники и технической кибернетики, 2015.
18. Лопота А.В., Николаев А.Б. Морские робототехнические комплексы военного и специального назначения. СПб.: ГНЦ РФ ЦНИИ робототехники и технической кибернетики, 2016.
19. Лопота А.В., Николаев А.Б. Наземные робототехнические комплексы военного и специального назначения. СПб.: ГНЦ РФ ЦНИИ робототехники и технической кибернетики, 2015.
20. Мясников Е.В. Угроза терроризма с использованием беспилотных летательных аппаратов: технические аспекты проблемы. Долгопрудный: Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ, 2004.
21. Ознобищев С. Оборона и распространение ракетных технологий // Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 239–250.
22. Российско-американское сотрудничество и противоборство. Значение для национальной безопасности России / Под ред. С.М. Рогова. М.: Весь мир, 2017.
23. Савельев А.Г. Договор о ракетах средней и меньшей дальности и стратегическая стабильность // Безопасность и контроль над вооружениями 2017–2018: преодоление разбалансировки международной стабильности. М.: ИМЭМО РАН; РОССПЭН, 2018. С. 32–40.
24. Тебин П. Наземные роботизированные комплексы // Экспорт вооружений. 2017. № 4. С. 36–44.

25. Фетисов В., Неугодникова Л., Адамовский В., Красноперов Р. Беспилотная авиация: терминология, классификация, современное состояние. Уфа: ФОТОН, 2014.

26. Энтони И., Холланд К. Управление автономным оружием // Ежегодник СИПРИ 2014: вооружение, разоружение, международная безопасность. М.: ИМЭМОРАН, 2015. С. 456–465.

27. Boulanin V., Verbruggen M. Availability and military use of UAVs // SIPRI literature review for the Policy and Operations Evaluations Department of the Dutch Ministry of Foreign Affairs. Final Report. 2017. P. 121–132. Available at: <https://www.ioe-evaluatie.nl/publicaties/rapporten/2017/08/01/sipri-literature-review-for-ioe> (accessed: 28.05.2019).

28. Boyle M.J. The costs and consequences of drone warfare // *International Affairs*. 2013. Vol. 89. No. 1. P. 1–29. DOI: 10.1111/1468-2346.12002.

29. Bromley M. Human rights, the European Union and dual-use export controls // *SIPRI yearbook 2017: Armaments, disarmament and international security*. New York: Oxford University Press, 2017. P. 616–628.

30. Candelmo C. Drones at war: The military use of unmanned aerial vehicles and international law // *Use and misuse of new technologies (Contemporary challenges in international and European law)* / Ed. by E. Carpanelli, N. Lazzarini. Springer International Publishing, 2019. P. 93–112. DOI: 10.1007/978-3-030-05648-3.

31. Davis I., Boulanin V., Bromley M. et al. Humanitarian arms control regimes: Key developments in 2016 // *SIPRI yearbook 2017. Armaments, disarmament and international security*. New York: Oxford University Press, 2017. P. 554–576.

32. Davis I., Verbruggen M. The Convention on Certain Conventional weapons // *SIPRI yearbook 2018: Armaments, disarmament and international security*. New York: Oxford University Press, 2018.

33. *Drone wars: Transforming conflict, law, and policy* / Ed. by P.L. Bergen, D. Rothenberg. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

34. Fuhrmann M., Horowitz M.C. Droning on: Explaining the proliferation of unmanned aerial vehicles // *International Organization*. 2017. Vol. 71. No. 2. P. 397–418. DOI: 10.1017/S0020818317000121.

35. Garcia D. Future arms, technologies, and international law: Preventive security governance // *European Journal of International Security*. 2016. Vol. 1. No. 1. P. 91–111. DOI: 10.1017/eis.2015.7.

36. Gilli A., Gilli M. The diffusion of drone warfare? Industrial, organizational, and infrastructural constraints // *Security Studies*. 2016. Vol. 25. No. 1. P. 50–84. DOI: 10.2139/ssrn.2425750.

37. Herrick K. Development of the unmanned aerial vehicle market: Forecasts and trends // *Air & Space Europe*. 2000. Vol. 2. No. 2. P. 25–27. DOI: 10.1016/S1290-0958(00)80035-0.

38. Horowitz M.C., Kreps S.E., Fuhrmann M. Separating fact from fiction in the debate over drone proliferation // *International Security*. 2016. Vol. 41. No. 2. P. 7–42. DOI: 10.1162/ISEC_a_00257.

39. Miller S., Legvold R. Meeting the challenges of the New Nuclear Age: Nuclear weapons in a changing global order. Cambridge: American Academy of Arts and Sciences, 2019.

40. Perry W. My journey at the nuclear brink. Stanford: Stanford University Press, 2015.

41. Preventing the erosion of strategic stability / Ed. by V. Kantor. National Institute of Corporate Reform, 2018.
42. Sartori P. The Missile Technology Control Regime and UAVs: A mismatch between regulation and technology // IAI Commentaries. 2017. Iss. 17. Available at: <http://www.iai.it/sites/default/files/iaicom1732.pdf> (accessed: 28.05.2019).
43. Scharre P. Army of none: Autonomous weapons and the future of war. New York: W.W. Norton and Company, 2018.
44. Weiss M. How to become a first mover? Mechanisms of military innovation and the development of drones // European Journal of International Security. 2018. Vol. 3. Iss. 2. P. 187–210. DOI: 10.1017/eis.2017.15.
45. Zaloga S., Palmer I. Unmanned aerial vehicles: Robotic air warfare, 1917–2007. Oxford; New York: Osprey, 2008.

M.G. Yevtodyeva, S.K. Oznobishchev

MILITARY UNMANNED SYSTEMS: CURRENT STATE, PROSPECTS FOR LIMITATION AND CONTROL

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations of the Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997*

The paper examines different types of modern military unmanned systems — unmanned aerial vehicles (UAVs), unmanned ground systems and unmanned maritime systems — in terms of related R&D in different countries, changes in world market demand as well as opportunities and prospects for their limitation and control. The authors provide an updated classification of these three types of unmanned systems. Based on the analysis of contemporary R&D projects and procurement data the paper shows that global market of unmanned systems will grow in the near future and that this will become a major impediment for promoting control and limitation of such systems. It is therefore equally difficult to expect expansion and strengthening of effective export control of the unmanned systems. On the contrary, opposite trends are likely to prevail, including, among all, artificial adjustment of the unmanned systems to the categories of export products with relaxed requirements. The authors conclude that it would be equally difficult to overcome other drawbacks of export control regimes, such as possibilities of non-material technology transfer or non-adherence to corresponding restrictive regimes of countries which are the largest producers and exporters of unmanned systems.

Concerning UAVs' limitation and control, the authors outline two main tracks of debate at the international level — the UN discussions on restriction of use of the unmanned platforms classified as lethal autonomous weapon systems (LAWS) and less institutionalized discussions on prospects for incorporating of unmanned systems in the set of arms control agreements.

The authors identify main barriers to providing effective control over the development of the military UAVs, as well as prospects for advancement in that direction, and, finally, formulate some policy relevant recommendations.

Keywords: unmanned systems, unmanned aerial vehicles (UAVs), unmanned ground systems, unmanned maritime systems, research and development, export control, arms control, Missile Technology Control Regime, Wassenaar Arrangements, Arms Trade Treaty, UN, lethal autonomous weapon systems, Intermediate-range Nuclear Forces (INF) Treaty, conventional arms control in Europe.

About the authors: *Marianna G. Yevtodyeva* — PhD (Political Science), Head of Group of Globalization of the Military-Economic Processes at the IMEMO Center for International Security (e-mail: mariannaevt@imemo.ru); *Sergey K. Oznobishchev* — PhD (History), Head of Sector of Military-Political Analysis and Research Projects at the IMEMO Center for International Security (e-mail: serko96@gmail.com).

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Science Foundation according to the research project 18-18-00463.

REFERENCES

1. Arbatov A.G. 2017. Dogovor o raketakh srednei dal'nosti — 30 let spustya [Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty — 30 years later]. In *Ezhegodnik SIPRI 2016: vooruzheniya, razoruzheniye i mezhdunarodnaya bezopasnost'* [SIPRI yearbook 2016: Armaments, disarmament and international security]. Moscow, IMEMO RAN Publ., pp. 873–883. (In Russ.)
2. Bauer S., Viski A. 2014. Rezhim kontrolya nad eksportom [Export control regimes]. In *Ezhegodnik SIPRI 2013: vooruzheniya, razoruzheniye i mezhdunarodnaya bezopasnost'* [SIPRI yearbook 2013: Armaments, disarmament and international security]. Moscow, IMEMO RAN Publ., pp. 491–562. (In Russ.)
3. Belousov I. 2016. Sovremennye i perspektivnye neobitaemye podvodnye apparaty VMS vedushchikh evropeiskikh stran [Modern and perspective unmanned underwater vehicles of Navies of the leading European countries]. *Zarubezhnoye voennoye obozrenie*, no. 3, pp. 79–85. (In Russ.)
4. Bromley M., Verbruggen M., Wezeman S. 2015. Transparentnost' postavok oruzhiya [Transparency in arms transfers]. In *Ezhegodnik SIPRI 2015: vooruzheniya, razoruzheniye i mezhdunarodnaya bezopasnost'* [SIPRI yearbook 2014: Armaments, disarmament and international security]. Moscow, IMEMO RAN Publ., pp. 453–461. (In Russ.)
5. Varlamova L.A., Tajiev J.A. 2018. Roboty i drony [Robots and drones]. *Molodoi uchenyi*, no. 29, pp. 121–125. (In Russ.)
6. Veselov V.A. 2016. Protivosputnikovoe oruzhie i strategicheskaya stabil'nost': uroki istorii [Anti-satellite weapons and strategic stability: Lessons of history]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 3, pp. 3–22. (In Russ.)
7. Veselov V.A., Fenenko A.V. 2016. Vozdushnaya moshch v mirovoi politike ['Air power' in world politics]. *International trends*, no. 3, pp. 6–27. DOI: 10.17994/IT.2016.14.3.46.2. (In Russ.)

8. Golubenko E.A. 2017. Avtonomnye sistemy vooruzheniya i mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo [Autonomous weapons systems and international humanitarian law]. *Vestnik akademii voyennykh nauk*, no. 2 (59), pp. 101–106. (In Russ.)
9. Dvorkin V.Z. 2018. Kak sokhranit' Dogovor o likvidatsii raket srednei i men'shei dal'nosti [How to preserve the Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty]. *World Economy and International Relations*, no. 10, pp. 22–25. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-10-22-25. (In Russ.)
10. Evtodyeva M.G. 2009. DOVSE: krizis doveriya i narushenie balansa sil [The CFE Treaty: A crisis of confidence and imbalance of power]. *Bezopasnost' Evrazii*, no. 1 (35), pp. 322–325. (In Russ.)
11. Klimov R.S., Lopota A.V., Spassky B.A. 2015. Tendencii razvitiya nazemnykh robototekhnicheskikh system voyennogo naznacheniya [Trends of development of ground-based military robotic systems]. *Robototekhnika i tekhnicheskaya kibernetika*, no. 3 (8), pp. 3–10. (In Russ.)
12. Kozyulin V.B., Grant T., Grebenshchikov A.V. et al. 2016. Boevye roboty: ugrozy uchtennye i nepredvidennye [Military robots: Registered and unforeseen threats]. *Index bezopasnosti*, no. 3–4, pp. 79–96. (In Russ.)
13. Kokoshin A.A. 2011. *Problemy obespecheniya strategicheskoi stabilnosti: Teoreticheskie i prikladnye voprosy* [Problems of strategic stability: Theoretical and applied issues]. Moscow, Editorial URSS Publ. (In Russ.)
14. Kokoshin A.A., Baluyevsky Yu.N., Potapov V.Ya. 2015. Vliyanie noveisikh tendentsii v razvitii tekhnologii i sredstv vooruzhennoi bor'by na voyennoe iskusstvo [The impact of the latest trends in development of technologies and means of warfare on the art of war]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 4, pp. 3–22. (In Russ.)
15. Koshkin R.P. 2016. *Bespilotnye aviatsionnye sistemy* [Unmanned aerial systems]. Moscow, Strategicheskie priority Publ. (In Russ.)
16. Lidery proizvodstva voyennykh BLA vykhodyat na kommercheskii rynek [Leaders in production of military UAVs enter the commercial market]. 2017. *Voyenno-tekhnicheskoye sotrudnichestvo*, no. 4, pp. 27–30. (In Russ.)
17. Lopota A.V., Nikolaev A.B. 2015a. *Bespilotnye letatel'nye apparaty* [Unmanned aerial vehicles]. Saint Petersburg. (In Russ.)
18. Lopota A.V., Nikolaev A.B. 2016. *Morskie robototekhnicheskie kompleksy voyennogo i special'nogo naznacheniya* [Unmanned maritime systems for military and special use]. Saint Petersburg. (In Russ.)
19. Lopota A.V., Nikolaev A.B. 2015b. *Nazemnye robototekhnicheskie kompleksy voennogo i special'nogo naznacheniya* [Ground robotic systems for military and special use]. Saint Petersburg. (In Russ.)
20. Myasnikov E.V. 2004. *Ugroza terrorizmu s ispol'zovaniem bespilotnykh letatel'nykh apparatov: tekhnicheskie aspekty problemy* [Drone terrorism threat: Technical aspects]. Dolgoprudnyi. (In Russ.)
21. Oznobishchev S.K. 2012. Oborona i rasprostraneniye raketnykh tekhnologii [Missile defense and missile proliferation]. In Arbatov A., Dvorkin V. (eds.). *Protivoraketnaya oborona: protivostoyaniye ili sotrudnichestvo* [Missile defense: Confrontation or cooperation?]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 239–250. (In Russ.)
22. Rogov S.M. (ed.). 2017. *Rossiysko-amerikanskoye sotrudnichestvo i protivoborstvo. Znachenie dlya natsional'noy bezopasnosti Rossii* [Russian-American cooperation and confrontation. Importance for the national security of Russia]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)

23. Saveliev A.G. 2018. Dogovor o raketakh srednei i men'shei dal'nosti i strategicheskaya stabil'nost' [The Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty and strategic stability]. In *Bezopasnost' i kontrol' nad vooruzheniyami 2017–2018: Preodolenie razbalansirovki mezhdunarodnoi stabilnosti* [Security and arms control 2017–2018: Overcoming the imbalance of international stability]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 32–40. (In Russ.)
24. Tebin P. 2017. Nazemnye robotizirovannye komplekсы [Ground robotic systems]. *Export vooruzhenii*, no. 4, pp. 36–44. (In Russ.)
25. Fetisov V., Neugodnikova L., Adamovskii V., Krasnoperov R. 2014. *Bespilotnaya aviatsiya: terminologiya, klassifikatsiya, sovremennoye sostoyanie* [Unmanned aviation: Terminology, classification, current state]. Ufa, FOTON Publ. (In Russ.)
26. Anthony I., Holland C. 2015. Upravlenie avtonomnym oruzhiem [Management of autonomous weapons]. In *Ezhegodnik SIPRI 2014: vooruzheniya, razoruzheniye i mezhdunarodnaya bezopasnost'* [SIPRI yearbook 2014: Armaments, disarmament and international security]. Moscow, IMEMO RAN Publ., pp. 456–465. (In Russ.)
27. Boulanin V., Verbruggen M. 2017. Availability and military use of UAVs. In *SIPRI literature review for the Policy and Operations Evaluations Department of the Dutch Ministry of Foreign Affairs*. New York, Oxford University Press.
28. Boyle M.J. 2013. The costs and consequences of drone warfare. *International Affairs*, vol. 89, no. 1, pp. 1–29. DOI: 10.1111/1468-2346.12002.
29. Bromley M. 2017. Human rights, the European Union and dual-use export controls. In *SIPRI yearbook 2017: Armaments, disarmament and international security*. New York, Oxford University Press, pp. 616–628.
30. Candelmo C. 2019. Drones at war: The military use of unmanned aerial vehicles and international law. In Carpanelli E., Lazzerini N. (eds.). *Use and misuse of new technologies: Contemporary challenges in international and European law*. Springer International Publishing, pp. 93–112. DOI: 10.1007/978-3-030-05648-3.
31. Davis I., Boulanin V., Bromley M. et al. 2017. Humanitarian arms control regimes: Key developments in 2016. In *SIPRI yearbook 2017. Armaments, disarmament and international security*. New York, Oxford University Press, pp. 554–576.
32. Davis I., Verbruggen M. 2018. The Convention on Certain Conventional weapons. In *SIPRI yearbook 2018: Armaments, disarmament and international security*. New York, Oxford University Press.
33. Bergen P.L., Rothenberg D. (eds.). 2015. *Drone wars: Transforming conflict, law, and policy*. Cambridge, Cambridge University Press.
34. Fuhrmann M., Horowitz M.C. 2017. Droning on: Explaining the proliferation of unmanned aerial vehicles. *International Organization*, vol. 71, iss. 2, pp. 397–418. DOI: 10.1017/S0020818317000121.
35. Garcia D. 2016. Future arms, technologies, and international law: Preventive security governance. *European Journal of International Security*, vol. 1, no. 1, pp. 91–111. DOI: 10.1017/eis.2015.7.
36. Gilli A., Gilli M. 2016. The diffusion of drone warfare? Industrial, organizational, and infrastructural constraints. *Security Studies*, vol. 25, no. 1, pp. 50–84. DOI: 10.2139/ssrn.2425750.
37. Herrick K. 2000. Development of the unmanned aerial vehicle market: Forecasts and trends. *Air & Space Europe*, vol. 2, no. 2, pp. 25–27. DOI: 10.1016/S1290-0958(00)80035-0.

38. Horowitz M.C., Kreps S.E., Fuhrmann M. 2016. Separating fact from fiction in the debate over drone proliferation. *International Security*, vol. 41, no. 2, pp. 7–42. DOI: 10.1162/ISEC_a_00257.
39. Miller S., Legvold R. 2019. *Meeting the challenges of the New Nuclear Age: Nuclear weapons in a changing global order*. Cambridge, American Academy of Arts and Sciences.
40. Perry W. 2015. *My journey at the nuclear brink*. Stanford, Stanford University Press.
41. Kantor V. (ed.). 2018. *Preventing the erosion of strategic stability*. Italy, Luxembourg Forum on Preventing Nuclear Catastrophe.
42. Sartori P. 2017. The missile technology control regime and UAVs: A mismatch between regulation and technology. *IAI Commentaries*, iss. 17. Available at: <http://www.iai.it/sites/default/files/iaicom1732.pdf> (accessed: 28.05.2019).
43. Scharre P. 2018. *Army of none: Autonomous weapons and the future of war*. New York, W.W. Norton and Company.
44. Weiss M. 2017. How to become a first mover? Mechanisms of military innovation and the development of drones. *European Journal of International Security*, vol. 3, iss. 2, pp. 187–210. DOI: 10.1017/eis.2017.15.
45. Zaloga S., Palmer I. 2008. *Unmanned aerial vehicles: Robotic air warfare, 1917–2007*. Oxford and New York, Osprey.

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Е.В. Хахалкина*

«МИР РЕГИОНОВ» ИЛИ РЕГИОНЫ МИРА?

Рецензия на коллективную монографию «Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века»**

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»
634050, г. Томск, пр-т Ленина, 36*

Рецензия посвящена вышедшей в 2018 г. коллективной монографии «Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века». В этой работе дается анализ существующих объединений и показано их место в мировой политической системе. В рецензии подробно рассмотрена структура данной монографии. В частности, рецензент отмечает, что анализу отдельных проектов, их трудностей и достижений предшествует развернутый и информативный материал о теоретических основах изучения проблем интеграции. Авторы постарались вписать эти сюжеты в более широкий контекст современных поисков мировым экспертным сообществом адекватного определения существующего миропорядка. Каждое интеграционное объединение исследуется в монографии как продукт конкретно-исторических, культурно-политических и социально-экономических особенностей развития одного государства или группы государств. При этом открытым остается вопрос о роли регионов в будущем глобальном управлении, соотношении в существующих группировках стабилизирующих и дестабилизирующих элементов и практик. Особое внимание в рецензии уделено оценкам авторов монографии текущего состояния и перспектив развития Европейского союза. В этой связи подробно освещаются взгляды авторов на соотношение понятий «мультикультурализм» и «межкультурный диалог». Отдельно рассмотрены и авторские оценки перспектив российских проектов евразийской интеграции и их сопряжения с европейскими

* *Хахалкина Елена Владимировна* — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (e-mail: ekhakhalkina@mail.ru).

** *Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века* / Под ред. В.И. Михайленко. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018.

и китайскими инициативами. Рецензент заключает, что данная коллективная монография задает вектор исследования как региональных проектов и их «встроенности» в общий миропорядок, так и взаимодействия отдельных стран и группировок.

Ключевые слова: регионы, регионализация, интеграция, глобализация, либеральный порядок, ЕС, ЕАЭС, БРИКС.

В ноябре 2016 г. известный американский дипломат Г. Киссинджер в одном из интервью накануне президентских выборов в США заявил: «Мир в хаосе. Фундаментальные потрясения происходят одновременно во многих частях мира, большинство из которых регулируются разрозненными принципами. В этой связи мы сталкиваемся с двумя проблемами: во-первых, как уменьшить региональный хаос; во-вторых, как создать целостный мировой порядок, основанный на согласованных принципах, необходимых для работы всей системы»¹.

Обе проблемы остаются на повестке дня. Рецензируемая коллективная монография посвящена анализу этих проблем и сопутствующих сюжетов, связанных с поиском ответов на обозначенные вопросы. Особое внимание в работе уделено прояснению процессов выстраивания и развития траектории региональных интеграционных группировок, пониманию их реального потенциала в средне- и долгосрочной перспективе, рисков и угроз, с которыми они сталкиваются, и инструментов, которыми они располагают для адекватного и своевременного отражения возникающих вызовов.

Рецензируемое издание является первым в своем роде в отечественной историографии: подобных коллективных работ, посвященных именно региональной интеграции, ранее не издавалось, в то время как отдельных публикаций большое множество. Цельная и продуманная композиция монографии включает теоретическую и практическую части: во Введении и Разделе 1 дается анализ современных теоретических концепций региональной интеграции, их преимуществ и недостатков с точки зрения объяснения протекающих в мире центростремительных и центробежных процессов. В Разделах 2–4 региональная интеграция рассматривается на примерах Евро-Атлантического и Азиатско-Тихоокеанского регионов, евразийского пространства.

¹ World chaos and world order: Conversations with Henry Kissinger // The Atlantic. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2016/11/kissinger-order-and-chaos/506876/> (accessed: 10.09.2019).

Наконец, в Разделе 5 дается характеристика внерегиональных акторов в контексте интеграции.

Рецензируемое издание отличается логичным, сбалансированным изложением, разнообразием подобранных материалов и органичной «связкой» теоретической базы и практических кейсов: на примерах ЕС, ЕАЭС, БРИКС и других интеграционных группировок прослеживается проявление конкретных теорий и концептуальных установок. Члены авторского коллектива, который включает специалистов из России (Москва, Екатеринбург, Санкт-Петербург, Пермь, Нижний Новгород, Новосибирск, Томск и др.), Украины (Киев) и Финляндии (Рованиemi), подробно останавливаются на анализе наиболее сложных сюжетов, связанных с интеграцией в ее региональном измерении, акцентируют внимание на специфических проблемах и «хроническом» состоянии некоторых из них.

Введение носит подзаголовок «Новый мировой порядок и асимметрии международных интеграционных процессов». Сложно не согласиться с автором, профессором В.И. Михайленко, в том, что до сих пор наблюдается разногласие среди отечественных и зарубежных исследователей в определении сложившейся после окончания «холодной войны» системы межгосударственных отношений. «Для оценки современного этапа эволюции мирового порядка используются такие понятия, как “постялтинский мир”, “постбиполярный мир”, “постевропейский”, “post-cold war order”, “постгегемонический глобальный порядок”. В более широком смысле рассматривается завершение эпохи суверенных мировых акторов (государств), а вместе с ней и Вестфальского мирового порядка. Современный мировой порядок находится в нестабильном переходном состоянии, чреватом глобальными и региональными конфликтами. Вслед за исчезновением биполярной системы, которая, как обруч, связывала региональные пространства, и распадом СССР, осуществлявшего роль полицейского в своей сфере влияния, последовала волна распада ряда стран (Югославии, Ливии, Ирака, Сирии) и идет переформатирование регионов, которые сложились в рамках договоренностей Версальской и Ялтинской систем» (с. 13).

Как представляется, такой мириад определений и смыслов связан не только с объективным усложнением самой системы международных отношений и ее отдельных, региональных подсистем, но также с переходом межгосударственного взаимодей-

ствия в новые плоскости и форматы. Возрастающее количество государств, усиление их роли и веса на мировой арене делают систему международных отношений чрезвычайно подвижной и непредсказуемой, даже хрупкой. Как справедливо подчеркивает В.И. Михайленко, «...мир становится все более многослойным и менее управляемым» (с. 26).

Вхождение отдельных государств в региональные интеграционные группировки в условиях острой конкурентной мировой среды ставит вопрос о соперничестве уже не отдельных стран, а отдельных блоков — торгово-экономических, политических, идеологических и т.д. Автор разделяет идею известного ученого-международника А. Ачария о понятии «мультиплексного мира» (multiplex world) — «многосоставного, а не многополярного мира», «более сложного, чем это было при американском либерально-гегемоническом порядке». «Мультиплексный мир — это мир взаимосвязей и взаимозависимости. Это не унитарный глобальный порядок, либеральный или иной, а комплекс перекрестных, если не конкурирующих международных порядков и глобализмов» (с. 13–14). Согласно другой оценке, упомянутой в книге и принадлежащей другому специалисту — Дж. Наю-мл., «будущее мира заключается в развитии более универсального сообщества и порядка, который согласуется с разнообразием и плюрализмом в его нормах, способах взаимодействия и лидерстве. Узкий акцент только на либеральном порядке привел к игнорированию разнообразия голосов в глобальной политике» (с. 15).

При таких разноплановых оценках современного миропорядка становится понятно, почему трудности возникают и с определением сущности, потенциала и перспектив региональных объединений, их встроенности в современный глобальный мир. Авторы монографии используют как классические интеграционные теории, так и современные подходы к региональным объединениям: теории «нового», «сравнительного» регионализма. Например, профессор Л.С. Воронков в главе 1 «О сути и разнообразии интеграционных процессов» погрузил читателя в широкий спектр существующих интеграционных теорий и возможностей их применения в современных условиях. Этот анализ продолжила профессор М.Л. Лагутина, предложившая теорию «глобальной регионализации» (с. 65–68). Суть нового подхода заключается в рассмотрении регионализации как составной части процессов глобализации (а не ответа на этот феномен),

следствием чего становится появление разнообразных форм интеграционных и региональных объединений, сосуществующих друг с другом (суб-, транс-, межрегиональных и т.д.). Эту нить повествования подхватывает доцент Е.Б. Михайленко в главе 3 «Современный интеррегионализм: формирование региональных и межрегиональных отношений», прослеживая эволюцию теоретических подходов к межрегиональным связям и объясняя их формы и типы.

Тем не менее при всем явном многообразии уже существующих объединений рано говорить, что региональная интеграция победно шагает по планете. В монографии авторы детально разбирают не только достижения, но и глубокие фундаментальные недостатки и сдвиги в функционировании существующих группировок, прогнозируют их развитие и возможные точки взаимодействия.

В этой связи несомненный интерес представляет материал, связанный с интеграцией на примере Евросоюза, существование которого в долгосрочной перспективе ставится в рассматриваемой работе под сомнение. К наиболее «громким» и «хроническим» проблемам, ослабляющим единство ЕС, авторы относят последствия миграционного кризиса. Одна из глав раздела «Интеграционные процессы в Евро-Атлантическом регионе» носит название «Межкультурный диалог как инструмент публичной дипломатии Европейского союза» и посвящена анализу указанной инициативы. Авторы — доцент К.М. Табаринцева-Романова и магистрант Т.В. Поспелова — особо останавливаются на предтече концепции межкультурного диалога — теории мультикультурализма, восприятие которой в политическом и научно-экспертном сообществах весьма неоднозначно.

Любопытно отметить, что в начале 2000-х годов в среде российских политиков и ученых обозначились было дискуссии о возможности использования европейского опыта мультикультурной политики и бесконфликтного выстраивания отношений между разными этническими и религиозными группами. Для России эта проблема актуальна, поскольку страна длительное время входила в пятерку государств по наибольшему количеству иммигрантов². В 2017 г. Россия опустилась на 7-е место после США, Германии, Турции, Соединенного Королевства, Канады

² International Migration Report. 2017 // United Nations. Available at: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf (accessed: 10.09.2019).

и Австралии³, однако иммиграционный вопрос остается в повестке дня. При этом о заимствовании опыта европейских стран речь уже не идет. Едва наметившиеся обсуждения в российских политических и научных кругах быстро прекратились на фоне начавших сотрясать Европейский союз в 2005–2006 гг. террористических атак, затем мирового экономического кризиса и «арабской весны». Еще в 2011 г. европейские лидеры официально признали провал политики мультикультурализма, давая тем самым сигнал другим странам о невозможности в дальнейшем принимать большие потоки иммигрантов. По сути, в Евросоюзе сложилась ситуация раздвоенности проживающих на его территории групп иностранного происхождения на тех, кто интегрировался в принимающее сообщество с разной степенью включенности, и тех, кто выбрал вариант обособленного проживания и даже борьбы против своей новой родины.

Как справедливо замечают авторы, «на этой волне ЕС противопоставил межкультурный диалог мультикультурализму, суть которого <...> состоит в сохранении, признании и автономном существовании разных культур в рамках одного сообщества. Межкультурный диалог, напротив, предполагает установление связей и определение точек соприкосновения между различными культурами, сообществами и народами ради понимания и взаимодействия между ними» (с. 129).

В 2007 г. Брюссель заявил данную инициативу как принципиально новую форму межкультурных отношений, но «в своей сущности сам подход не изменился» (с. 130). Возможно, такое положение дел носит временный характер. Европейский союз уже долгое время находится между молотом и наковальней в решении миграционных проблем и задач интеграции мигрантов. В условиях, когда европейские страны испытывают прессинг либеральных идей и ценностей с их упором на открытость и толерантность, любое ужесточение миграционного законодательства рассматривается как нарушение этих норм. Преодоление обозначенной дилеммы не только не просматривается в ближайшей перспективе, но скорее происходит усугубление проблемы. Европейский союз стремительно стареет и все больше нуждается в притоке иностранной рабочей силы, что предопределяет поиск новой, «не запятнавшей свою репутацию» стратегии в отношении

³ G20 International Migration and Displacement Trends Report 2018 // OECD. Available at: <http://www.oecd.org/els/mig/G20-international-migration-and-displacement-trends-report-2018.pdf> (accessed: 10.09.2019).

уже проживающих и прибывающих иммигрантов. Можно согласиться с авторами в том, что «развитие межкультурного диалога является перспективной моделью построения межкультурных отношений, которая создает образ ЕС как организации, которая способна справиться с вызовами современного мира, связанными с растущим культурным разнообразием в результате миграций, превращения мира в общий дом» (с. 142).

Большой интерес представляет материал о евразийской интеграции. Автор главы «Евразийская идея в теории и политической практике XX — начала XXI в.» доцент О.В. Лушников вполне справедливо указывает на то, что «в отечественном общественно-политическом дискурсе сформировалась идея об уникальном пути развития России как многонационального государства, расположенного на стыке Европы и Азии, известная как евразийская идея» (с. 193). На разных этапах истории эта идея принимала разные формы, наполнялась разными смыслами, но только в настоящее время мы видим проект, который представляет собой потенциальную основу для интеграционного роста, выгодную для всех участников.

Во многих работах, посвященных евразийской интеграции, проводятся параллели с опытом ЕС. Действительно, на модель Европейского союза вольно или невольно ориентируются все государства, поставившие перед собой задачу интеграционного порядка. Однако что касается евразийского проекта, то в Брюсселе его воспринимают с большим скепсисом. Повторить опыт Евросоюза в чистом виде пока не удалось ни одному объединению. Аналогичного взгляда придерживается уже упомянутый историк-международник А. Ачария. В недавнем интервью в июле 2019 г. он заявил: «Усилия ЕС по продвижению своей модели никогда не работали в других местах, даже там, где другие регионы *хотели* ее воспроизвести и где им оказывали финансовую помощь и ноу-хау. Модель была просто слишком формальной, и теории, стоящие за ней, не учитывали локальный контекст. Вот почему разнообразие и инклюзивность являются не только нормативным императивом, но также аналитической и интеллектуальной задачей. Остальной мир намного больше Европы — с точки зрения как физического размера, так и населения, а также истории и культурного наследия»⁴.

⁴Understanding the emerging multiplex world order. 01.07.2019 // University College London. Available at: <https://www.ucl.ac.uk/global-governance/news/2019/jul/understanding-emerging-multiplex-world-order> (accessed: 10.09.2019).

Евросоюз и сегодня остается неким ориентиром в пути, однако евразийская интеграция развивается по своим законам. Все участники ЕАЭС (РФ, Казахстан, Киргизия, Армения, Белоруссия) заинтересованы в развитии сотрудничества по самым разным направлениям. Долгие тесные исторические, экономические, политические связи обуславливают и даже обрекают указанные страны на плотное взаимодействие. В то же время следует обратить внимание на ряд обстоятельств, затрудняющих углубление начатого сотрудничества. Так, Армения не имеет общей границы ни с одним из участников проекта. Внутри созданного объединения пока отсутствует реально действующее свободное передвижение товаров и людей. Автор главы 12 «Особенности сопряжения национально-государственных интересов стран-участниц в интеграционном строительстве ЕАЭС» профессор Н.А. Васильева при анализе этих и других трудностей обращает внимание на небольшой срок существования ЕАЭС (с января 2015 г.), не позволяющий на данном этапе делать глубокие выводы о евразийской интеграции в долгосрочной перспективе (с. 204).

Этой же точки зрения придерживаются и другие российские эксперты. Например, доцент, сотрудник Института Европы РАН Н.Б. Кондратьева в недавнем отчете о развитии ЕАЭС также акцентирует внимание на «молодости объединения» и попытках его участников следовать «европейским канонам» в плане строительства единого рынка: «Даже в запланированных реформах с целью либерализации энергетических рынков использован нормативный опыт ЕС, что повысит уровень совместимости европейского и евразийского энергетических союзов. Однако в таких аспектах, как конкурентное законодательство и институциональная система, повторить европейскую модель будет сложнее»⁵.

Для Российской Федерации интеграционный проект важен прежде всего по причинам внешнеполитического и экономического характера. По мнению Н.А. Васильевой, «несмотря на большие ресурсные и экономические возможности, РФ нуждается в расширении евразийского рыночного пространства, особенно в условиях западных санкций» (с. 206). В то же время «достижение оптимального результата возможно лишь на путях консенсусных договоренностей, взаимных уступок и компромис-

⁵ Кондратьева Н.Б. ЕАЭС 2018 г. глазами экспертов // Институт Европы РАН. Аналитическая записка № 43 (№ 139). 2018. С. 66.

сов, что в итоге постепенно сводит на нет протекционистские амбиции, местнические подходы и прочие негативные моменты в процессе выработки общих евразийских интересов, именно в рамках которых и могут в полной мере раскрыться национально-государственные интересы стран-участниц ЕАЭС» (с. 217–218).

Практический интерес для российской стороны представляет выдвинутая в 2015 г. инициатива КНР «Один пояс — один путь». Сложно не согласиться с авторами подраздела — профессором В.Н. Конышевым и профессором М.Л. Лагутиной — в том, что «до сих пор проект не получил достаточно четких очертаний. Пока не вполне оформлены даже его географические рамки <...>. Окончательного перечня потенциальных партнеров Китая тоже не сформулировано, но по примерным оценкам, <...> проект <...> охватит две трети населения планеты и треть глобального ВВП» (с. 286).

Интерес России к этому проекту связан с рядом причин. С одной стороны, на волне серьезного похолодания отношений между ЕС и РФ после событий 2014 г. растаяли надежды российской стороны на создание общего экономического пространства с «единой Европой», с другой стороны, участие в этом проекте может принести Москве торгово-экономические и геополитические выгоды. Однако авторы подраздела предупреждают, что следует быть аккуратными в определении формата своего участия, чтобы избежать «растворения» собственного проекта интеграции в китайской инициативе. «В частности, многие нормативные документы ЕАЭС ссылаются на национальные законодательства, значит, страны-участницы могут менять правила по своему усмотрению. Но тогда едва ли возможно закрепить единые для всех нормы, которые создают основу взаимовыгодного сотрудничества внутри ЕАЭС» (с. 293–294).

Кроме того, Москва должна выработать четкое видение своей стратегии в отношениях с Китаем и другими региональными игроками. Как известно, после охлаждения отношений с Европейским союзом генеральной внешнеполитической линией страны стал «поворот на Восток», однако соответствующая дипломатическая, торгово-экономическая, идейно-политическая инфраструктура для этого до сих пор не создана. Россия по-прежнему в торговом отношении замкнута на европейское направление.

По данным статистики, Россия является четвертым по величине покупателем продукции ЕС, США, Китая и Швейцарии.

Среди крупнейших экспортеров в страны ЕС Россия занимает третье место после Китая и США. Эти показатели свидетельствуют о том, что влияние санкций со временем уменьшается⁶. Более того, по данным Евростата, товарооборот между Россией и Европейским союзом с января по апрель 2019 г. увеличился на 2,2% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года — до 82,6 млрд евро (93,8 млрд долл.). Российский импорт из стран ЕС увеличился на 1,8% — до 28 млрд евро, а российский экспорт в ЕС возрос на 2,4% — до 54,6 млрд евро⁷. В то же время Азия уже стала вторым после Евросоюза экспортным направлением для Москвы и в настоящее время составляет 37% общего объема российского экспорта. Это означает увеличение на 27% в 2018 г. по сравнению с 2017 г.⁸

Приведенные данные убедительно показывают, что и европейское, и азиатское направления сохраняют торгово-экономическую и геополитическую значимость для российской дипломатии как линии стратегического порядка, и этот фактор следует учитывать при выстраивании общего внешнеполитического курса РФ.

В других разделах книги ставятся вопросы об инновационном развитии и диспаритетах экономик стран БРИКС, особенностях китайской модели регионализации, современном латиноамериканском регионализме, проблемах интеграционных процессов в Восточной Африке, развитии и будущем «Глобальной Арктики» как региона нового типа и о других аспектах интеграции.

Как видно, коллективная монография задает вектор исследования как региональных проектов и их «встроенности» в общий миропорядок, так и взаимодействия отдельных стран и группировок. В Заключении обозначается ряд вопросов, которые смело можно отнести к разряду риторических: каким будет глобальное управление, какую роль в нем будут играть регионы и процессы регионализации, по какой модели и под чьим контролем будет развиваться мировой порядок. Коллективная монография может быть рекомендована всем, кто интересуется интеграцией как

⁶ 2019 Russian–EU bilateral trade increasing // Russia Briefing. Available at: <https://www.russia-briefing.com/news/2019-russian-eu-bilateral-trade-increasing.html/> (accessed: 10.09.2019).

⁷ Russia outbound — Russia's new developing Asian export markets // Russia Briefing. Available at: <https://www.russia-briefing.com/news/russia-outbound-russias-new-developing-asian-export-markets.html/> (accessed: 10.09.2019).

⁸ Ibidem.

феноменом в широком смысле слова, интеграционными группировками, их достижениями и рисками, местом и ролью России в современных региональных и глобальных проектах.

E.V. Khakhalkina

THE WORLD OF REGIONS OR REGIONS OF THE WORLD

Book review of 'Asymmetries of regional integration projects in the 21st century'

*National Research Tomsk State University
36, Lenin av., Tomsk, 634050*

The book under review is a multiauthored book 'Asymmetries of regional integration projects in the 21st century' published in 2018. The book assesses both the key contemporary integration projects and their role in a global political system. The review provides a detailed description of the contents of the book. The reviewer emphasizes that the analysis of individual integration projects is preceded by a detailed and informative overview of the theoretical basis for studies on integration. The authors examine these issues through the prism of contemporary attempts by the academic community to define the existing world order. Each integration project is considered as a product of specific historical, cultural, political and socio-economic features of a particular state or a group of states. At the same time, fundamental questions of the role of regions in the future global order, as well as of proportion between stabilizing and destabilizing factors and practices within each of them remain open. The review focuses on the authors' assessments of the current state and prospects for the development of the European Union. In this regard the reviewer examines the authors' views on the concepts of 'multiculturalism' and 'intercultural dialogue'. Finally, the reviewer pays special attention to the authors' assessments of the Russian projects of Eurasian integration and of the prospects for their interlinking with the European and Chinese initiatives. The reviewer concludes that this book sets out new directions for research of both the regional integration projects and their role in the global world order, and of interaction between individual countries and groups of states.

Keywords: regions, regionalization, integration, liberal world order, the EU, the EAEU, BRICS.

About the author: *Elena V. Khakhalkina* — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor at the Chair for Modern and Contemporary History and International Relations, School of History, National Research Tomsk State University (e-mail: ekhakhalkina@mail.ru).